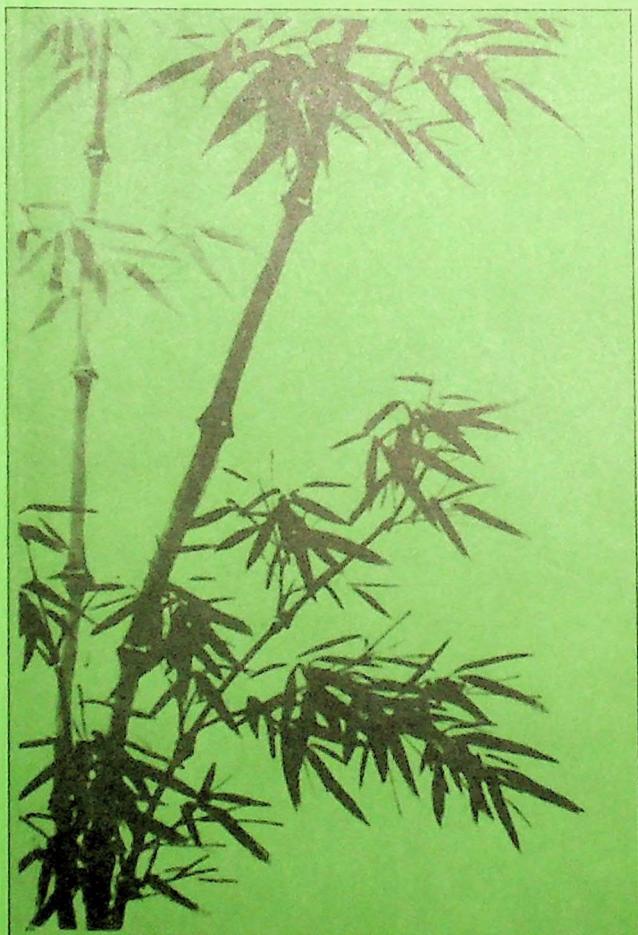

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2 / 2013

ISSN 0131-2812

Итоги XVIII съезда КПК

●
О феномене китайского социализма

●
В Южно-Китайском море
и вокруг него

●
Смена власти в Японии

●
Трубопроводный транспорт Китая

2-4 ОКЗ

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2 / 2013

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М. Титаренко. О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК)..... 3

ИТОГИ XVIII СЪЕЗДА КПК

А. Островский. XVIII съезд КПК: как обеспечить построение общества «сяокан» («малого благоденствия») в Китае..... 25
П. Каменнов. Вопросы военной политики Китая на XVIII съезде КПК 36
И. Ушаков. XVIII съезд КПК и экологический императив Китая..... 51
В. Портяков. Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия 57

ПОЛИТИКА

А. Давыдов. КНР — США — Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? 67
В. Воробьев. Южно-Китайское море: Китай и другие 84
Ю. Морозов. Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? 94
Д. Стрельцов. Новая смена власти в Японии 115

ЭКОНОМИКА

Л. Эдер, И. Филимонова. Особенности развития трубопроводного транспорта Китая 137

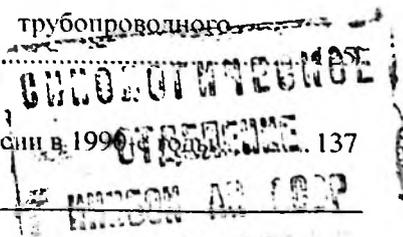
РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

А. Виноградов. Изучение моделей развития Китая в России в 1990-е годы 137

© Российская академия наук, 2013 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2013 г.

2-67 ЭКЗ

ИСТОРИЯ

<i>Н. Пузыня.</i> Политика Японии в юго-западной части Тихого океана (50-е – 80-е годы XX века)	146
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О. Казаков.</i> О научной конференции в ИДВ РАН «Три года правления Демократической партии Японии: итоги и перспективы»	163
<i>В. Чуванкова, Е. Лапина.</i> Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2012 году	170

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Крушинский.</i> Куликова Г.В. Россия — Китай: Народная дипломатия	175
<i>В. Портяков.</i> Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии	180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Людмилы Ивановны Кондрашовой (Молодцовой)	183
Contents.....	187
Summary	188

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (*зам. главного редактора*), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.Н. Усов.

Теория и методология

О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК)

© 2013

М. Титаренко

Анализируются представления о сущности, особенностях и перспективах китайского социализма. Выявляется последовательное развитие и обогащение концепции социализма с китайской спецификой применительно к культурным и цивилизационным особенностям Китая, его социально-экономическому и политическому строю. Раскрывается содержание научной концепции развития и ее практическое применение. Обосновывается важнейшее значение теории и практики построения социализма в Китае для судеб национального возрождения и реализации мечты человечества об обществе справедливости и общего благоденствия.

Ключевые слова: социализм, китайская специфика, китаизация марксизма, В.И. Ленин, Дэн Сяопин, Цзянь Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин, многоукладность, диктатура народной демократии, КПК, раскрепощение сознания, три представителя, научная концепция развития, гармония, национальное возрождение.

«... при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»

Ленин В.И. ПСС. М., 1975. Т. 45. С. 379.

«Не стоит сковывать себя идеологическими абстрактными спорами о том, что эта зона — социалистическая, а не капиталистическая. В процессе реформ надо действовать смелее и не бояться экспериментировать».

Дэн Сяопин.

I. Дискуссии о китайском социализме

Среди синологов, журналистов и просто интересующихся этой загадочной страной, многие годы идут горячие споры о том, что такое китайский социализм, куда идет Китай, какое общество там строится. Ответы на эти вопросы непосредственно связаны с тем, насколько наши знания, наши определения и оценки происходящего в этой громадной стране, которая отличается огромной спецификой, своеобразным менталитетом, учитывают реаллии этого государства.

То, что строится в Китае, и путь, по которому он идет, не укладываются ни в привычные рамки традиционных представлений о социализме, ни в либеральные схемы рыночных отношений западной демократии.

Поэтому зарубежные эксперты скептически относятся к тому, что Китай называют развитием по пути социализма. Специалисты рассматривают происходящее в Китае через призму западных систем ценностей, западного менталитета или ищут сходство и различия, сравнивая китайские подходы к развитию страны с традиционными взглядами на социализм, сложившимися на основе опыта Советского Союза и стран Восточной Европы.

Критика теории и практики социализма с китайской спецификой внутри КНР ведется как справа, так и слева. Однако критики не принимают во внимание ни турбулентность социально-политических процессов, ни новизну избранного китайскими руководителями пути, учитывающего сложнейшие переплетения интересов различных социальных слоев, а также новые международные условия, порождаемые глобализацией. Сложность и грандиозность задач, которые приходится решать Китаю, не может не порождать различных точек зрения не только среди зарубежных экспертов и наблюдателей, но и внутри страны, среди представителей правящей элиты. Такова, можно сказать, неизбежная данность. И было бы странно, если бы все складывалось по-иному.

В обыденном сознании людей восприятие лежащих на поверхности явлений и фактов часто рассматривается как «*знание*» о происходящих в стране процессах. Однако это «*знание*» *не есть понимание сути* этих явлений и причин, породивших те или иные «*факты*».

Это лишь видимость, или «*кажимость*» *знания*, которое схватывает, вырывает из действительности некие моменты, некие части сложного явления или процесса. О таком подходе к знанию В.И. Ленин, конспектируя гегелевскую «Науку логики», писал: «Кажимость есть... бытие как момент». И далее: «Кажущееся есть сущность *в одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. *Сущность* кажется тем-то»¹.

Социалистический путь, который избрал Китай, поистине выстрадан народом в тяжелой борьбе с внутренней реакцией и внешними агрессивными силами. Поэтому *обычного знания*, знания на уровне «*кажимости*», для понимания сложного переплетения текущих экономических, персональных, социальных и культурно-исторических событий явно *недостаточно*. Такого рода «*знания*» дают искаженную картину.

Тем, кто хотел бы как можно быстрее видеть Китай процветающей социалистической страной, осмотрительная стратегия «переходить реку, наступывая камни», а также широкое использование рыночных механизмов и капиталистических методов управления и распределения, представляются отходом от социализма и даже «реставрацией капитализма. (Вот она *кажимость сущности* в «одном определении»!).

С другой стороны, те, кто хотел бы видеть Китай в качестве последователя «золотого миллиарда», идущего по пути капитализма, те же самые моменты использования капиталистических методов хозяйствования и распределения воспринимают как доказательства того, что Китай идет именно по пути «возрождения капитализма».

Чтобы дать адекватные ответы на вопросы, куда идет Китай, каковы особенности социалистического пути, по которому он развивается, не хватает комплексного *понимания ряда факторов*: а) целостного понимания своеобразия этой страны; б) причин,

предопределивших именно этот выбор — путь строительства «социализма с китайской спецификой»; в) стратегии достижения поставленных целей.

Китайским руководителям после победы революции и образования КНР, а затем в ходе ликвидации последствий «культурной революции» пришлось столкнуться с необходимостью решать именно тот комплекс задач и преодолевать те трудности и вызовы, с которыми столкнулся В.И. Ленин после завоевания власти большевиками в России.

Китайским руководителям и КПК надо было, прежде всего, ответить на вопрос о том, «дорос или не дорос Китай до социализма», имеются ли, говоря словами В.И. Ленина, объективные и субъективные «предпосылки для социализма»².

Китайские руководители в выборе пути развития страны учли замечание В.И. Ленина, зафиксированное в его одной из последних задиктовок от 16 января 1923 г.: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... То почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»³.

Последующие слова В.И. Ленина как бы специально были обращены к Китаю: «...дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»⁴.

И далее: «... чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения... нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже *не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму* (подчеркнуто мною. — М.Т.), хотя мы имеем для этого политические предпосылки (подчеркнуто в оригинале)»⁵.

Ключевой задачей при выборе социалистического пути в отсталой стране с многочисленным крестьянским населением В.И. Ленин считал решение вопроса о привлечении на сторону социализма именно крестьянства. «Надо, — отмечал В.И. Ленин в своих последних задиктовках, — ... научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении»⁶.

С учетом вышензложенного, как известно, В.И. Ленин нашел выход из ситуации через НЭП. В те времена в России было немало политиков, которые считали, что эти новые ленинские установки являются отходом от социализма в сторону капитализма.

Китайские руководители, обобщив международный опыт и уроки развития страны за предшествующие 30 лет, сделали выбор в пользу проведения политики реформ и открытости, строительства социализма с китайской спецификой. Чтобы окончательно покончить с мифологией т.н. «уравнительного социализма бедности», который проповедовала «банда четырех», в качестве первоочередной цели была поставлена задача построения общества средней зажиточности — «сяокан».

После завершения т.н. «великой пролетарской культурной революции» в Китае сложилась весьма тяжелая ситуация. Поэтому немало членов КПК и зарубежных аналитиков считали курс Дэн Сяопина на осуществление политики реформ и открытости отступлением от социализма и даже «реставрацией капитализма».

Дискуссии по этому вопросу в китайском обществе и за рубежом продолжают и сегодня. Всякий раз особую остроту они приобретали накануне очередных съездов КПК. Не стала исключением и ситуация в период подготовки к XVIII съезду КПК.

Собственно, сомнения относительно социалистической направленности развития Китая у определенной части зарубежных аналитиков и наблюдателей, а также у части китайских кадров и представителей науки и прессы порождены сложной ситуацией и наличием немалого числа явлений, которые трудно скоррелировать с социализмом. Руководство КПК твердо направляет усилия передовых сил общества, прежде всего партийные кадры на решительную борьбу с этими нездоровыми явлениями, которые к тому же вовлекают в свой мутный водоворот и часть партийной интеллигенции, и даже часть вы-

сокопоставленных кадров. В свое время картину этих сохраняющихся по сей день дискуссий и нездоровых явлений ярко обрисовал Цзян Цзэминь.

«В последние годы ситуация в идейно-политической области в нашей стране в целом благоприятная. — заявлял он. — но необходимо видеть, что в обществе периодически появляются идеи и высказывания, противоречащие четырем основным принципам, вплоть до того, что небольшое количество товарищей в партии попали под то или иное влияние. Некоторые открыто проповедают «сплошную вестернизацию», в политике рекламируют необходимость отмены или ослабления руководящей роли партии, выступают за многопартийность и парламентскую демократию западного типа; некоторые пропагандируют в экономической области осуществление приватизации, отмену основной роли общественной собственности и принципа распределения по труду; в идеологической области некоторые предлагают отменить направляющее положение марксизма, выступают за идеологический плюрализм, в области системы ценностей отстаивают крайний индивидуализм; некоторые извращают историю борьбы партии и народа, клеветают на марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теорию Дэн Сяопина, провоцируют недовольство партией и правительством; некоторые открыто поднимают вопли о несправедливом отношении к активистам буржуазной либерализации, ревизуют события беспорядков 1989 года; некоторые делают достоянием публики и издают низкопробные упаднические произведения и книгопроизводство, в которых пропагандируется аморализм, воспеваются секс, насилие, суеверия; некоторые ставят под сомнение политику реформ и открытости, извращают и нападают на основную линию политического курса нашей партии и так далее»⁷.

Особую опасность, по мнению высших руководителей Китая, представляет коррупция среди партийных и государственных чиновников. Коррупция объявлена самой серьезной смертельной угрозой делу социализма и авторитету КПК среди народа.

Дискуссии о социализме внутри страны и критические настроения части китайских граждан порождаются и наличием социальных противоречий в обществе, поляризацией между богатыми и бедными, между городом и деревней, между развитыми приморскими и отсталыми внутренними регионами. Ху Цзиньтао в докладе XVIII съезду (ноябрь 2012 г.) признал наличие этих противоречий и трудностей. Он подчеркнул, что наряду с большими достижениями «остается немало недостатков и впереди много трудностей и преград». Бывший Генеральный секретарь ЦК КПК охарактеризовал их следующим образом: «Это — острая проблема неравномерного, несбалансированного и неустойчивого развития, ограниченный научно-технический потенциал инновации, нерациональная структура производства, слабая база сельского хозяйства, обостряющаяся проблема ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды... Трансформация модели экономического роста представляет собой исключительно сложную задачу. По-прежнему велики различия в развитии города и села, отдельных регионов, в распределении доходов. Обостряются социальные противоречия, остается много проблем, касающихся насущных интересов народа, таких, как доступность образования, трудоустройства, социального обеспечения, медобслуживания, обеспечения жильем, обеспечения экологической безопасности, безопасности пищевых продуктов и медикаментов...»⁸.

В этих условиях не работает определение социализма, данное Дэн Сяопином, так как основные его компоненты не совпадают с нынешними реалиями в стране. Как известно, в ходе дискуссии о путях развития Китая Дэн Сяопин так определил социализм: «Сущность социализма — это раскрепощение и развитие производительных сил, уничтожение эксплуатации, устранение поляризации и, в конечном счете, достижение общей зажиточности»⁹.

Не случайно, в этой связи, возникшие идейные дискуссии касались преимущественно базовых вопросов: по какому пути идти, как решать возникшие противоречия, как преодолеть разрывы, неравномерности в развитии, как сопрячь развитие экономики и рост благосостояния народа, как преодолеть поляризацию, поощряемую прежним ло-

зунгом «Обогащайтесь!», допускавшим обогащение отдельных регионов и отдельных граждан в ущерб росту общего благосостояния, как решить проблему построения общества всеобщей зажиточности и всеобщего благополучия.

II. Теория Дэн Сяопина: характерные черты социализма с китайской спецификой

Социализм с китайской спецификой, по Дэн Сяопину, не только ввел новые концептуальные понятия социализма, но и по-новому рассматривал взаимоотношения между социализмом и капитализмом. Еще в 80-е годы китайские авторы стали утверждать, что советская модель «не может реализовать преимущества социализма, она стала тормозом для развития социалистических производительных сил»¹⁰. В статье «Творческое развитие социализма с китайской спецификой классической теории научного социализма» теоретик КПК Ли Кэ достаточно четко, без лишних слов перечислил новации, характеризующие китайскую трактовку социализма: «В Китае: 1) осуществляется структура собственности, при которой сосуществуют секторы многоукладной экономики; 2) применяются многообразные формы распределения при доминировании распределения по труду; 3) осуществляется система социалистической рыночной экономики, при которой под государственным макрорегулированием и контролем максимально реализуется базисная роль рыночного механизма в распределении ресурсов»¹¹.

Китайские определения социализма, этапов его развития, а также выводы, касающиеся возможности построения социализма в стране, не прошедшей стадию развитого капитализма, принципиальное определение нынешнего этапа социально-экономического развития Китая — как начального этапа строительства социализма — все это рассматривается как творческое развитие марксистско-ленинских классических взглядов на социализм.

Действительно, китайские руководители и теоретики КПК проделали огромную работу по творческому осмыслению опыта и уроков социализма, особенно уроков распада СССР. В этом они внесли немало нового, оригинального.

Подходы китайских теоретиков наиболее созвучны следующим словам В.И. Ленина: «...Социализм есть то общество, которое *вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества*. Коммунизм же есть более высокий вид общества и может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм. Социализм предполагает работу без помощи капиталистов, общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся: причем должны определяться и мера труда, и его вознаграждение»¹² (подчеркнуто мною. — М.Т.).

Вместе с тем, Ленин полагал, например, что социализм подразумевает «переход от мелкого крестьянского хозяйства к социализму; неуклонный переход к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию». Но для Китая на данном этапе подходящей оказалась семейная, дворовая подрядная система хозяйствования на селе при сохранении коллективной собственности на землю.

Китайские лидеры и теоретики, учитывая специфику своей страны, за исходную позицию своего анализа берут именно тезис о том, что «социализм... *вырастает из капитализма непосредственно*». При этом они обходят неприемлемые для условий Китая тезисы и предлагаемые им ленинские формы государственного и экономического строительства (федеративное устройство государства, права наций на самоопределение, кооперирование, переход сразу от мелкого крестьянского к крупному сельхозпроизводству).

Одновременно китайские теоретики скорректировали и те установки своих лидеров, которые утратили свою актуальность. В частности, они извлекли уроки из движения за создание народных коммун и «подправили» Мао Цзэдуна, который, не осуществив

индустриализацию, попытался сразу перейти к коммунизации села, не располагая для этого ни экономическими (отсутствие передовой техники, научной организации земледелия, крайне низкий уровень жизни большинства крестьян), ни культурными (низкая культура и значительная прослойка вообще неграмотных) предпосылками, ни, тем более, не имея подготовленных кадров. Политика «большого скачка» и коммунизации деревни была справедливо расценена ЦК КПК в решении по вопросам истории партии (1981 г.), как проявление крайнего левачества, как попытка построить «социализм бедности». Дэн Сяопин подверг резкой критике отождествление социализма с бедностью и уравниловкой.

Дэн Сяопин определил современную стадию социально-экономического развития Китая как *начальную стадию социализма*, более того, сделав шаг в направлении коммунизации марксизма-ленинизма, эта стадия была названа обществом «малого благосостояния» («сяокан»), или обществом *среднего достатка*.

Отталкиваясь от слов В.И. Ленина, «речь идет не о высшей, а о низшей, о первоначальной степени развития нового общественного уклада, *«вырастающего из капитализма»*¹³ (подчеркнуто мною. — М.Т.), китайские руководители творчески пересмотрели вопрос о взаимоотношениях между социализмом и капитализмом. Жесткие ленинские характеристики чисто антагонистических, непримиримых взаимоотношающих отношений между капиталистической и социалистической формациями были продиктованы и вполне обоснованы остротой классового противостояния того времени. Ленин, с одной стороны, призывал учиться у передовых капиталистических стран опыту управления современной промышленностью и земледелием, а с другой, — в проект Программы РСДРП им был вписан тезис о том, что «социализм предполагает работу без помощи капиталистов...»¹⁴. Позднее этот тезис был пересмотрен самим В.И. Лениным, выдвинувшим Новую экономическую политику (НЭП).

Китайские теоретики в начале 80-х годов XX в. поняли необходимость допущения контролируемых «демократической диктатурой народа во главе с КПК» форм совершенствования экономических отношений, к которым они относили следующие:

- развитие капиталистических производительных сил;
- сохранение многоукладности экономики;
- сохранение на длительный срок ситуации сосуществования, взаимодействия, конкуренции социалистических и капиталистических рынков, средств производства, рабочей силы, форм организации производства;
- использование управленческого опыта капитализма в стимулировании развития производительных сил в городе и деревне, использование капиталистических методов конкуренции и стимулирования трудовой активности трудящихся;
- сохранение в системе общественного распределения как социалистического принципа оплаты по труду, так и других форм оплаты, связанных с сохранением частной собственности на орудия и средства производства.

В конечном счете, согласно Дэн Сяопину, на начальной стадии социализма нельзя устранить эксплуатацию человека человеком, невозможно перешагнуть через социальную и имущественную дифференциацию, ликвидировать разрыв между городом и деревней, преодолеть разрыв между умственным и физическим трудом.

Более того, Дэн Сяопин призвал не сковывать себя идеологическими шаблонами из трудов классиков. В 1992 г. во время инспекционной поездки на юг страны Дэн Сяопин, касаясь оценки опыта СЭЗ Шэньчжэнь, заявил: «Рыночная экономика тоже может служить социализму. Не стоит сковывать себя идеологическими абстрактными спорами о том, что эта зона — социалистическая, а не капиталистическая. В процессе реформ надо действовать смелее и не бояться экспериментировать»¹⁵.

Социалистическая ориентация государства проявляется в диктатуре народной демократии при наличии руководящей роли КПК, которая опирается не только на методы диктатуры, но и, в не меньшей степени, на методы консультативной демократии, имея

целью гармонизацию социальных отношений, построение гармоничного общества, где человек и его разумные экономические и культурно-бытовые потребности являются основой. Выстраивая новую схему построения социализма с китайской спецификой, китайские теоретики заявили, что гарантией социалистического выбора страны является приверженность четырем принципам.

В марте 1979 г., выступая перед работниками теоретического фронта КПК, Дэн Сяопин впервые четко сформулировал положение о четырех основных принципах идеологии и политики КПК. «Эти принципы, – заявил Дэн Сяопин, — являются коренной предпосылкой осуществления четырех модернизаций» (подчеркнуто мною. — М.Т.). Они сводятся к следующему:

- 1) необходимо отстаивать социалистический путь;
- 2) необходимо отстаивать диктатуру пролетариата;
- 3) необходимо отстаивать руководство со стороны Компартии;
- 4) необходимо отстаивать марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна»¹⁶.

Сегодня эти принципы дополнены необходимостью отстаивать также «теорию Дэн Сяопина, важные идеи трех представительств и научную концепцию развития» (дополнение в 4-й принцип), которые рассматриваются как гарантия чистоты партийных рядов и идейное знамя построения социализма с китайской спецификой.

Демонстрируя реалистический подход в духе научной концепции развития, Ху Цзиньтао озвучил три принципиальные оценки, характеризующие нынешний этап строительства и модернизации Китая:

1. «Китай по-прежнему находится на начальной стадии социализма и будет пребывать на ней еще довольно продолжительное время». При этом ставится задача «к столетию КНР превратить Китай в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство»¹⁷.
2. «Осталось без изменения главное противоречие общества, а именно: противоречие между постоянно растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством»¹⁸.
3. «Не изменился и международный статус Китая как крупнейшей в мире развивающейся страны»¹⁹.

Вышеперечисленные положения свидетельствуют о значительном продвижении работы КПК по разработке теории и практики строительства в Китае общества всеобщего благоденствия и справедливости.

Необходимо подчеркнуть, что теория и практическая реализация социалистических лозунгов учитывают специфические социально-экономические, демографические, историко-культурные особенности страны и менталитет большинства населения. Такой принципиальный подход получил название *китаизации марксизма*. Надо признать, что вопрос о применении общих закономерностей строительства социализма с учетом национальных особенностей был одно время предметом острых споров и идеологических разногласий между КПСС и КПК. Жизнь показала актуальность и историческую обоснованность тезиса о необходимости приспособления марксизма-ленинизма к специфическим национальным особенностям Китая. Положение о китаизации марксизма-ленинизма и любого зарубежного опыта стало неотъемлемой частью научной концепции развития как методологической основы выработки стратегии и тактики КПК, а также одной из важных предпосылок достигнутых Китаем успехов во всех сферах строительства нового общества.

Показателем универсального применения принципа китаизации в строительстве служит и такой пример. Говоря о реформе политической системы, государственном строительстве и развитии «низовой демократии», Ху Цзиньтао особо отметил, что «Сформирована социалистическая правовая система с китайской спецификой», заметны положительные результаты строительства правового социалистического государства»²⁰.

III. Переосмысление диалектики: «раскрепощение» сознания и «гармония различного»

Подходы руководителей КПК к применению теоретических положений социализма в конкретной практике Китая также являются одним из узловых моментов, порождающих различные взгляды и оценки в экспертном сообществе. Эти различия группируются вокруг методологических вопросов теории и практики строительства социализма с китайской спецификой, роли КПК как руководящей и направляющей силы в деле возрождения Китая и китайской нации, вокруг оценок трансформации социальных, идеологических и организационных основ и принципов КПК.

Суть этих различий сводится к следующему. Одни полагают, что под руководством КПК Китай действительно реализует задачи построения социализма на начальном его этапе. Другие отрицают творческие новации руководителей Китая применительно к социализму с китайской спецификой и ставят под сомнение саму возможность этого социализма, а также способность КПК выступать в качестве лидера возрождения китайской нации. Они утверждают, что все разговоры о социализме и реформах есть лишь «маскировка смены знамени», «сползание Китая к капитализму» и, по сути, являются поэтапной «эволюцией», «перерождением Китая» в развитое националистическое, буржуазное государство с высокоразвитой рыночной экономикой.

Представители этих подходов рассматривают сложившиеся в ходе реформы особенности многоукладной экономической и социальной системы в Китае, некоторые особенности базиса и надстройки, отражающие специфику многоукладного общества (имея в виду соотношение социалистических и капиталистических элементов в характере строящегося общества среднего достатка и перспективы его трансформации в развитое социалистическое общество), как факты, якобы подтверждающие их оценки. Одни — трактуют эти факты как отражение специфики Китая. Другие считают использование этих особенностей проявлением кризиса и признаками разложения социализма в этой стране. При этом сторонники «перерождения Китая» даже очевидные экономические достижения КНР объявляют «дутьями», предвестниками «краха страны». Они пытаются сравнивать эти достижения с показателями маоцздуновского «большого скачка».

Сторонники другой точки зрения на строительство социалистической экономики отстаивают необходимость сохранения сильной регулирующей роли государства и его доминирующего статуса для общественных форм собственности. Они выступают за придание рыночной экономике весомой социальной нацеленности путем сохранения, наряду с другими, не социалистическими формами распределения, определяющей роли распределения по труду, посредством развития активной роли государства, путем использования экономических рычагов регулирования, с помощью внедрения и совершенствования системы индикативного планирования, а также максимально широкого использования материальной заинтересованности тружеников.

Итог этой дискуссии подвел Дэн Сяопин, который в 1992 г., будучи уже полноправным пенсионером, не занимая никаких постов ни в партии, ни в государстве, совершил поездку на юг Китая, в специальную экономическую зону в Шэньчжэне, где заявил о том, что рыночные товарные отношения и планирование присущи и капитализму, и социализму. «Рыночная экономика тоже может служить социализму», — заявил он.

Исходя из этой посылки, Дэн Сяопин призвал одновременно создавать социалистическую рыночную систему и активнее внедрять методы акционирования, стимулирования конкурентной среды для ускоренного развития производительных сил страны.

В ходе кампании «раскрепощения сознания и производительных сил» был осуществлен пересмотр целого ряда идеологических постулатов, ранее считавшихся основополагающими.

Прежде всего, это касается *пересмотра роли и места классовой борьбы в политической жизни страны, деятельности партии внутри и на международной арене.* Из

идеологического лексикона исчезли упоминания о пролетарском или социалистическом интернационализме. Вместо этого постоянно подчеркивается «сплоченность народов всех стран» и «гармонизация международных отношений». Выступая 13 декабря 1978 г. Дэн Сяопин, касаясь классовой борьбы, упомянул лишь о наличии в стране «еще незначительного числа контрреволюционеров», в отношении которых «ослаблять бдительность... разумеется, нельзя»²¹. Одновременно он призвал развивать демократию. «Надо давать народу высказывать свое мнение. Нет ничего страшного в том, если даже отдельные люди, недовольные существующим положением, попытаются воспользоваться демократией для учинения кое-каких беспорядков»²². Однако, как показали такие события, как срыв «стен демократии» на улице Сидань в Пекине и трагедия 4 июня 1989 г., такой либерализм допускается лишь до тех пор, пока действия оппозиционных сил не подрывают стабильность в стране.

Как бы там ни было, в отличие от Мао Цзэдуна, который на первый план выдвигал классовую борьбу, идеологические и политические кампании борьбы против потенциальных и надуманных классовых врагов, Дэн Сяопин призвал на первый план поставить именно «раскрепощение сознания», а также «раскрепощение и развитие производительных сил». Понятие классовой борьбы и сам факт ее существования в лексиконе идеологических работников и в трудах обществоведов отошли на второй план. Другими словами, нынешнее поколение руководителей страны все основные спорные вопросы и расхождения мнений пытаются разрешать в рамках противоречий внутри народа, т.е. политическими и воспитательными средствами.

Отношения между социализмом и капитализмом также стали рассматриваться не через призму прямого антагонизма, а путем *выявления пересечения интересов, т.е. установления взаимосвязи, взаимовлияния, взаимодействия* как в экономической, так, в значительной степени, в политической и культурной сферах. По этим вопросам Дэн Сяопин дал весьма четкие указания: «Привлечение иностранного капитала и техники и даже строительство и эксплуатация зарубежными силами заводов и фабрик в Китае является дополнительной силой в развитии социалистических производительных сил. Конечно, это принесет кое-какую буржуазную гниль. Мы ясно осознаем это, но в этом нет ничего страшного»²³.

«Мы овладеваем передовой техникой, передовой наукой и передовыми способами управления с тем, чтобы поставить их на службу социализму, они сами по себе не носят классового характера»²⁴. Премьер Вэнь Цзябао, выступая на церемонии вручения знаков поощрения зарубежным специалистам за 2011–2012 гг., сказал, что китайское правительство весьма положительно оценивает вклад зарубежных специалистов, работающих в Китае, и намерено в ближайшие годы еще пригласить на работу в Китай в различные сферы экономики, науки и культуры не менее 2 млн высококлассных зарубежных специалистов.

Для прояснения сущности этих вопросов, видимо, необходимо раскрыть содержание терминов и формул.

Начнем с раскрытия содержания призывов Дэн Сяопина «раскрепостить сознание», «считать практику критерием истины», «придерживаться реалистического пути», «строить социализм с китайской спецификой».

Итак, что значит «раскрепостить сознание»? Вопрос не только в раскрытии содержания понятия «раскрепощения сознания и производительных сил», но и в осмыслении методологических подходов, переосмыслении законов диалектики развития современного общества.

Китайские революционеры всех поколений сталкивались и сталкиваются с весьма непростой методологической задачей. С одной стороны, они находятся под сильным влиянием конфуцианского менталитета, который диктует почитание истории, традиций, поощряет образ мыслей по аналогии, поиск гармонии, среднего пути, гармонии

различного или единства через разномыслие²⁵, беря за основу авторитетный прецедент *из истории*, призывая «повторяя старое, находить новое»²⁶. Ибо учитель Конфуций говорил: «Я передаю, но не творю. Я верю в древность и люблю ее», т.е. [объясняю] но не создаю [нечто новое] — *ичу эр бу цзо*»²⁷. «Неизменная середина являет собой наивысшую добродетель. — учил Конфуций»²⁸. А с другой стороны, перед ними стоит задача именно созидания нового, задача новаторства в теории и практике. Иными словами, как сочетать преемственность и новаторство в революции и мирном строительстве.

Именно перед такой сложной дилеммой стояли все китайские революционеры и реформаты, начиная с XIX в. и по сей день: Ян Фу, Тан Сытун, Кан Ювэй, Лян Цичао, Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и нынешний китайский лидер Си Цзиньпин.

В Китае освоение идей классиков марксизма-ленинизма и применение их к условиям страны происходит в процессе китанизации заимствованной теории. Отсюда вытекает актуализация, например, идеи Конфуция о «гармонии различного — «хэ эр бу тун» и мысли философа Мо Ди о том, что «взаимодействие тождественного, сходного и различного определяется наличием и отсутствием пользы» (вот они истоки традиционного утилитаризма и прагматизма!). Современная концепция научного развития методологически опирается, в том числе, и на традиционные китайские представления о цикличности и волнообразности развития, заимствованные из «Книги Перемен» (И цзина) и учения древнего стратега Сунь-цзы об умении использовать благоприятные и неблагоприятные шансы, превращать слабость в силу, трудности в стимул.

Не случайно преемник Дэн Сяопина — лидер третьего поколения руководителей ЦК КПК Цзян Цзэминь указывал: «Самым главным при изучении теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой является серьезное изучение позиции, точки зрения и методологии товарища Дэн Сяопина в применении марксизма, научного подхода и творческого духа при исследовании новой обстановки, решении новых проблем...». «Следует учиться у товарища Дэн Сяопина, — продолжает Цзян Цзэминь, — раскрепощению сознания, реалистическому подходу к делу, его уверенности, что практика является единственным критерием установления истины...»²⁹.

Словом, призыв «раскрепостить сознание» имеет весьма глубокие истоки и многоплановое актуальное содержание. Согласно Дэн Сяопину, в идеологическом плане это означает: «...под углом зрения марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна *правильно разрешить оставшиеся от прошлого вопросы*, а также целый ряд новых вопросов, *правильно преобразовать* в производственных отношениях и надстройке то, что не соответствует бурному развитию производительных сил, и на основе реальной обстановки у нас в стране *определить конкретный путь, установки, методы и меры* для осуществления модернизации в четырех областях»³⁰ (подчеркнуто мною. — М.Т.).

Такова общая идеологическая установка, которая означает, прежде всего, преодоление тяжелого наследия «культурной революции», отказ от тезиса «соблюдать два абсолюта». При этом важно напомнить, что принцип «двух абсолютов», выдвинутый в конце 1970-х по инициативе Хуа Гофэна, означал требования неизменно защищать и соблюдать абсолютно все решения и указания Мао Цзэдуна.

Новая же установка означала восстановление всего здорового в государстве, в экономике, в партии, в культурной жизни, реабилитацию многих миллионов членов КПК и беспартийных, ставших жертвами «культурной революции». Это вело к возрождению коллективного руководства в партии, законности в стране, к ликвидации множества уродливых явлений, связанных с «закостенением мысли».

«Раскрепощение сознания» в конкретных условиях того времени требовало чрезвычайного акцента на практическую значимость, эффективность действий, что на практике означало определенное заимствование американского практицизма и поощре-

ние конкуренции, а также стимулирование инициативы снизу, «расширение самостоятельности прав заводов и фабрик... сельскохозяйственных производственных бригад»³¹.

Инициатива крестьян провинции Аньхой, которые распустили «народные коммуны» и перешли на систему семейного подряда, была поддержана Центром. В результате народные коммуны и другие сельхозкооперативы в китайской деревне были распущены и заменены подрядной системой.

Была раскритикована кампания коммунизации деревни как левачество и строительство «социализма бедности». В ходе дальнейшего формирования политики реформ и открытости был подвергнут систематической критике и переосмыслению опыт Советского Союза, отвергнут планово-административный метод руководства народным хозяйством и провозглашена задача строительства социалистической рыночной экономики при наличии государственного макроконтроля. Тем не менее, система пятилетних планов в Китае была сохранена. Более того, XVIII съезд подчеркнул важное значение единого комплексного планирования.

Жизнь показала необходимость разумного планирования, которое, как указывал Дэн Сяопин, присуще не только социализму, но и капитализму. Планирование является ключевым способом углубленной реализации научной концепции развития. — подчеркнул также впоследствии Ху Цзиньтао.

Между тем, критики использования рыночных отношений в процессе социалистического строительства продолжают видеть лишь неизбежные негативные последствия применения рыночных механизмов, порождающих непривычную для прежних представлений о социализме жесткую конкуренцию за рабочее место, за размеры оплаты труда, но не хотят видеть позитивных моментов — рост производительности труда, высокие темпы развития экономики. К тому же главным инвестором развития и экономики, и социальной сферы, и культуры остается государство.

IV. Идеальные и реальные черты нынешнего китайского социализма

После острых дискуссий между сторонниками широкого внедрения капиталистических методов рыночной экономики и сторонниками сочетания плана и рынка, сохранения в качестве основы государственной собственности на землю, недра и ключевые отрасли индустрии, *в стране сложилась многоукладная конвергентная экономика, сочетающая рынок и план, государственную собственность и различные виды частного сектора экономики.*

Стержень политической системы китайского социализма сегодня образуют собрания народных представителей. Основными политическими институтами выступают структура многопартийного сотрудничества и политических консультаций, руководимая КПК, а также институты национальной районной автономии и низового народного самоуправления. В основе системы хозяйствования лежат многоукладная экономика и совместное развитие всех укладов при доминирующей роли сектора общественной собственности. В совокупности это и есть структура социализма с китайской спецификой на начальном этапе ее развития.

В ноябре 2012 г., выступая на XVIII съезде партии, тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао подчеркнул: «...Всестороннее, гармоничное и устойчивое развитие является основным требованием научной концепции развития. Необходимо уделять равное внимание пяти направлениям строительства — экономическому, политическому, культурному, социальному и экологическому, способствовать их координированному развитию, добиваться соответствия производственных отношений производительным силам, надстройки — экономическому базису... Нужно сознавать, что *единое, комплексное планирование является ключевой методологией* (подчеркнуто мною. — М.Т.) углубленной реализации научной концепции развития»³².

Как сообщило агентство «Синьхуа» 4 февраля 2013 г., по данным на сентябрь 2012 г., общее число зарегистрированных частных предприятий в Китае составило 10 млн 598 тыс. (рост по сравнению с 2011 г. на 12,6%). *Число индивидуальных предпринимателей достигло 39 млн 847 тыс., что на 7,8% больше, чем в 2011 г.* Объем уставного капитала этих предприятий превысил 1 трлн 890 млрд юаней. По официальной информации, на долю негосударственного сектора в 2012 г. приходилось более 60% ВВП страны. В Конституции было утверждено равноправие всех видов собственности, легализована приватизация средств производства и эксплуатации, утвердилось многообразие форм распределения в многоукладной экономике страны.

В отчетном докладе премьера Госсовета КНР на 1 сессии ВСНП 12-го созыва, состоявшейся в марте 2013 г., были названы грандиозные цифры социальных расходов. Так, на обеспечение приоритетности развития в деле образования за истекшее пятилетие было израсходовано 7,79 трлн юаней, на развитие науки и техники централизованно было выделено 872,9 млрд юаней. Велось социальное жилищное строительство невиданных масштабов. На индустриализацию и сельское хозяйство, введение систем информатизации, проведение урбанизации правительство выделило 4,47 трлн юаней, что обеспечило устойчивый рост земледелия, животноводства и заметный подъем уровня жизни крестьян. За 5 лет построено 18 млн квартир гарантированного социального жилья и реконструировано 12 млн жилых помещений, что позволило довести средний уровень жилплощади на 1 человека до 32,9 кв. м в городах и 37,1 кв. м в сельской местности.

Фабрично-заводская промышленность Китая по своим объемам вышла на 1-е место в мире. Китай осуществил колоссальные работы в сфере инфраструктурного строительства. Площадь водозономного орошения земель достигла 7,7 млн га. Построено 19,7 тыс. км новых железных дорог, включая 8951 км скоростных магистралей. Введено в строй 609 тыс. км новых автодорог, в том числе 42 тыс. км — скоростных (всего скоростных дорог в Китае около 100 тыс. км), сооружен 31 аэропорт и более 10 тыс. глубоководных морских причалов. Проведено лесопосадок на 29,53 млн га.

Китайская экономика сумела эффективно приспособиться к процессу глобализации и установить с экономиками ведущих развитых стран отношения тесного сотрудничества, а также взаимозависимости и взаимодополняемости, взаимного стимулирования. Не случайно китайские политологи откровенно, с большим удовлетворением и даже гордостью признают, что *главным призером глобализации стал именно Китай*. Именно он смог, опираясь на глобализацию, завоевать многочисленные рынки развитых и развивающихся стран, стать главным торговым партнером США, ЕС, Японии, России, Индии, обоих корейских государств, многих стран Африки и даже Латинской Америки. С 2011 г. по объему ВВП Китай вышел на 2-е место в мире. КНР стала обладателем самых значительных золотовалютных резервов и, наряду с США, стала ведущей торговой державой мира, от которой в значительной мере зависят и темпы, и масштабы выхода мировой экономики из кризиса.

Масштабное многоотраслевое и комплексное развитие экономики страны привело, с одной стороны, к превращению Китая во всемирную «сборочную фабрику» многочисленных брендов западной промышленной продукции, к воспроизводству их технологий, но, с другой, — это стало в определенной степени и тормозом развития собственных инноваций.

Хотя Китай, наряду с США, превратился в мощный магнит, притягивающий зарубежные инвестиции*, однако степень эффективности их использования для трансфор-

* В течение 1979–2011 гг. Китай привлек свыше 1368,11 млрд. ам. долл. зарубежных инвестиций и 147,15 млрд. иностранных займов. В 2012 году их сумма превысила 120 млрд. ам. долл. (Чжунго тунци чжайяо. Бэйцзин. 2011, с. 70. Краткий статистический справочник Китая, Пекин, 2011, с. 70).

мации системы и структуры экономического и научно-технического развития страны и перехода ее на путь инновационного развития, пока, по признанию лидеров Китая, довольно низка. По мнению экспертов, экономика расточительна и сконцентрирована не на качественных показателях, а на наращивании количественных показателей объемов производительных сил страны.

Одновременно концентрация огромных зарубежных инвестиций в Китае порождает конкуренцию за эти инвестиции между Китаем и многими развивающимися странами, защитником и ведущей силой которых Китай объявляет себя.

Таким образом, значительная творческая работа по «раскрепощению сознания», проведенная за последние более чем 30 лет, дала весьма весомые результаты: привела к созданию теории социализма с китайской спецификой, *формированию экономической и политической системы конвергентного многоукладного общества*, сочетающего социалистическую направленность политической надстройки при руководящей роли Компартии с одновременным масштабным использованием и развитием капиталистических форм собственности, распределения, экономического регулирования, социального и культурного управления.

Проявляя реализм, идеологический и политический прагматизм, китайское руководство полагает, что нынешняя многоукладная структура базиса и надстройки общества соответствует «начальному этапу строительства социализма», который займет довольно длительный период, измеряемый несколькими десятилетиями.

С учетом этого такие характерные черты социализма, как ликвидация эксплуатации, социальной и имущественной дифференциации на данном этапе не могут быть осуществлены. Вместе с тем, как показывают решения XVIII съезда КПК, китайское руководство, по мере созревания экономических и культурно-цивилизационных условий, *максимально наращивает социальную, гуманитарную, в конечном счете, социалистическую направленность своей политики в деле утверждения более справедливых социальных и межнациональных отношений.*

Важным шагом в этом направлении становится выдвижение на первый план интересов человека, обеспечение его жизненных потребностей. Поставлена, также, задача построения гармоничного общества путем укрепления правовых основ в государстве, гармонизации отношений между городом и деревней, путем ускоренной урбанизации, посредством мер по преодолению бедности, ликвидации сельхоззалога и создания в сельских районах систем социальной защиты, образования и здравоохранения общегосударственного уровня, оказания помощи в ускорении развития районов национальных меньшинств. Такая политика может означать исторический прорыв в развитии страны.

В 2012 г. Китай по качеству и структуре своего народонаселения перешел из категории аграрно-индустриальных стран в разряд индустриально-аграрных, т.к. численность городского населения составила почти 52%. Однако это, как утверждалось в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде, не меняет, к сожалению, того факта, что *Китай по-прежнему «остаётся самой крутой развивающейся страной»*³³, правда, можно вполне правомерно добавить «самой развитой и самой крупной развивающейся страной».

Не менее важным элементом «раскрепощенного сознания» в отношении развития производительных сил является также, объявление на XVIII съезде прямой увязки темпов наращивания ВВП с темпами повышения благосостояния населения. Поставлена исторически значимая масштабная задача — к 2021 г., т.е. к 100-летию КПК, удвоить ВВП страны и одновременно повысить вдвое показатель ВВП на душу населения. Решение этой задачи, в реальности которой нет оснований сомневаться, будет означать *построение общества среднего достатка.*

Это дает положительный ответ на два вопроса, по которым ведется дискуссия среди экспертов: продолжит ли Китай движение по пути строительства справедливого гармоничного общества, в котором счастье людей является главной целью государства,

главной целью правящей КПК? Это в совокупности означает, что *Китай намерен и впредь идти по неизведанному пути строительства социализма, отвечающего особенностям этой страны.*

С учетом вышензложенного, нельзя гибкую политику КПК по построению в стране гармоничного общества, в котором на начальном этапе допускается сосуществование и взаимодействие с капиталистическим способом производства и установление вовне отношений взаимовыигрышной взаимозависимости с развитыми капиталистическими странами, изображать и трактовать как «маскировку» процесса некоего «перерождения». Практические действия в сфере экономического, политического и культурного строительства, идеологическое и политическое целеполагание развития, выраженное в виде «четырех принципов» архитектора реформ Дэн Сяопина — все это слишком серьезно, слишком всеобъемлюще, чтобы быть некой «маскировкой».

Развивая идею Дэн Сяопина о значении «четырех принципов» как политической и идеологической гарантии следования по пути социализма. Ху Цзиньтао заявил: «Во имя завоевания новой победы социализма с китайской спецификой в новых исторических условиях необходимо прочно усвоить основные нижеследующие требования, превратив их в общие убеждения как самой партии, так и всех народов страны: необходимо по-прежнему сохранять положение народа как субъекта политической деятельности страны, продолжать освобождать и развивать общественные производительные силы, продолжать продвигать реформы и открытость, продолжать оберегать социальную беспристрастность и справедливость, продолжать идти по пути всеобщей зажиточности, продолжать стимулировать социальную гармонию, продолжать поддерживать мирное развитие и твердо держаться партийного руководства»³⁴.

У. Ключевая роль КПК в строительстве китайского социализма

Говоря о значении руководящей роли КПК в деле строительства социализма с китайской спецификой, следует особо отметить то, что партия, насчитывающая более 82 млн человек, сегодня претерпевает глубокую трансформацию в соответствии с велением времени, а также с учетом меняющихся социально-экономических условий и в КНР, и в мире.

Прежде всего, изменились идейно-организационные основы КПК. В теорию социализма с китайской спецификой были внесены творческие дополнения, касающиеся и идейно-организационных основ, и методов руководства, а также методологии выработки стратегии и тактики партии. Обеспечение эффективности руководящей, управляющей роли КПК в условиях конвергентной многоукладной экономической и социальной структуры общества потребовало серьезного изменения и уточнения идейно-организационных основ КПК, расширения ее социальной базы.

В 2001 г. тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выдвинул от имени партии идею «трех представительств», которые способствовали решению важных для партии задач. Согласно этим идеям, КПК выступает как партия передовых представителей китайской нации, как партия возрождения китайской нации, как партия развития передовых производительных сил, как партия, представляющая передовую китайскую культуру.

Концепция «трех представительств» подтвердила легитимность Компартии Китая не только как авангарда передовых социальных сил в лице союза рабочего класса и крестьян, передовой социалистической интеллигенции, но и абсолютного большинства всех патриотических сил китайского общества, китайской нации, объединенных великой общей идеей возрождения страны и китайской нации. Компартия Китая, таким образом, приобрела статус политической партии, выражающей, отстаивающей и продвигающей в жизнь общенациональные экономические, социальные, культурно-цивилизационные интересы, идеи процветания и сплочения всех национальностей Китая.

Новым развитием и вкладом в разработку идеологических, организационно-управленческих и методологических принципов концепции социализма с китайской спецификой, реформирования и совершенствования идейно-организационных основ КПК как правящей партии стала выработка и практическое применение идей трех представительств и научной концепции развития. Эти идеи позволили перестроить и адаптировать структуру, социальные, идеологические и организационные основы КПК к новым условиям, и разрешать возникающие в ходе реформы различные противоречия между базисом и надстройкой, а также во внутренних структурах многоукладного экономического базиса и политической надстройки. Накопленный опыт позволил китайским руководителям сделать новый крупный шаг по пути модернизации страны и построения социализма с китайской спецификой.

На XVIII съезде КПК к вышензложенным *четырем генеральным* направлениям строительства было добавлено пятое — в виде задачи *созидания экологической цивилизации*. Это направление партийной деятельности приобрело особую актуальность, поскольку экстенсивное, не всегда эффективно контролируемое, порой стихийное развитие экономики, погоня за сверхтемпами экономического роста, породили в городе и деревне серьезные проблемы экологического характера. Китайские эксперты бьют тревогу, поскольку, по их мнению, Китай оказался «на грани экологической катастрофы». Согласно отчету о результатах исследований, проведенных Азиатским банком развития, лишь менее чем в 1% крупных китайских городов качество воздуха соответствует стандартам ВОЗ. Уровень загрязнения почвы таков, что 90% грунтовых вод нельзя без очистки использовать для питья. Сбросы промышленных отходов в реки привели к тому, что устья Янцзы и Чжуцзян, по данным ООН, отнесены к «пустынным зонам» мирового океана. В ряде районов проявились критические проблемы в обеспечении здоровой окружающей среды, сохранения лесных массивов, чистоты водных бассейнов, борьбы с загрязнением и опустыниванием и т.п.

Быстрый экстенсивный рост производительных сил в первые два десятилетия осуществления политики реформ и открытости в значительной мере происходил за счет максимального напряжения собственных ресурсов, высокого уровня накопления (более 60%), большого трудового напряжения всех слоев трудящихся. В тот период вопросы преодоления громадного разрыва между городом и деревней, внедрения общенациональных, общегосударственных критериев системы социального обеспечения и защиты в области образования, здравоохранения не могли стоять на первом плане и решались по мере возникновения соответствующих условий. Тем не менее, за 30 лет политики реформ уровень жизни и доходов населения в среднем по стране увеличился в 16 раз и значительно превысил первоначально названный Дэн Сяопином в 80-е годы XX столетия критерий среднего достатка в размере 800 ам. долл., которого должны были достигнуть к 2000 г.

На XVIII съезде КПК, как отмечалось выше, была поставлена практическая задача удвоить ВВП страны и средний уровень доходов населения. В 2011 г. ВВП Китая достиг 47,3 трлн. юаней, что эквивалентно 7,5 трлн ам. долл. (2-е место в мире после США), а средний доход населения приблизился к 4 тыс. ам. долл. В передовых провинциях и, особенно, в городах центрального подчинения он значительно выше. Например, в провинции Цзянсу в 2011 г. средний доход городских жителей достиг 26 341 юаня, а сельских — 10 805 юаней³⁵.

VI. О научной концепции развития

Значительные достижения в экономическом и культурном развитии за годы реформ поставили на повестку дня новую ключевую идеологическую проблему — необходимость создания методологии по выработке политики и стратегии партии соответствующей новой ситуации, новым задачам и духу времени.

В совокупности пересмотр методологии по выработке стратегии и практики партии проходил параллельно с процессом «раскрепощения сознания», получил свое концентрированное выражение в новой научной концепции развития, сформулированной Ху Цзиньтао в середине первого десятилетия XXI столетия. *Концепция научного развития* предусматривает всеохватывающий, комплексный подход к развитию всех пяти направлений социально-экономической жизни общества. «...Она дает *новый научный ответ* на важнейшие вопросы о том, *какого рода развитие отвечает новой ситуации, и каким образом его осуществлять* (подчеркнуто мною. — М.Т.), поднимает на новый уровень наше понимание закономерностей социализма с китайской спецификой, открывает новые горизонты для развития марксизма в современном Китае», — заявил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК³⁶.

«Научная концепция развития, как результат соединения марксизма с реалиями современного Китая и особенностями эпохи, является концентрированным выражением марксистских мировоззренческих и методологических принципов»³⁷.

Особенности новой научной концепции развития можно охарактеризовать словами Ленина о гибкости. «Всесторонняя, универсальная гибкость понятия. — писал Ленин, — гибкость, *доходящая до тождества противоположностей*, — вот, в чем суть (подчеркнуто мною. — М.Т.)... Гибкость, примененная *объективно*, т.е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»³⁸.

Вычленение научной концепции развития из совокупной базы руководящей идеологии может первоначально вызвать некоторое недоумение. Ведь марксистско-ленинская теория и философия, естественно, включает в себя в качестве неотъемлемой органической части учение о развитии, которое опирается на законы материалистической диалектики, поэтому особый акцент на научную концепцию развития требует объяснения. Можно полагать, что выдвижение на первый план научной концепции развития, ее новое творческое и практическое обогащение и развитие связано с принципиальными соображениями.

Во-первых, крайне напряженная работа, которую вели партийные и государственные кадры по ликвидации тяжелейших последствий «культурной революции» и одновременно по развертыванию совершенно новой по своему содержанию, отличной от старых методов и шаблонов, экономической реформы, требовала исключительной концентрации, желания отбросить наукообразные «-измы», взглянуть реальности в глаза и добиться реальных положительных результатов ценой целенаправленных усилий. Метод определения конечного результата — по примеру кошки, которая всегда ловит мышей, вне зависимости от того, какого она цвета, белого или черного, совет, не оглядываясь на «-измы», «переходить реку, нащупывая камни», — все это было доступно любому кадровому работнику города или деревни, даже если он имел лишь начальное образование. Нередко в обществе возникала ситуация, когда результат, полученный без осмысления и учета того, для чего он получен, объявлялся *практикой*, которая, дескать, подтверждает правильность изначальных действий. Такой стиль получил название «прагматизм», и этот стиль противоречит тому, к чему призывал Дэн Сяопин.

Вышеназванное явление было вызвано тем, что среди части партийных и государственных кадров стало популярным в ходе проведения реформ отождествлять деловитость, четкость и исполнительность с прагматизмом. Недостаточное внимание к системному изучению марксистской философии и диалектики в предшествующий период породило среди части кадров одностороннее, узкое понимание практики как критерия истины.

Сама практика нередко понималась не как совокупность органично взаимосвязанных экономических, социально-политических, культурных процессов и воспитательной деятельности партии и государства за все годы существования КНР, а лишь как показатель эффективности текущей работы, или как количественное наращивание экономических по-

казателей. Такое понимание практики концентрировало внимание лишь на узко понимаемом количественном «развитии производительных сил», а социально-политические, культурные и экологические факторы отходили на второй план. Это неизбежно стимулировало односторонний акцент на чисто технократических, сиюминутных, технико-экономических, количественных аспектах развития производительных сил, отчуждало человека-производителя: рабочих, техников, инженеров, управленцев от производительных сил, расширяло сферу существующих противоречий между базисом и надстройкой, снижало уровень общественной и инновационной активности тружеников и управленцев.

Научная концепция как раз и была призвана научить кадры, всех партийцев «... реалистично подходить к делу, шагать в ногу со временем, отстаивать истину и исправлять ошибки»³⁹.

Во-вторых, вычленение тезиса о научной концепции развития в качестве самостоятельного комплекса идей в руководящей идеологии КПК объясняется, очевидно, как необходимостью пересмотра методологических подходов к трактовке и пониманию процесса развития, так и потребностью переосмысления нового опыта и новых возможностей для реального продвижения к поставленным социалистическим целям. В этом отношении, действительно, наблюдаются серьезные творческие новации и в трактовке самого процесса развития, и его закономерностей, и в понимании сущности и путей строительства социализма именно как социализма с китайской спецификой.

Прежде всего, происходит переосмысление процесса действия основных диалектических закономерностей в условиях переходного периода развития многоукладного общества. Жизнь показывает, что в обществе переходного характера с многоукладной экономикой одновременно действуют, создавая *сложный параллелограмм сил*, закономерности и диалектические связи, присущие каждому типу укладов и форм собственности. В жизни общества одновременно действуют как противоречия и закономерности, присущие становлению нового социально-экономического строя, т.е. начальной стадии социализма, так и противоречия и закономерности, свойственные сохраняющимся в этой многоукладной экономике элементам капиталистического экономического уклада и социальных отношений, а также противоречия и закономерности, сохраняющихся в обществе элементов прошлых, докапиталистических формационных отношений.

Именно *совокупный комплекс этих противоречий и разнонаправленных закономерностей развития*, плюс целый ряд объективных исторических данностей, имманентно присущих Китаю (огромное население, унаследованная от прошлого экономическая и культурная отсталость, многонациональность, недостаток ряда жизненно важных природных ресурсов и т.п.), ставят китайских лидеров, КПК перед лицом необходимости учитывать все вышеназванные особенности. Это особенно важно при определении целей развития страны, путей и темпов достижения поставленных высоких целей и готовности начать трансформировать формы и методы строительства нового общества с учетом национальных особенностей Китая.

На первый план в действии закона противоречия выступают моменты не борьбы, а взаимодействия, единства диалектического тождества противоположностей в рамках упомянутого «параллелограмма противоречий сил» разных укладов, которые в своем развитии порождают новое стабильное взаимодействие, единство, сменяющееся их борьбой, что приводит к появлению нового качества в процессе развития общества.

Таким образом, *главной стороной действия закона единства и борьбы противоположностей в нынешних условиях развития многоукладного строя в Китае становится гармонизация социально-экономических противоречий*, которая выступает как «единство и гармония различного» — «хэ эр бу тун»), как слияние противоположностей в некое новое конвергентное качественное новообразование — «хэ эр эр и» — «гармония противоположностей». Такой подход означает внесение новых акцентов во взгляды на

диалектику общественного развития и диалектику социальных процессов. В этой связи становится понятным и то, почему в диалектике общественных и социальных отношений тезис о классовой борьбе был отодвинут на второй план.

Такой подход распространяется не только на понимание социальных процессов в рамках строительства начальной стадии социализма в Китае, но де-факто на понимание взаимоотношений капитализма и социализма, взаимоотношений капиталистической и социалистической систем в глобальном плане. Отношения государств с различными социальными системами также рассматриваются через эту призму.

Отсюда Китай строит отношения со странами иных социальных систем, включая США, страны ЕС, Россию, Индию на основе принципов мирного сосуществования, конструктивного диалога, конкуренции, соревнования, взаимовлияния, партнерства, стратегического взаимодействия, сотрудничества, добрососедства.

В этом смысле китайский опыт создания многоукладной экономики было бы некорректно рассматривать как некое продолжение ленинской политики НЭПа в условиях Китая.

В последнее время к этому звучному набору характеристик отношений сотрудничества, партнерства и взаимодействия с внешним миром добавилась формула «взаимного выигрыша», ставшая еще одним элементом концепции научного развития.

Практическое применение этой концепции, по словам Ху Цзиньтао, должно проявиться в следующем: «Необходимо, чтобы вся гармоничная и последовательная работа соответствовала основным требованиям концепции научного развития. Необходимо включить эту концепцию в экономическое, политическое, культурное, социальное и экологическое строительство, чтобы она способствовала гармоничному осуществлению модернизации, развитию производственных отношений и производительных сил, гармонизации *отношений между надстройкой и экономическим базисом*. Необходимо *открывать новые пути для развития производства*, богатой жизни и цивилизованной экологии. Необходимо осуществлять единое планирование в развитии реформ, внешней и внутренней политики, управлении партией, страной и армией, развитии городов, сел и регионов, социально-экономическом развитии, гармоничном отношении человека и природы. Необходимо осуществить принцип гармоничного существования: «от каждого — по возможностям, каждому — по заслугам»⁴⁰.

Концепция научного развития позволила скорректировать прежний курс политики реформ и открытости и внести новые моменты в эту политику.

Значительное развитие производительных сил, о чем свидетельствует выход Китая на 2-е место в мире по совокупному ВВП, позволило по-новому поставить проблему с наращиванием объемов производительных сил, с решением социальных и культурных задач. Ныне темпы роста ВВП — 7,5% — увязаны с параллельным уровнем роста благосостояния народа. Более того, была конкретизирована в материальном и временном аспектах задача удвоения к 2020 г. ВВП и уровня жизни населения. Видный китайский экономист, бывший зам. главы Всемирного банка Линь Ифу заявил на 12 сессии ВК НПКСК, что Китай обладает потенциалом для сохранения 8% годового роста ВВП. Он уверен, что к 2020 г. доход на душу именно в Китае поднимется, по меньшей мере, до 12 тыс. долл. Линь Ифу подчеркнул, что «для решения проблем, возникающих в процессе реформирования в Китае, нельзя просто копировать западные готовые теории, необходимо глубоко внедряться в китайскую экономическую действительность; на основании ограничений существующих условий КНР и принципа разумности произвести анализ фактов и реконструкцию теории. Только таким образом Китай может вести поиски собственного пути развития, с присутствиями лишь ему чертами»⁴¹.

После завершения XVIII съезда КПК новый Генеральный секретарь Си Цзиньпин на первый план выдвинул следующую идею «Осуществление желания народа лучше жить — наша боевая задача», которая гуманизировала, очеловечила сухие формулы о

«пяти аспектах» строительства китайского социализма. Суть «*Пяти аспектов строительства социализма с китайской спецификой*», по Си Цзиньпину, выглядит так:

Во-первых, научный подход к *экономическому строительству* предусматривает отказ от слепого, неосмотрительного развития, основанного на хищнической эксплуатации ресурсов.

Во-вторых, *политическое строительство* увязывается с продвижением реформы политической системы, действия властей должны увязываться с управлением государством на основе закона и соответствовать требованиям Конституции.

В-третьих, в *культурном строительстве* сосредотачивать внимание на подготовке специалистов, воспитании национального духа.

В-четвертых, *социальное строительство* должно соответствовать реалиям начальной стадии социализма, содействовать улучшению жизни народа, формировать правильную точку зрения на счастье, усердно трудиться ради строительства гармоничного общества.

В-пятых, *строительство экологической цивилизации* направлять на экономию ресурсов, охрану окружающей среды⁴².

Эти пять аспектов суммируют все идеологические наработки КПК с начала проведения политики реформ и открытости и определения социализма с китайской спецификой.

VII. Некоторые принципиальные выводы

Непредвзятый научный анализ происходящих в китайской экономике и в обществе процессов позволяет сделать следующие *выводы*:

1. Проводимая более 30 лет политика реформ и открытости действительно преследует выстраданную в ходе серьезных потрясений и поисков идею *построения в Китае социализма с китайской спецификой*, первым этапом которого является завершение создания общества средней зажиточности. Этот этап позволит Китаю покончить с бедностью, культурной отсталостью и заложить материальные, цивилизационные основы построения «гармоничного общества» с развитой народной демократией.

2. Обобщение национального опыта модернизации страны и поиска наиболее эффективных путей скорейшего преодоления отсталости и бедности, реализации великой мечты о возрождении китайской нации и былого величия Китая, построения гармоничного общества благоденствия было проведено китайскими теоретиками с одновременным изучением и обобщением как международного опыта и кризиса социализма, так и опыта модернизации экономики развитых и развивающихся стран. Результаты этих исследований и поисков получили обобщенное наименование теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой. По сути, эта теория выступает как новый вариант возможности построения социализма в относительно отсталой стране, выдвинутая впервые еще В.И. Лениным.

Целый ряд особенностей новой многоукладной конвергентной экономики, которые присущи китайскому обществу на начальной стадии социализма, похожи на те или иные черты, которые возникли в 20-е годы в Советском Союзе во время проведения политики НЭПа. Это действительно так. Главная общность состоит именно в допущении сосуществования капиталистических и социалистических элементов под контролем государства в интересах стимулирования развития экономики.

Однако на этом, пожалуй, сходство и заканчивается. Китайская практика идет значительно дальше и глубже политики НЭПа. Ибо теория социализма с китайской спецификой рассматривает капиталистические элементы не как временных попутчиков, а как равноправных участников строительства социализма. Все формы собственности, в том числе и различные формы частной собственности, уравниваются в правах с государственной, общественной. Частный собственник, капиталист рассматривается не как клас-

совый враг, который рано или поздно подлежит уничтожению, а как равноправный партнер. Общенациональные интересы возрождения Китая, возрождение китайской нации — это то, что объединяет все слои китайского общества, идея возрождения — это общенациональная идея.

С учетом вышесказанного, прогнозы развития Китая строятся не на базе развития классовой борьбы, а основываясь на стратегии консолидации всего народа, всех слоев населения во имя построения гармоничного общества. Оправдается ли эта стратегия — покажет будущее.

3. Обобщение накопленного за 30 лет опыта проведения экономической реформы и политики открытости позволили руководству КПК построить в Китае новую конвергентную экономическую, политическую, социальную и культурную многоукладную структуру общества, сочетающую научно-технические и управленческие достижения капитализма и ориентацию на построение гармоничного общества справедливости и средней зажиточности, что соответствует нынешнему уровню развития производительных сил и культуры населения Китая.

И теория Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой, и важные идеи о «трех представительствах», которые дают новую интерпретацию социальных, идейных и организационных основ КПК, и концепция научного развития, которая дает новую трактовку идеологическим и методологическим принципам выработки партией своей политической стратегии — весь этот сложный и грандиозный по своему значению и влиянию процесс развивается как *позитивное продвижение Китая по пути возрождения страны*. При этом страна переживает завершающий этап индустриального развития и построения общества средней зажиточности со средним уровнем доходов населения 10–12 тыс. ам. долл. на человека в год. В этом смысле нельзя не согласиться с выводами профессора Пивоваровой Э.П., которая сразу же поддержала поиски китайских ученых в области теории социализма с китайской спецификой, назвав эти поиски «прорывом». Этот прорыв, во-первых, соответствует научному прогнозу К. Маркса о том, что «новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». На создание этих материальных условий и отводится в КНР более чем столетие «начальной стадии социализма»⁴³. А, во-вторых, «такой «прорыв» дает возможность длительное время воплощать на практике те новые открытия в экономической теории социализма, которые порождены самой практикой, но не укладываются в привычные представления о социализме...». Это, по мнению профессора Пивоваровой Э.П. способствует тому, что «КНР осуществляет вхождение в рынок «мягкими средствами» без крупных социальных потерь...»⁴⁴.

4. Отталкиваясь от этих важных констатаций, можно, на наш взгляд, утверждать, что появление и укрепление влияния теории социализма с китайской спецификой, происходящее на фоне распада Советского Союза и дискредитации его опыта строительства социализма, создает новый альтернативный путь развития общества, порождает новый социалистический феномен в постиндустриальном развитии глобализирующегося мира.

5. Теория и практика социализма с китайской спецификой обобщает и переосмысливает не только национальный, но и интернациональный опыт существования и реализации многовековой мечты человечества об обществе справедливости и всеобщего благоденствия.

В европейской культуре это первоначально проявилось в утопических учениях об обществе всеобщего равенства, справедливости и благоденствия, получивших названия различных форм социализма и коммунизма.

К. Маркс, Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» предприняли попытку соединить эту великую методику с наукой.

Последующие мыслители — сторонники идей социализма К. Каутский, Е.В. Плеханов, К. Либкхнехт, Р. Люксембург, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.А. Бухарин, А.

Грамши, Мао Цзэдун, П. Тольятти, Хо Ши Мин, Ким Ир Сен и многие другие пытались выработать свои концепции строительства нового общества.

Однако вскрытая К. Марксом закономерность развития производительных сил и производственных отношений каждый раз заводила эти общества в социальный тупик. Созданная ими политическая система, политическая надстройка или обгоняла или отставала от требуемых необходимых условий для развития производительных сил. Поэтому возникшая социально-экономическая система становилась калькой социального эксперимента и не располагала достаточными ресурсами для справедливого распределения ни материальных, ни духовных благ.

Она неизменно или скатывалась к вульгарной уравниловке «социализма бедности» в форме ли «военного коммунизма», или в форме «народных коммун» и «домов счастья» или иерархической системе распределения по кадровым, номенклатурным разрядам и воссоздавала в худшем виде буржуазно-феодалное социальное и имущественное неравенство, дифференциацию, порождая массовую коррупцию.

Одновременно развитые капиталистические страны и действующие там социал-демократические партии оказались способными к учебе. Пережитый капитализмом «великий кризис» 20–30-х годов, возникновение фашизма, Вторая мировая война побудили их серьезно воспринять и развить многие социальные новации Советского Союза. Это придало западному обществу и всей формации второе дыхание. так как развитые страны смогли выделить на социальные новации во много раз больше средств, чем СССР и его последователи.

Китайский социализм, или социализм с китайской спецификой есть новая попытка сохранить жизненность идеи социализма. Эта попытка стремится адаптировать уровень реализации этой мечты, этой идеи к реальному уровню развития экономики, культуры, уровню цивилизации в целом. При этом роль мудрого регулятора, управителя и авангарда в решении этих сложных проблем отводится Компартии Китая, которая объединяет наиболее сознательные и опытные прогрессивные силы общества.

В настоящее время ситуация сложилась таким образом, что Китай объективно выступает продолжателем и носителем новой модели социалистической цивилизации. Теория социализма с китайской спецификой, переосмыслив полуторавековой опыт развития социалистической теории, объективно выступает новым этапом соединения социалистической идеи, феномена социализма с наукой и общественной практикой.

Выдвижение комплекса теоретических положений и теории социализма с китайской спецификой — это новый этап становления и развития учения о социализме как общественно-экономической формации, которая раскрывает свой потенциал в условиях глобализации, кризиса капиталистической формации и идей либерализма.

Именно этим объясняются те сложные интеллектуальные и политические игры вокруг идей социализма с китайской спецификой, которые имеют место как справа, так и слева. Именно такой главный вывод следует из дискуссий о том, в чем суть социализма с китайской спецификой, и куда идет Китай.

Как заявил новый лидер КНР Си Цзиньпин, во главу угла деятельности КПК ставятся тезисы «сделать человека счастливыми» и «защищать коренные интересы народа, стимулировать коллективные усилия всех граждан страны» на строительство гармоничного общества. В этом смысле эти подходы и эти тезисы можно считать новым прочтением и применением к условиям Китая известного тезиса из «Манифеста Коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁴⁵.

2. Ленин В.И. ПСС. т. 45. С. 380.
3. Там же.
4. Там же. С. 381.
5. Там же. Т. 45. С. 404.
6. Там же. Т. 45. С. 370.
7. Цзян Цзяминь. О социализме с китайской спецификой. М., 2002. С. 63–64.
8. XVIII съезд Коммунистической партии Китая. ИДВ РАН: Экспресс-информация. М., 2012. № 7. Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. С. 20–21 (далее: XVIII съезд КПК... с.).
9. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). Бэйцзин, 1985. Цит по: Экспресс-информация / ИДВ РАН. 1998. № 2. С. 6.
10. Экспресс-информация. 1998. № 2. С. 14–15.
11. Там же. С. 5.
12. Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 33.
13. Там же. С. 315.
14. Там же. С. 33.
15. Цит. по: <http://igor-tigek.livejournal.com/301108.html?thread=458036>.
16. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). Бэйцзин, 1985. С. 197.
17. Там же. С. 227–228.
18. Там же. С. 36.
19. Там же. С. 17.
20. XVIII съезд Коммунистической партии Китая. С. 17.
21. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). Бэйцзин, 1985. С. 177.
22. Там же. С. 176.
23. Там же. С. 388.
24. Там же.
25. Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI). М., 2009. С. 141.
26. Там же. С. 150.
27. Там же. С. 204.
28. Там же. С. 203.
29. Цзян Цзяминь. О социализме с китайской спецификой. М., 2002. Т. 1. С. 31–32.
30. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). Бэйцзин, 1985. С. 172.
31. Там же. С. 178.
32. Там же. С. 26.
33. Цит. По: Ху Цзиньтао. Доклад XVIII съезду КПК. С. 36.
34. Ху Цзиньтао. Доклад XVIII съезду КПК // Жэньминь жибао. 2012. 9 нояб.
35. Цит. по: Цюши. 2012. № 20. С. 10.
36. Ху Цзиньтао. Доклад XVIII съезду КПК. С. 24.
37. Там же. С. 24.
38. Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 99.
39. Там же. С. 27.
40. Отчетный доклад ЦК КПК XVIII съезду партии. Решительно следуя по пути строительства социализма с китайской спецификой, бороться за полное построение среднезажиточного общества.
41. Жэньминь жибао он-лайн. 2013. 5 марта.
42. См.: Выступление Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на итоговой пресс-конференции, посвященной XVIII съезду КПК.
43. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М., 2011. С. 318.
44. Там же. С. 318–319.
45. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 447.

Итоги XVIII съезда КПК

XVIII съезд КПК: как обеспечить построение общества «сяокан» («малого благоденствия») в Китае

© 2013

А. Островский

На основе анализа материалов XVIII съезда КПК и планов развития страны на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) сделан вывод, что она становится решающей для реализации амбициозных планов построения к 2020 г. общества «малого благоденствия» («сяокан»). Для решения этой задачи предусматривается двукратное увеличение ВВП к 2020 г.

Ключевые слова: XVIII съезд КПК, 12-я пятилетка, общество «сяокан», ВВП.

Отличительной чертой развития КНР в период, предшествовавший XVIII съезду КПК (ноябрь 2012 г.), был быстрый экономический рост — 10,4% среднегодового прироста валового внутреннего продукта в 2001–2011 гг.¹ Обрабатывающая промышленность КНР — на 3-м месте после США и Японии, производство средств информатики — на 2-м месте в мире после США, производство большей части промышленной продукции превышает 50%, по бытовым товарам повседневного пользования — свыше 30% мировых объемов². С 2000 г. КНР переместилась с 6-го на 2-е место по объему ВВП, с 8-го на 2-е по объему внешней торговли. XVIII съезд отметил не только высокие темпы роста ВВП, промышленности и сельского хозяйства, но и новые достижения науки и техники³: были осуществлены запуски человека в космос и под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 5300 м, создан суперкомпьютер «Тяньхэ» («Млечный путь»), проложена сеть высокоскоростных железных дорог, введена в эксплуатацию спутниковая навигационная система «Бэйдоу» («Большая Медведица»); китайские спортсмены добились высоких достижений на летних Олимпиадах — 2008 г. в Пекине и 2012 г. в Лондоне.

Росло и народное благосостояние, что выразилось в решении проблем занятости, улучшении жилищных условий, росте потребления продуктов питания и одежды, в повышении минимума зарплаты, пособий и пенсий, нормативов помощи бедным семьям.

При всем этом, однако, к осени 2012 г., в стране накопилось немало проблем, связанных с выработкой новой модели экономического развития, потребовавшейся в связи со значительным изменением и внутренних, и внешних условий развития.

С одной стороны, значительно ухудшилась международная экономическая обстановка из-за продолжавшегося мирового финансового кризиса, ввиду чего для Китая оказались ограничены возможности экспорта в США, Евросоюз и Японию. Поэтому Китай был вынужден отказаться от хорошо зарекомендовавшей себя модели экспортно ориентированной экономики и сделать ставку на расширение внутреннего спроса.

С другой стороны, китайское руководство уже не может строить свою экономическую политику на наличии огромной массы дешевой дисциплинированной рабочей силы. По оценкам ведущих экономистов, уже к концу 12-й пятилетки здесь возникнет относительная нехватка рабочей силы, и Китаю придется переходить к использованию меньшего количества рабочих рук при более высокой квалификации и более высоких зарплатах на каждом рабочем месте.

В докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде (состоявшем из 12 разделов) отмечались и многочисленные проблемы, стоящие перед партией и народом: неравномерность развития, отсутствие сбалансированности в экономике, нестабильность. Указывалось на дефицит научно-технического потенциала, нерациональность структуры производства, нехватку природных ресурсов, наличие многих институциональных преград, ограничивающих развитие науки. Много внимания было уделено и обостряющимся социальным проблемам, рождающимся в ходе реформы — в частности, растущему разрыву в доходах между различными слоями и группами, городом и деревней, неравным доступом разных слоев к образованию, здравоохранению, дешевому жилью «экономического класса» и др.⁴ В Отчетном докладе была выделена и подтверждена основная задача КПК — построение общества «малого благоденствия» (*сяокан ичхуэй*) к 2020 г., которая может быть реализована только на путях социализма с китайской спецификой.

В докладе было отмечено, что Китай достиг значительных успехов в социально-экономическом развитии страны за последние 10 лет с 2002 г., когда там был проведен XVI съезд КПК. Подразумевалось, что эти успехи были достигнуты под руководством председателя КПК Ху Цзиньтао. По среднегодовым темпам прироста валового внутреннего продукта за последние 30 лет — свыше 10% в год — Китай занимает первое место в мире, заметно вырос уровень жизни населения в среднем. Выросла экономическая эффективность, из года в год увеличивались финансовые доходы, цены оставались в основном стабильными, за исключением двух-трех лет из-за мирового финансового кризиса. За годы реформы Китай, безусловно, решил задачу «накормить и обогреть (*вэньбао*) население.

На наш взгляд, в качестве главной меры для выполнения задачи построения общества «малого благоденствия» особо следует выделить выдвинутую еще на XVII съезде КПК в 2007 г. «концепцию научного развития» (*кэсюе фачжэнь гуань*). В этой концепции была обоснована необходимость перехода от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным. Данная концепция предусматривает отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и между регионами страны. В основу «концепции научного развития» было заложено такое развитие общества, чтобы в центре внимания был человек (*и жэнь вэй бэнь*).

На XVIII съезде КПК была поставлена задача удвоения к 2020 г. как показателя ВВП, так и среднедушевого показателя ВВП по сравнению с 2010 г., что позволит обеспечить дальнейшее развитие социальной сферы — расширение занятости, повышение уровня образования и здравоохранения, рост социального страхования⁵. Безусловно, решение основной задачи двукратного увеличения подушевого ВВП к 2020 г. позволит Китаю не только повысить жизненный уровень, но и вывести страну с 81-го места в первые 50 стран мира по такому выработанному ООН показателю как «индекс развития человеческого потенциала».

Таким образом, на XVIII съезде КПК была пересмотрена поставленная XVI съездом в 2002 г. задача учетверения к 2020 г. показателя ВВП по сравнению с 2000-м годом. В 2000 г. ВВП Китая составлял примерно 10 трлн юаней (или примерно 1,28 трлн долл.), а подушевой показатель — 7858 юаней (или примерно 1000 долл. по текущему курсу). По китайским прогнозам, с учетом проводимой политики планирования рождаемости, общая численность населения КНР в 2020 г. должна составить от 1,4 до 1,46 млрд чел. Таким образом, в соответствии с планами, намеченными на XVI съезде, ВВП в 2020 г. предполагалось довести примерно до 44–46 трлн юаней, а его подушевой показатель — до 30 000–31 500 юаней в год, (что почти совпадало с прогнозами Центра развития при Госсовете КНР — 43 трлн юаней). Однако на практике уже в 2011 г. ВВП достиг 47,2 трлн юаней (7,3 трлн долл.), а в пересчете на душу населения — 35 083 юаня (или 5430 долл.)⁶, т.е. выше намеченных на XVI съезде в 2002 г. социально-экономических показателей на 2020 г.

Поэтому XVIII съезд в 2012 г. существенно пересмотрел основные индикативные показатели развития экономики КНР на 2020 г. В соответствии с новыми расчетами, ВВП в 2020 г. должен достичь примерно 80 трлн юаней, т.е. 12,5 трлн долл. по текущему курсу. Соответственно, если численность населения КНР в 2020 г. составит 1,4–1,46 млрд чел., то при двукратном увеличении ВВП на душу населения подушевой доход должен будет составить примерно 60 000 юаней на человека — 9300 долл. по валютному курсу 2010 г. Таким образом, реализация намеченных планов социально-экономического развития к 2020 г. означала бы завершение строительства общества «малого благоденствия» и переход к следующему этапу реформы — построению общества «всеобщей зажиточности» (*фуюй шэжун*).

Надо отметить, что в сравнении с высокими темпами прироста ВВП в годы 11-й пятилетки — 11,2% и подушевого показателя — 10,6%, на 12-ю пятилетку они намечены относительно умеренные — 7% в год при среднегодовых темпах прироста располагаемого дохода городского населения и чистого дохода сельского населения свыше 7%⁷. Из весьма объемного программного документа, в котором названы различные индикативные показатели социально-экономического развития КНР в годы 12-й пятилетки по четырем основным сферам — социально-экономической, по охране окружающей среды, по науке, технике и образованию, по жизненному уровню населения — явствует, что среднегодовые темпы прироста ВВП и его подушевого показателя ВВП в размере 7% предусмотрены для КНР в целом. При этом для двух городов центрального подчинения (Пекина и Шанхая и для двух приморских провинций (Гуандун и Чжэцзян) среднегодовые показатели прироста ВВП намечены на уровне 8%, для провинций Цзянсу и Фуцзянь — до 10%, для провинций Северо-Востока КНР — 11–12%, для внутреннего Китая — 9–10%, для западных районов — от 10 до 12%. Наиболее высокие показатели среднегодового прироста ВВП запланировали для себя город центрального подчинения Чунцин — 12,5%, провинции Шаньси и Хайнань — 13%⁸.

В отличие от прежних планов социально-экономического развития индикативные показатели 12-й пятилетки (на 2015-й г.) включают долю добавленной стоимости «третьей сферы» — 47%, урбанизации — 51,5%, долю расходов на НИОКР в объеме ВВП — 2,2%, количество изобретений и патентов — 3,3 на 10 000 чел., доля возобновляемых энергоресурсов в объеме потребления первичных энергоресурсов — 11,4%, сокращение выбросов загрязняющих веществ — 8–10% в год, безработица в городах — менее 5%, прирост численности населения — менее 7,2‰ в год, средняя ожидаемая продолжительность жизни — 74,5 лет, количество граждан, охваченных различными системами социального страхования в городе — 357 млн⁹.

Для реализации этих амбициозных планов, указывалось в Отчетном докладе Ху Цзиньтао, требуется одновременное развитие индустриализации, информатизации, урбанизации, а также модернизации сельского хозяйства. Для этого было намечено пять

основных направлений развития: углубление реформы экономической системы, при котором весь комплекс намеченных мероприятий направлен на регулирование взаимоотношений правительств всех уровней с рынком; развитие научно-технических инноваций как стратегической опоры роста производительных сил и совокупной мощи страны; стратегическое регулирование экономической структуры, направленное на сбалансированное развитие отраслей экономики с регионами; интеграция города и деревни, направленная на повышение жизненного уровня сельских жителей, на решение проблемы «трех сельских факторов» (*сань нун*) — деревни, земледелия, крестьянства — и развитие системы единого планирования города и деревни; повышение уровня экономической открытости для мирового рынка, чтобы создать преимущества для страны в целом и зон быстрого развития экономики в условиях расширения международного экономического сотрудничества¹⁰.

Отдельно был поставлен вопрос об углублении реформ на государственных предприятиях, где доля занятых — уже менее 10% экономически активного населения, а доля стоимости основных производственных фондов — свыше 40% их общей стоимости. При этом значительная часть госпредприятий играет решающую роль в экономике страны. (пользуясь своим положением монополистов, они действовали в льготных условиях, что имело значение в условиях экспортноориентируемой экономики). В новых условиях ориентации на внутренний спрос и расширение рыночной экономики в самом Китае их монопольное положение перестает гарантировать успех на рынке, их конкурентоспособность снижается, что ведет к большим госзатратам на их содержание.

Отдельный пункт в отчетном докладе Ху Цзиньтао был посвящен проблемам охраны окружающей среды. В нем сделан упор на ее «цивилизованное строительство» (*циэнтай вэньмин цзяньши*), так как уже много лет в Китае нарастает загрязнение окружающей среды в результате быстрого роста промышленного производства и повышенных затрат материальных ресурсов на единицу произведенной продукции. По данным за 2010–2011 гг., на Китай приходится 64% мирового потребления цемента, 58% — каменного угля и 45% — железной и свинцовой руды¹¹.

Из-за чрезмерного потребления в производстве различных видов сырья основные проблемы охраны окружающей среды — это значительное превышение допустимой концентрации вредных веществ в воздухе, воде и почве. Фактически, загрязнение воздуха, большое количество промышленных отходов в воде и почве, непомерное пользование природными ресурсами — все это есть своего рода плата за высокий экономический рост. По оценкам китайских и зарубежных исследователей, экономические потери от загрязнения атмосферы, включая затраты на лечение людей, составляют от 3 до 7% ВВП. Всего в Отчетном докладе было выделено четыре направления работы по охране окружающей среды: улучшать состояние почвы, воздуха и воды; экономить природные ресурсы; защищать природные экологические системы и окружающую среду; укреплять институциональную систему по охране окружающей среды¹².

При динамичном социально-экономическом развитии, в ходе 11-й пятилетки продолжали проявляться существовавшие длительное время противоречия, вызванные дисбалансом демографического развития. Перед страной стоят такие проблемы, как огромная численность населения, относительная нехватка энергоресурсов и нарушенная экология, причем демографический аспект здесь — на первом месте.

На XVIII съезде Ху Цзиньтао отметил в своем докладе необходимость продолжать курс на полный охват всех слоев населения системой социального обеспечения: на реформу системы социального страхования в городах; на совершенствование базового медицинского обслуживания в городе и деревне; на постепенное открытие пенсионных счетов для всех трудящихся; на создание механизма льгот и дотаций и постоянное регулирование системы социального страхования по всей стране; на улучшение системы социальной помощи в случае стихийных бедствий, укрепление фондов социальной помо-

щи; на обеспечение с учетом старения населения социального обслуживания пожилых людей и защиту законных прав инвалидов¹³.

Демографические процессы современного Китая характеризуются очень высокими темпами урбанизации, ростом миграционного движения населения. По данным ГСУ КНР за 2011 г., число городских жителей (690,8 млн чел.) впервые в истории страны превысило численность сельского населения (656,6 млн) — соответственно, 51,3% и 48,7%¹⁴. Налицо исторически значимый сдвиг в социальной структуре населения — перевернута странница, когда деревня занимала преобладающее место в обществе, начинается новое время с доминирующей ролью городов в социальном пространстве. По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн, а к 2030 г. — составит 1020 млн чел. В ряде регионов — дельтах реки Янцзы и Чжуцзян, зоне Бохайского залива появятся мегаполисы с населением 80–100 млн чел.¹⁵ Соответственно, в Китае создается передовая инфраструктура, в основе которой заложена сеть высокоскоростных железных и автомобильных дорог, связывающих различные мегаполисы с севера на юг и с востока на запад «по двум вертикалям и трем горизонталям».

Пополнение городского населения происходило в основном за счет миграции, которая за годы реформ достигла беспрецедентных масштабов. Число мигрантов к 2011 г. возросло до 252,8 млн чел. (тех, кто более полугодом проживают не по месту прописки), или более чем на 100 млн чел. больше, чем в 2000 г.¹⁶ В материалах XVIII съезда отмечалось, что ныне необходимо придавать большее значение научно обоснованному развитию городов, всесторонне повышать качественные стороны городов и урбанизации, стимулировать общее процветание городской экономики с экологией. В отчетном докладе на XVIII съезде КПК особое внимание уделялось необходимости научно планировать масштабы и размещение мегаполисов (*чэньшицзюнь*), усиливать развитие средних и малых городов, поселков. Подняты такие важные вопросы, как реформа системы прописки (*хуцззи*), упорядочение миграции сельского населения в города, максимальное обеспечение сервисом услугами постоянного городского населения. Развитие единого планирования города и деревни призвано способствовать уменьшению разрыва между ними, их взаимному процветанию, сулит крестьянам участие в распределении благ модернизации.

В 2011 г. доля трудоспособных составила 74,4% общей численности населения КНР. В области трудоустройства правительство предприняло такие меры, как поощрение создания населением собственного бизнеса, оказание помощи развитию средних и малых предприятий. С 2007 г. численность вновь трудоустроенных граждан в городах и поселках ежегодно увеличивалась в среднем на более чем 11 млн чел.¹⁷

Научно обоснованный, продуманный учет демографического фактора в экономическом развитии предполагает трансформацию «страны с большим населением» в «страну с богатыми трудовыми ресурсами». Китай обладает достаточными трудовыми ресурсами, которые в ближайшие годы еще будут увеличиваться. Численность трудоспособного населения (от 16 до 64 лет) достигнет максимума в 2016 г. — около 990 млн чел. (72% общей численности населения), но в последующий период предполагается его постепенное снижение: до 870 млн к 2050 г.¹⁸

С 2000 по 2010 гг. доля населения трудоспособного возраста увеличилась лишь на 4,4%, а в годы 12-й пятилетки она начнет, по оценкам китайских демографов, снижаться и с 2016 г. перестанет возрастать. Наблюдающийся в последние 7 лет нехватка рабочей силы и постепенный рост зарплаты рабочих-мигрантов с сельской пропиской говорит о том, что страна вплотную подступила к «точке Льюнса» (*Lewis Turning Point*), при прохождении которой она вступит в полосу дефицита рабочей силы. Подход к данному поворотному пункту означает, что при ситуации удешевления рабочей силы (низкой зарплаты) больше не ожидается необходимого и достаточного ее предложения на рынке труда. Т.е. Китай подходит к периоду, когда дефицит рабочей силы станет носить не циклический (или отраслевой), а уже системный характер.

Коренной причиной приближения поворотного пункта послужило изменение структуры населения, причем политика планирования рождаемости — катализатор его досрочного наступления. Коренное изменение соотношения между спросом и предложением рабочей силы и непрерывный рост зарплаты есть прямые доказательства достижения китайским обществом «точки Льюиса». В настоящее время рабочие-мигранты с сельской пропиской являются главным источником предложения рабочей силы, необходимой для развития экономики городов. Но в деревнях прирост населения трудоспособного возраста также замедляется, и еще до распространения глобального финансового кризиса год от года снижалось число крестьян, выезжавших на заработки в города. По предварительным расчетам, сельская избыточная рабочая сила скоро почти исчезнет, а вместе с этим исчезнут демографические преимущества Китая. Таков результат процесса перехода от «высокой рождаемости, низкой смертности, высокого естественного прироста населения» к «низкой рождаемости, низкой смертности и низкому естественному приросту населения». Такие изменения неизбежны и необратимы, они непременно происходят вместе с ростом экономики и социальным развитием, и даже урегулирование с помощью политики планирования семьи не способно изменить эту тенденцию. Этот путь прошли Япония, «четыре азиатских дракона» (Республика Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань), этот путь должен пройти и Китай. И это новый для него вызов.

В декабре 2012 г. в Пекине состоялось ежегодное Всекитайское совещание по экономической работе, в котором участвовало 157 ведущих китайских экономистов. Для выступления с докладом о ситуации в китайской экономике и ее месте в мире был приглашен бывший управляющий Мирового Банка Роберт Зеллик, заявивший, в частности: «Если Китай не изменит стратегию развития, то попадет в «ловушку средних доходов» и подвергнется давлению «экономики низких доходов и низких зарплат». При этом он признал: «китайское руководство уже осознает необходимость изменить модель роста, обратить внимание на внутренний спрос и потребление внутри страны, включая изменения в инвестиционной сфере. Для этого роль правительства должна измениться — от действий прямого контроля до системных, нормативных действий посредством законов»¹⁹.

В этих новых условиях Китай будет вынужден по ходу 12-й пятилетки переориентироваться от привлечения неквалифицированной рабочей силы из деревни к повышению производительности труда, в том числе в сельском хозяйстве, к переходу от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, и к инновационной экономике. Это — ключ к решению основных проблем: снижения доли экономически активного населения и старения населения, относительной нехватки природных ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Если сейчас правительство КНР окажется не готовым к изменению демографической политики, к стимулированию инноваций в области новых технологий и к обеспечению трансформации экономической структуры, то при возникшем дефиците дешевой рабочей силы Китай столкнется с серьезными экономическими вызовами. При повышении зарплаты и распространения системы социального страхования для рабочих-мигрантов с сельской пропиской Китай утратит свои преимущества в международной конкуренции, в результате снизится экспорт и возрастет безработица. Вот почему вопрос о прохождении «точки Льюиса» стал столь важным для будущего реформирования системы распределения доходов. Это неразрывно связано с судьбой Китая.

В отчетном докладе на XVIII съезде КПК отмечалось, что трудоустройство есть основа народного благосостояния. Его надо совершенствовать посредством рыночного регулирования; правительство должно создавать новые рабочие места, поощрять различные формы трудоустройства, особое внимание уделять молодежи, рабочей силе из деревни; надо повышать уровень профессионального образования, уровень новаторства, стабильность занятости; расширять систему услуг в сфере трудоустройства, усиливать

социальное страхование безработных — все это призвано формировать гармоничные трудовые отношения.

Важным инструментом в борьбе регионов за рабочую силу стало повышение заработной платы. В 2011 г. средний уровень доходов городских жителей составил 21 810 юаней в год (или 3635 долл.) в год, а сельских жителей — 6977 юаней (1163 долл.)²⁰, — т.е. значительный разрыв в доходах городских и сельских жителей все еще существует. Эти доходы по покупательной способности можно вполне сопоставить со средней зарплатой в России — с учетом того, что цены на продовольственные и промышленные товары, особенно во внутренних районах Китая, гораздо ниже. В сравнении с рядом городов КНР (Пекину, Шанхаю, Гуанчжоу, Шэньчжэню) средние доходы жителей России заметно ниже, чем у китайцев. Все это с учетом лучшей обеспеченности населения КНР жильем (32,7 кв. м на человека в городе и 36,2 кв. м на человека в деревне в 2011 г.) свидетельствует, что Китай уже не является бедной страной, а перешел в новую категорию — «общества малого благоденствия» (по крайней мере, в приморских районах)²¹.

На XVIII съезде КПК особо отмечалась необходимость того, чтобы все слои населения могли воспользоваться плодами быстрого экономического развития страны. Для этого нужно углубить реформу в области распределения доходов, чтобы основные меры по перераспределению доходов осуществлялись посредством налогообложения, социального обеспечения, различных видов поощрения и доплат. Углубление реформы заработной платы на предприятиях и в учреждениях должно идти на основе системы консультаций с трудовыми коллективами. Следует усилить контроль за порядком распределения доходов, защищать легальность, повышать минимальные и пресекать незаконные доходы. При этом надо повышать научность управления обществом и информатизацию с акцентом на улучшение кадрового потенциала, помощь трудовым мигрантам, урегулирование противоречий между разными социальными слоями²².

Социальные реформы наряду с реформированием производства и технологий обретают особую актуальность. Такие общественные блага, как образование, здравоохранение, пенсионная система должны стать доступными до наступления «точки Льюнса». В противном случае могут обостриться социальные противоречия. Это означает, что в период 12-й пятилетки необходимо завершить создание системы социального обеспечения для всех слоев населения.

По ходу общения в Интернете с населением страны премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао акцентировал внимание на необходимости повышать качественные характеристики населения. «Подъем Китая, отметил он, будет обеспечен за счет подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяется повышенное внимание к двум показателям — соотношению расходов к объему ВВП и расходов на научно-исследовательскую деятельность к объему производства». Соотношение затрат на НИОКР к объему ВВП достигло в 2011 г. 1,83%, что означает удвоение в сравнении с 0,9% в 2000 г.²³ Такой прорыв в области качества (прежде всего, образовательного уровня) населения, и обеспечивает Китаю возможность решить поставленную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в перспективе, добиваясь намеченных целей и в социальной сфере, и в экономике.

Роль науки и образования в Китае существенно возрастает. Это вызвано назревшей необходимостью перехода от существующей ресурсозатратной к интенсивной ресурсосберегающей модели экономического роста, основанной на знаниях и инновациях. При этом строительство инновационной экономики рассматривается как процесс, затрагивающий не только области экономики и науки, но и охватывающий сферы государственного устройства, образования и подразумевающий радикальное трансформирование общественного сознания, отказ от пассивного заимствования мирового запаса знаний.

7 июня 2010 г. в Пекине прошло Совместное заседание Академии наук Китая и Академии инженерных наук Китая. Ху Цзиньтао в своем выступлении отметил «боль-

шой вклад двух академий в ускорение развития форм переходной экономики»²⁴. Эта оценка роли обеих Академий была конкретизирована в выступлениях их президентов. На собрании в очередной раз прозвучали задачи реализации принятых в начале 2006 г. двух основных документов по развитию науки и техники КНР — «Государственной программы долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» (сокращенно — «Программа планирования») и «Программы планирования повышения качества науки в стране в 2006–2010–2020 гг.» (сокращенно — «Программа качества науки»)». В случае реализации этих двух важнейших программ Китай войдет к 2020 г. в ряды стран с экономикой инновационного типа. В соответствии с наметками этих двух программ к 2020 г. доля стоимости научно-исследовательских и опытных конструкторских работ (НИОКР) должна составить 2,5% ВВП, и по этому показателю КНР должна выйти на уровень развитых стран мира.

Отдельно на XVIII съезде КПК стоял вопрос о борьбе с растущей коррупцией в стране, которая в последнее время является серьезной преградой на пути построения общества «сяокан». Как следует из рабочего доклада Дисциплинарной комиссии XVIII съезду, за период с октября 2007 г. по июнь 2012 г. ею было рассмотрено 643 759 персональных дел и подвергнуты различным наказаниям 24 584 чел., было рассмотрено 81 391 дел о коррупции на общую сумму 22.203 млрд юаней. Количество рассмотренных персональных дел за период между XVII и XVIII съездами КПК оказалось несколько меньше, чем за предшествующий период — 677 924 персональных дела²⁶. В целях борьбы с коррупцией за прошедшие пять лет была опубликована «Белая книга о борьбе с коррупцией и политическом строительстве неподкупности», приняты поправки к «Положению о некоторых принципах неподкупности для руководящих кадровых работников — членов КПК». Помимо ранее принятых трех важных партийных документов — «Экспериментального положения о контроле внутри КПК», поправок к «Положению о дисциплинарных наказаниях в КПК» и «Положению о гарантиях прав для членов КПК», в период между съездами были приняты еще и «Постановление по персональным делам, касающимся руководящих кадровых работников» и «Временное постановление об усилении управления государственными служащими, у которых супруги и дети проживают за рубежом.

Громкие антикоррупционные дела не предотвратили широкого распространения коррупции в Китае. В этих условиях от руководства КПК требуются нестандартные решения по контролю за деятельностью чиновников партийного и государственного аппарата. Для усиления борьбы с коррупцией на XVIII съезде КПК предлагались такие меры, как воспитание неподкупности в кадровых работниках, укрепление руководящего ядра дисциплинарных комиссий, усиление ротации кадровых работников на всех уровнях.

Выступая на итоговой пресс-конференции после завершения съезда, новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин назвал коррупцию внутри партии *«одной из самых насущных проблем, которые необходимо решить новому руководству в первую очередь»*²⁷. Несколькими днями ранее выступивший на съезде с докладом Центральной комиссии по проверке ее дисциплины Хэ Гоцян, подчеркнул: *«Борьба с коррупцией и обеспечение политической интеграции являются чрезвычайно важной обязанностью партии, гарантией приверженности делу развития социализма с китайской спецификой»*²⁸.

Это подтверждается и заявлениями Ху Цзиньтао, сделанными на XVIII съезде. В своем Отчетном докладе он подчеркнул: *«Если нам не удастся справиться с проблемой коррупции, это создаст смертельную опасность для партии, даже может повлечь крах партии и развал государства»*²⁹. Столь жесткие формулировки по поводу коррупции и злоупотреблений властью были неизбежными. Ведь на период между съездами выпало три крупных персональных дела — министра железнодорожного транспорта Лю Чжицзюня, руководителя Шэньчжэня Сюй Цзунхэна и секретаря парткома Чунцина Бо Силая. Наиболее скандальное из них — последнее, обернувшееся устранением с политиче-

ской арены члена Политбюро 17-го созыва, возглавлявшего комитет КПК третьего по значению города центрального подчинения.

В конце 1990-х гг. Бо Силай успешно руководил одним из крупнейших портовых городов Китая — Далянем, на исходе минувшего века заметно опережавшим многие другие города по темпам экономического роста, степени вовлеченности в систему международных экономических связей и по уровню охраны окружающей среды (благодаря, в частности, тому, что за пределы города были вынесены все вредные производства). После вступления КНР в ВТО Бо Силай наладил работу одного из ключевых ведомств — специально созданного Министерства коммерции КНР, игравшего важную роль в быстром развитии внешнеэкономического сотрудничества. В конце 2007 г. Бо Силай был переведен на работу в Чунцин. Получивший в 1997 г. статус города центрального подчинения (как Пекин, Шанхай и Тяньцзинь), он фактически был по уровню социально-экономического развития обычным провинциальным городом, уступавшим ряду крупных приморских городов (Гуанчжоу, Ханчжоу, Шэньчжэнь). Однако поскольку Чунцин должен был стать своего рода эталоном для реализации принятой в 2000 г. Программы развития западных районов Китая, то для выполнения этой задачи и был направлен ранее проявивший себя в Даляне, член Политбюро ЦК КПК.

В условиях начинавшегося мирового финансового кризиса и заметного уменьшения экспортных заказов для предприятий города при неразвитом внутреннем рынке из-за низких доходов местных предприятий и населения в Чунцине в феврале 2008 г. прошло рабочее совещание по экономике. На нем был сделан вывод, что в данной ситуации спасительной для региона может стать реальная экономика (*шити цзинци*), а не развитие «3-й сферы» (сферы услуг и банковско-финансовой деятельности). С 2008 г. в промышленность, капитальное строительство и сельское хозяйство там стали поступать банковские кредиты более, чем по 1,5 трлн юаней в год³⁰. Это дало толчок развитию производства, резко подняло доходы местного бюджета, что позволило направить часть средств на социальные нужды, резко поднимая покупательную способность населения.

В результате с 2005 по 2010 гг. объем валового регионального продукта (ВРП) Чунцина, как и ВРП на душу населения выросли в 2,1 раза (ВРП рос в среднем на 14,9% в год, а «подушевой» ВРП — на 14,1% в год). За это время резко увеличились иностранные инвестиции в экономику Чунцина, возникло большое количество СП. Чунцин превратился в один из ведущих центров машиностроения и автомобилестроения страны³¹. В марте 2012 г. этот опыт был обобщен в книге под редакцией известного ученого-экономиста И Сяогуана, директора НИИ комплексной экономики Чунцина. Автор предисловия, бывший директор Института макроэкономики Центра развития Госсовета КНР, почетный директор чунцинского Института комплексных экономических исследований Бай Хэцзинь отметил: *«основной смысл опыта чунцинской модели акцентирует внимание на глубоких основах поиска инноваций для одновременного опережающего научного развития»*³².

Итак, одной стороны, успехи Чунцина за период между XVII и XVIII съездами КПК налицо, а планы его социально-экономического развития на 2015 г. — опережающие и в сравнении со средними показателями по стране, и с показателями западных районов Китая. С другой стороны, партийный руководитель города оказался дискредитирован, был обвинен Дисциплинарной комиссией ЦК КПК в различных грехах. Не повлечет ли это забвения Чунцинского эксперимента?

Задача построения инновационной экономики, основанной на собственных достижениях в области науки и технологий, стоявшая в центре внимания XVIII съезда, была сформулирована в феврале 2006 г., когда Госсовет КНР принял «Государственный план среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 гг.», в котором инновационный курс квалифицирован как новая национальная стратегия. Поставив общую задачу расширения в стране возможностей для проведения фундаментальных исследований, руководство Китая выделило пять областей, имеющих важное значение для

удовлетворения потребностей будущего развития, и требующих активной правительственной поддержки и финансирования: разработка новых материалов; производства, не загрязняющие окружающую среду; авиационная и космическая техника; информационные технологии: исследования в области нанотехнологий.

Материалы XVIII съезда КПК позволяют прийти к выводу, что при условии последовательного решения трех основных проблем китайского общества (народонаселения, относительной нехватки энергоресурсов и угроз для экологии) Китаю будет вполне по силам реализовать амбициозные экономические цели к 2020 г. — поднять ВВП и его подушевой рост ВВП вдвое по сравнению с 2010 г., создать самый крупный в мире внутренний рынок, ускорить развитие сферы социального обеспечения для городского и сельского населения, создать системы рационального и упорядоченного распределения доходов.

Реализация поставленных XVIII съездом социально-экономических задач построения общества «сяокан» призвана создать условия для общественно-политической стабильности в китайском обществе.

1. Чжунго тунци — 2012 [Китайский статистический справочник — 2012]. Пекин, 2012. С. 24.
2. Гуанмин жибао. 2010. 10 июня.
3. См.: Шибада цзай Цзин кайму, Ху Цзиньтао цзо баогао (цюаньвэнь) [В Пекине открылся XVIII съезд КПК, доклад Ху Цзиньтао]. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6, Цайсиньван, 08.11.2012. С. 1–3.
4. Там же. С. 3.
5. Там же. С. 6.
6. Чжунго тунци чжайяо — 2012. Пекин, 2012. С. 20–21.
7. Гоцзя цзи гэдишюй гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань «шнэрью» гуйхуа ганьяо [Проект программы социально-экономического развития страны и всех территорий в 12-й пятилетке] / Гос. Комитет развития и реформ КНР. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 3,5.
8. Подробнее см.: Гоцзя цзи гэдишюй гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань «шнэрью» гуйхуа ганьяо [Проект программы социально-экономического развития страны и всех территорий в 12-й пятилетке] / Гос. Комитет развития и реформ КНР. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011.
9. Там же. С. 5–6.
10. Шибада цзай Цзин кайму, Ху Цзиньтао цзо баогао (цюаньвэнь) [В Пекине открылся XVIII съезд КПК, доклад Ху Цзиньтао] URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6, Цайсиньван, 08.11.2012. С. 7–8.
11. Зеллик Р. Сян шичан цзинци году. Чжунго сюй гайбянь чжэнфу цзюесэ [При экономическом переходе к рынку в Китае необходимо изменить роль правительства] // Ванъи цайцин. 2012. 14 дек.
12. Шибада цзай Цзин кайму, Ху Цзиньтао цзо баогао (цюаньвэнь) [В Пекине открылся XVIII съезд КПК, доклад Ху Цзиньтао] URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6, Цайсиньван, 08.11.2012. С. 10.
13. Там же. С. 9.
14. Чжунго тунци чжайяо — 2012 [Китайский статистический справочник — 2012]. Пекин, 2012. С. 40.
15. <http://china.caixin.com/2012-11-13/100459622.html>.
16. Survey and Monitoring Report of Migrant Workers in 2011 // China Population Today. 2012. V. 29, № 4. P. 21.
17. Чжунго тунци чжайяо — 2012 [Китайский статистический справочник — 2012]. Пекин, 2012. С. 39,45.
18. <http://china.caixin.com/2012-11-13/100459622.html>.
19. Зеллик Р. Указ. соч.
20. Чжунго тунци няньцзянь — 2012 [Китайский статистический справочник — 2012]. Пекин, 2012. С. 103.

21. Там же. С. 102.
22. Шибада цзай Цзин кайму, Ху Цзиньтао цзо баогао (цюаньвэнь) [В Пекине открылся XVIII съезд КПК, доклад Ху Цзиньтао] URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6, Цайсиньван, 08.11.2012. С. 10.
23. Чжунго туңци чжайяо — 2012 [Китайский статистический справочник — 2012]. Пекин, 2012. С. 172.
24. Жэньминь жибао. 2010. 8 июня.
25. Чжунго кэпу туңци — 2008 [Статистика популяризации науки в Китае — 2008]. Пекин, 2008. С. 1.
26. Чжунгун Чжунъян цзилюй дяньча вэйюаньхуэй сян данды ди шибацы цюаньго дайбяо дахуэй-ды гуңцзо баогао [Рабочий доклад Дисциплинарной Комиссии ЦК КПК XVIII съезду КПК] / Цайсиньван. 2012. 14 нояб. С. 4.
27. <http://china.caixin.com/2012-11-15/100461144.html>.
28. Чжунгун Чжунъян цзилюй дяньча вэйюаньхуэй сян данды ди шибацы цюаньго дайбяо дахуэй-ды гуңцзо баогао [Рабочий доклад Дисциплинарной комиссии ЦК КПК XVIII съезду КПК] // Цайсиньван. 2012. 14 нояб. С. 13.
29. Шибада цзай Цзин кайму, Ху Цзиньтао цзо баогао (цюаньвэнь) [В Пекине открылся XVIII съезд КПК, доклад Ху Цзиньтао] URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6, Цайсиньван, 08.11.2012. С. 13.
30. Поцзе Чжунго фачжаньчжи куньцзюй. Чунцин шицзяньлунь [Решать трудную ситуацию развития Китая. Теория опыта Чунцина] / Ред. И Сяогуан и др. Пекин: Чжунго цзинци чубаньшэ, 2012. С. 4.
31. Гоцзя цзи гэдишюй гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань «шиэрью» гуйхуа ганьяо [Проект программы социально-экономического развития страны и всех территорий в 12-й пятилетке] / Гос. Комитет развития и реформ КНР. Пекин. Изд-во «Жэньминь чубаньшэ», 2011. С. 1700–1701.
32. Поцзе Чжунго фачжаньчжи куньцзюй. Чунцин шицзяньлунь [Решать трудную ситуацию развития Китая. Теория опыта Чунцина] / Ред. И Сяогуан и др. Пекин: Чжунго цзинци чубаньшэ, 2012. С. 4.

Вопросы военной политики Китая на XVIII съезде КПК

© 2013

П. Каменнов

Рассмотрены основные направления военной политики и военного строительства в Китае в контексте решений состоявшегося в ноябре 2012 г. в Пекине XVIII съезда КПК: модернизация военного потенциала, создание мощных вооруженных сил, отвечающих возросшему международному статусу страны, обеспечение абсолютного руководства армией со стороны КПК, осуществление стратегии «активной обороны», военная дипломатия.

Ключевые слова: военная политика, военное строительство, абсолютный контроль над армией со стороны КПК, программа модернизации, стратегия «активной обороны», военно-промышленный комплекс, военная дипломатия.

В годы реформ и открытости внешнему миру военная политика Китая направляется на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века (к столетию образования КНР) статуса сильной, модернизированной, объединенной (имеется в виду решение тайваньской проблемы) державы, занимающей доминирующее положение в Восточной Азии, соответствующее по ее политическому влиянию, экономической и военной мощи государствам-лидерам современного мира. При этом реализация национальной стратегии рассматривается через призму усиления комплексной мощи страны. В свою очередь комплексная мощь приобретает значение общей способности государства путем мобилизации как внутренних, так и мировых ресурсов эффективно осуществлять данную стратегию, надежно обеспечивая и продвигая в глобальном масштабе весь комплекс национальных интересов.

XVIII съезд КПК подтвердил установку на реализацию принятой в 2006 г. программы модернизации национальной обороны, включающей три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий.¹ Основным содержанием программы на нынешнем (втором) этапе является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне, а также — при проведении антитеррористических операций.

В докладе генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на съезде поставлена задача укрепления обороны и создания вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР.

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. Тел.: 8(499)124-03-13

Модернизация обороны в соответствии с упомянутой программой рассматривается в качестве важнейшей составной части модернизации страны. К 2020 г. намечается завершить механизацию войск и добиться прогресса в их информатизации. Перед вооруженными силами поставлена задача не только защиты суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечения безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве. В области военного строительства сохраняется стратегия «активной обороны», предполагающая строительство мощной современной армии, способной реагировать на внезапные изменения обстановки и вести как оборонительные так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба².

КПК наряду с государственными структурами продолжает играть ключевую роль в руководстве оборонным строительством и вооруженными силами КНР.

Это положение закреплено юридически: согласно Закону КНР «О государственной обороне» 1997 г. (статья 19), вооруженные силы КНР находятся под руководством КПК. Высший государственный орган руководства вооруженными силами — Центральный военный совет (ЦВС) КНР (создан в соответствии с Конституцией КНР 1982 г. (статья 29.93) и Военный совет ЦК КПК, возглавляемые одним лицом — председателем КНР, являющимся одновременно генеральным секретарем ЦК КПК и председателем Военного совета ЦК КПК, фактически образуют централизованную структуру руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям.

Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны КПК постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства и является лейтмотивом всех партийных форумов, включая состоявшийся в ноябре 2012 г. XVIII съезд КПК. Нынешняя установка «обеспечивать абсолютное руководство партии над армией»³ по существу означает незыблемость известного принципа «партия командует винтовкой».

По итогам XVIII съезда ЦК КПК проведены масштабные кадровые перестановки в руководстве Компартии, в том числе в составе высшего партийного органа руководства вооруженными силами — Военного совета ЦК КПК. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин избран председателем Военного совета ЦК КПК. Ниже приводится состав обновленного Военного совета ЦК КПК⁴:

Председатель — Си Цзиньпин, Генеральный секретарь КПК, заместитель председателя ЦВС КНР; *заместители председателя (2)*: Сюй Цилян, член ЦВС КНР; Фань Чанлун, командующий Цзинаньским военным округом (ВО); *члены (8)*: У Шэнли, командующий ВМС, член ЦВС КНР; Фан Фэнхуэй, начальник Генерального штаба НОАК (бывший командующий Пекинским ВО); Чжан Ян, начальник Главного политического управления НОАК (бывший политкомиссар Гуанчжоуского ВО); Чжан Юся, начальник Главного управления вооружений и военной техники НОАК (бывший командующий Шэньянским ВО); Чжао Кэши, начальник Главного управления тыла НОАК (бывший командующий Напкинским ВО); Вэй Фэнхэ, командующий стратегическими ракетными войсками («второй артиллерией») НОАК; Ма Сяотянь, командующий ВВС НОАК (бывший заместитель начальника Генерального штаба НОАК); Чан Ваньцюань, член ЦВС КНР (бывший начальник Главного управления вооружений и военной техники НОАК).

В марте с.г. на 1-й сессии ВСНП КНР 12-го созыва в соответствии с практикой совмещения одним лицом высших партийных и государственных постов Си Цзиньпин утвержден в качестве Председателя КНР и одновременно назначен председателем высшего государственного органа руководства вооруженными силами страны — Центрального военного совета (ЦВС) КНР.

Реализация принципа «обеспечивать абсолютное руководство партии над армией», в частности, обеспечивается посредством избрания непропорционально большого количества военных в высший руководящий партийный орган — ЦК КПК. Так, на состоявшемся в октябре 2007 г. XVII съезде КПК членами ЦК были избраны 41 военный

высшего и среднего ранга, которые составили 20% общего количества его членов (204).⁵ В материалах китайских СМИ не содержится данных о количестве военных в составе ЦК, избранного на XVIII съезде; однако, исходя из того, что он обновлен на 20%, можно предположить, что данный показатель остался без существенных изменений.

Политическая работа с личным составом армии строится в соответствии с обновленным Наставлением по политической работе в НОАК, принятым в августе 2010 г., и в основном преследует ту же цель — обеспечение в политическом, идеологическом и организационном отношениях абсолютного контроля над армией со стороны КПК, а также — развитие национальной обороны и вооруженных сил на основе науки, выполнение НОАК исторических миссий на новом этапе в XXI веке.⁶

В ближайшие годы эта работа, видимо, будет осложнена увеличением численности в составе НОАК офицерского и рядового состава из числа лиц, родившихся в 1980-е годы, выросших в обстановке реформ и открытости страны внешнему миру и склонных к идее неприятия контроля партии над армией в большей степени, чем их предшественники. Свыше 80% призывников познакомились с Интернетом до призыва на службу, многие из них являются интернет-зависимыми. Между тем, именно такой интеллектуально развитый контингент необходим для проведения в жизнь курса на информатизацию НОАК.

Согласно китайским взглядам международная обстановка в сфере военной безопасности характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что международный ландшафт остается мирным вследствие усиления взаимозависимости государств современного мира, в нем усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания как традиционных, так и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций.

В Пекине полагают, что Китай стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности как традиционного так и нетрадиционного характера. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы, выступающие за независимость Тайваня, за независимость Восточного Туркестана, за независимость Тибета.⁷

Стратегия Китая в сфере обеспечения военной безопасности заключается в осуществлении широкого комплекса превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятных условий внутри и вокруг Китая и уменьшение факторов нестабильности.

В начале XXI века в условиях глобализации спектр военной политики КНР существенно расширен и, согласно официальным заявлениям, включает следующие основные положения⁸.

1) Обеспечение национальной безопасности и национального единства, обеспечение интересов развития нации. Это предполагает отражение агрессии, защиту сухопутных и морских границ, воздушного пространства; противодействие и сдерживание сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня; осуществление мер по предупреждению и пресечению деятельности сил терроризма, сепаратизма и экстремизма в любых формах.

2) Деятельность НОАК направлена на выполнение исторической миссии на новом этапе XXI века, которая заключается в обеспечении руководящей роли КПК в государстве, обеспечении безопасности страны при реализации стратегического шанса для ее развития, а также — в выполнении миссии по поддержанию мира во всем мире и содействии процессу глобального развития. НОАК повышает свои возможности по противодействию различным угрозам безопасности, включая действия в условиях кризисной обстановки, меры по предупреждению конфликтов, а также по ведению эффективных боевых действий в сложных условиях современной войны.

3) Согласованное развитие национальной обороны и экономики. Модернизация вооруженных сил рассматривается как составная часть социального и экономического развития Китая.

4) Революция в военном деле с китайской спецификой сочетается с активной подготовкой армии к вооруженной борьбе, механизацией и информатизацией, развитием всех видов вооруженных сил и родов войск.

5) Совершенствование военной организации, структуры и военного управления на основе внедрения инноваций.

6) Расширение военных контактов с другими странами на основе пяти принципов мирного сосуществования, а также развитие отношений военного сотрудничества, которые не являются союзническими или конфронтационными и не направлены против третьих стран. Китай участвует в международном сотрудничестве в сфере безопасности, в том числе поддерживает механизмы консультаций по стратегическим проблемам с мировыми державами и с соседними государствами, участвует в совместных военных учениях на двусторонней и многосторонней основах; способствует созданию механизмов коллективной безопасности и мер доверия в военной области.

7) Вооруженные силы Китая участвуют в миротворческих операциях под эгидой ООН, а также в сотрудничестве с другими странами по борьбе с терроризмом.

Военная политика Китая в значительной мере формируется под влиянием глобализации проблем безопасности. Наряду с этим, она имеет в своей основе связь с культурным наследием страны, проявившейся в виде обращения к учению военного теоретика древности Сунь Цзы. В известном труде «Стратегия Сунь Цзы» (512 г. до н.э.), сохраняющем определенную актуальность и в наши дни, автор исследует проблему, как победить противника интеллектом, а не только материальной силой. Суть военной стратегии, по Сунь Цзы, заключается в комбинированном применении знаний и материальных ресурсов для достижения цели, причем знания и интеллект как невидимые ресурсы во многих случаях являются более важными, чем материальные (видимые) ресурсы. Войну он считал сложным многомерным явлением, включающим использование каждой из сторон всех средств борьбы, охватывающих политику, дипломатию, науку, культуру и другие сферы.

Взгляды Сунь Цзы получили развитие в принятой китайским руководством в 80-х гг. прошлого века концепции «комплексной государственной мощи» (КГМ), согласно которой в современных условиях сила государства и его влияние на международные процессы определяются не столько военным потенциалом, сколько уровнем экономического и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом.⁹ В наши дни эти идеи находят отражение в официальных документах Госсовета КНР по проблемам национальной обороны. Согласно Белой книге «Национальная оборона Китая» 2010 г.¹⁰, военная политика КНР, наряду с модернизацией вооруженных сил включает *расширение военных контактов с другими странами* на основе пяти принципов мирного сосуществования*, а также развитие отношений военного сотрудничества, которые не являются союзническими или конфронтационными и не направлены против третьих стран. Китай активно участвует в международном сотрудничестве по проблемам безопасности, поддерживает механизмы консультаций по стратегическим проблемам с мировыми державами и с соседними государствами, участвует в совместных военных учениях на двусторонней и многосторонней основах; способствует созданию механизмов коллективной безопасности и мер доверия в военной области. Между воен-

* Указанные принципы впервые были сформулированы в соглашении между Индией и КНР о торговле и связях Тибетского автономного района Китая с Индией 1954 г. и нашли отражение в решениях Банбунгской конференции 1955 г.: 1/ взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2/ ненападение; 3/ невмешательство во внутренние дела друг друга; 4/ равенство и 5/ мирное сосуществование (Прим. авт.).

ными ведомствами КНР и Российской Федерации, КНР и США установлены и действуют прямые телефонные линии связи.

На нынешнем этапе военная политика Китая строится в связи с реализацией *концепции безопасности нового типа, основанной на межгосударственном доверии* и включающей следующие положения: взаимная равная безопасность, основанная на взаимном доверии и сотрудничестве посредством диалога; взаимодействие в деле безопасности при невмешательстве во внутренние дела других государств и нанесении ущерба третьим странам; недопущение угрозы или нанесения ущерба военной силой безопасности и стабильности других государств.

Большое значение Пекин придает развитию сотрудничества, в том числе в сфере военной безопасности, со странами АТР, в котором Китай стремится занять лидирующее положение. В 2004 г. Китай подписал «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», которым подтвержден принцип разрешения спорных вопросов в отношениях между Китаем и АСЕАН мирными средствами¹¹. В 2005 г. ШОС, АСЕАН и СНГ подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Вслед за этим, в мае 2006 г. по предложению Пекина в Китае состоялся региональный форум АСЕАН по проблемам политики в сфере безопасности, на котором между Китаем и АСЕАН было достигнуто соглашение о взаимном обмене наблюдателями на военных учениях. В августе того же года КНР и АСЕАН договорились о сотрудничестве в борьбе с морским пиратством. В целом, в результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН Пекину удалось в значительной мере ослабить влияние в этих странах мифа о «китайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии¹².

Ситуация в отношениях с соседними государствами оценивается в КНР как благоприятная. В 2008 г. завершено юридическое оформление российско-китайской государственной границы на всем ее протяжении. С подписанием между Россией и Китаем ряда документов, а именно — Соглашения о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашения о границе на ее Западной части (1994 г.), дополнительного Соглашения о границе на ее Восточной части (2004 г.) и дополнительного протокола-описания линии российско-китайской границы на ее восточной части (2008 г.), — государственная граница между двумя странами определена договорными документами на всем ее протяжении. Последним соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Усури вблизи Хабаровска¹³.

В отношениях Китая с Индией — несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии (штат Джамму и Кашмир) и по так называемой линии МакМагона на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш — преобладает тенденция к развитию стратегического партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI веке» 2008 г. стороны приняли обязательство «...путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать формированию мер доверия» и заявили о своей твердой приверженности «...курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не поддадало под влияние этих разногласий».

Отношения Китая с южным соседом — Вьетнамом ныне строятся на основе формулы 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее», принятой в 2000 г. По-

сле длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива¹⁴.

Сложными продолжают оставаться отношения Китая с Японией. Предпринимаемые обеими сторонами меры к улучшению отношений в политической сфере в связи с активизацией китайско-японских торгово-экономических связей не получают развития, поскольку военная политика Японии, по оценке Пекина, противоречит интересам КНР. Так, резко негативную реакцию Пекина вызвала принятая в декабре 2010 г. новая программа национальной обороны Японии, в которой, по заявлению агентства «Синьхуа», Китай рассматривается в качестве вероятного противника Японии. Следует отметить, однако, что фактически упомянутый японский документ не содержит прямых указаний на этот счет; напротив, в нем выражено намерение Японии строить отношения сотрудничества как с Китаем, так и с Россией; однако, данный тезис оставлен китайскими СМИ без внимания.

Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако, последствия мирового финансового кризиса, которые оказались весьма серьезными для американской экономики, в то время как Китай, являющийся крупнейшим торговым партнером США, вышел из кризиса с минимальными потерями, побудили Вашингтон к необходимости нормализации отношений с Китаем, в том числе по военной линии, что нашло отражение в итогах китайско-американского саммита в январе 2011 г. Вместе с тем, в Китае сознают, что реализации достигнутых соглашений препятствует политика США по усилению военного присутствия в АТР. Согласно национальной военной стратегии США (версия 2012 г.)¹⁵ США намерены переориентировать имеющиеся ресурсы на АТР, поскольку усиление Китая содержит потенциальную угрозу безопасности и экономике США. В числе других препятствий — участие США в модернизации вооруженных сил Тайваня, в частности состоявшееся в январе 2010 г. решение США о поставке Тайваню крупных партий вооружений на сумму 6,4 млрд. долл.¹⁶, продолжающаяся интенсивная разведывательная деятельность США в акватории Южно-Китайского моря, а также — внутренние законы США, в частности, Закон США о национальной обороне на 2000 финансовый год, содержащий "Поправки Делэя", которыми введены ограничения на налаживание военных контактов с Китаем в 12 областях¹⁷.

Наряду с этим, имеются некоторые признаки, указывающие на возможное изменение обстановки в АТР в неблагоприятном направлении. В 2010 г. Япония и Южная Корея предприняли ряд шагов в направлении активизации военного сотрудничества, которое до последнего времени в силу причин исторического характера и других факторов было ограниченным, причем отношения по военной линии каждой из этих стран с США строились на двусторонней основе.¹⁸ По нашей оценке, такое развитие событий создает предпосылки для создания тройственного военного союза США-Япония-Южная Корея в качестве противовеса усилению экономического и военного могущества КНР, что может привести к росту военной напряженности в регионе.

В настоящее время ведется подготовка к принятию Китаем и странами АСЕАН Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. В июле 2011 г. в ходе встречи министров иностранных дел КНР и стран АСЕАН на о. Бали (Индонезия) стороны утвердили Основные принципы Кодекса, предполагающие отказ от применения силы при возникновении спорных ситуаций и разрешение противоречий исключительно мирными средствами. Переговоры о подготовке документа велись между Китаем и странами региона в течение нескольких лет с момента принятия в ноябре 2002 года в Пномпене Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море.¹⁹ имеющей рекомендательный характер. На нынешнем этапе препятствием на пути к выработке Кодекса является отсутствие единой позиции стран-членов ассоциации для ведения переговоров с Китаем из-за раз-

личающихся приоритетных проблем каждой из стран. Ситуация осложнилась в связи с «возвращением США в Азию», в частности после выступления госсекретаря США Х. Клинтон на заседании Регионального форума АСЕАН в Ханое летом 2010 г., в котором было заявлено о национальных интересах США применительно к Южно-Китайскому морю и готовности Вашингтона стать посредником между участниками конфликта, оговорив, что конечная цель таких усилий — выработка «полноценного Кодекса поведения». Фактически Ассоциация стоит перед трудно разрешимой проблемой выработки такого варианта Кодекса, который устроил бы как Китай и США, так и все государства — члены АСЕАН при том, что Пекин стремится не допустить подключения Вашингтона к процессу выработки Кодекса²⁰.

В Китае полагают, что наибольшую угрозу национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности КНР представляет деятельность сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня. В этой связи «Законом КНР о противодействии расколу государства» 2005 г., определены условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (статья 8). Вместе с тем, реально развивающийся процесс обмена между материковым Китаем и Тайванем в политической, экономической и гуманитарной областях ясно указывает на предпочтительность для КНР решения проблемы мирными средствами.

В материалах XVIII съезда КПК, также как и в материалах предыдущего XVII съезда, *отсутствует тезис о возможности использования вооруженных сил в интересах решения тайваньской проблемы*. Новым моментом здесь явилось заявление Ху Цзиньтао о предложении Тайбэю обсудить заключение мирного соглашения между двумя сторонами посредством консультаций. Одновременно был отмечен прогресс в отношениях между материковым Китаем и Тайванем за последние годы, в частности установлены прямые почтовые, транспортные и торговые связи, подписано соглашение об экономическом сотрудничестве.²¹ Объем торговли между двумя берегами Тайваньского пролива в последние годы сохраняет тенденцию к росту: в 2010 г. — 145 млрд. долл., в 2011 г. — 160, в 2012—169 млрд. долл.²²

Наряду с этим, следуя мировой тенденции в военной области и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай осуществляет *курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий* и приведение боевой учебы войск и сил флота в соответствие с условиями современной высокотехнологичной войны. Основное внимание при этом уделяется переоснащению стратегических ядерных сил, ВВС и ВМС НОАК, что объясняется стремлением повысить потенциал ядерного сдерживания, а также прикрыть от ударов с воздуха и с морских направлений наиболее развитые в экономическом отношении восточные и приморские районы страны. Вместе с тем признается необходимым сохранить и стратегию «народной войны», которая модернизируется применительно к требованиям сегодняшнего дня с учетом опыта войн блока НАТО во главе с США против Ирака и Афганистана.

Реализуется стратегический план по укомплектованию НОАК интеллектуальными кадрами, отвечающими задачам модернизации оборонного потенциала, включая командный состав, способный осуществлять строительство информатизированных вооруженных сил и руководить боевыми действиями в условиях высокотехнологичной войны; офицеров штабов, подготовленных в вопросах планирования военных операций; ученых, способных осуществлять модернизацию вооружений и снаряжения и вести научные исследования в области ключевых технологий; высококвалифицированных военно-технических специалистов в сфере высокотехнологичных вооружений. Планом предусматривается значительное увеличение масштабов подготовки командного состава НОАК звена «дивизия — бригада» за рубежом.

Одним из важных направлений военной политики Китая на современном этапе является *расширение присутствия китайских военно-морских сил в Индийском океане* с целью обеспечения безопасности путей транспортировки нефти морским путем, а также — осуществления контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли в Южно-Китайском море. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота. Одной из них является строительство крупной военно-морской базы для атомных подводных лодок и надводных боевых кораблей в районе Санья (о. Хайнань), где в перспективе планируется базирование авианосцев.

Следует отметить, что в последние годы зависимость китайской экономики от импорта нефти приобрела устойчивую тенденцию к росту: в 2012 г. объем импорта составил 271 млн т²³, существенно превысив объем добычи нефти в Китае — 205 млн т.²⁴ Согласно прогнозам Министерства промышленности Китая, в 2015 г. степень зависимости от импорта нефти достигнет 60%, а к 2020 г. приблизится к 65%.²⁵

С целью расширения возможностей транспортировки нефти в КНР, минуя Сингапурский и Малаккский проливы, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «нить жемчуга»). В 2001 г. Китай добился права на строительство военно-морской базы в Марао (Мальдивские острова); с 2004 ведется строительство трубопровода Ситуте (Мьянма) — Куньмин (пров. Юньнань, КНР); в 2005 г. завершена первая очередь строительства порта и наблюдательного поста ВМС в Гвадар (Пакистан), одновременно идет строительство связанного с ним высокоскоростной автомагистралью порта Пасни; с 2007 г. строится порт Хамбантога (Шри-Ланка).²⁶

В соответствии с установкой XVIII съезда КПК на *повышение потенциала по выпуску высокотехнологичного вооружения и военной техники* Китай предпринимает меры с целью наладить практическое взаимодействие между военным и гражданским секторами в научно-технической области, *сформировать государственную оборонную инновационную систему*, опирающуюся одновременно на гражданские и военные разработки, стимулировать установление более тесных связей между гражданским и оборонным секторами по таким направлениям, как макроуправление, стратегическое развитие и планирование, научно-исследовательская деятельность, коммерциализация результатов НИОКР. Для реализации этой цели в 2008 г. в структуру Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР включено вновь сформированное Управление оборонной науки, техники и промышленности (при этом прежний Комитет оборонной науки, техники и промышленности КНР упразднен).

Китай исходит из мировой тенденции к сближению и слиянию военных и гражданских технологий, вытекающей из универсальности большинства высоких технологий, допускающей их двойное применение. По многим аспектам позиция Китая в данной области основывается на использовании успешного опыта США, где за послевоенные десятилетия экономический рост был обусловлен в основном за счет практического применения научных достижений, а высокий технологический уровень промышленности был во многом достигнут благодаря последовательной государственной стратегии поддержки науки и технологий, и особенно политики государственно-частного партнерства.

Ныне Китай реализует программы производства вооружений и военной техники во всех секторах военно-промышленного комплекса. Однако некоторые программы находятся в зависимости от поставок из-за рубежа важнейших компонентов, таких как авиационные двигатели для истребителей, компоненты бортовых электронных систем и др. В целом за последние годы Китай существенно повысил возможности ВПК в области

разработки и производства современных вооружений и военной техники. На это указывает существенное сокращение закупок вооружений в России и на Украине.

Можно выделить следующие *основные направления деятельности военно-промышленного комплекса по производству вооружений*.

1) В области создания новых образцов ракетной техники для оснащения триады стратегических ядерных сил, включающей наземный, морской и авиационный компоненты:

- создан определенный научно-технический задел по новой мобильной твердо-топливной МБР «Дунфэн-41» с дальностью пуска 12000–14000 км; ракета будет оснащаться комплексом средств преодоления системы ПРО;

- ведется разработка противокорабельной баллистической ракеты «Дунфэн-21D» (CSS-5 мод.5)*, основанной на одной из версий баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-21» (CSS-5); ракета «Дунфэн-21D» (CSS-5 мод.5) предназначена для уничтожения крупных надводных кораблей, в первую очередь авианосцев, в западной части Тихого океана; имеет дальность стрельбы 1500 км и маневрирующую головную часть;

- освоено производство стратегических атомных ракетных подводных лодок типа «Цзинь-094» (JIN-class SSBN (Type-094), оснащенных баллистическими ракетами «Цзюйлан-2» (JL-2) с ядерной головной частью и дальностью стрельбы около 7400 км; программа создания ракет «Цзюйлан-2» (JL-2) испытывает трудности, но может быть реализована, предположительно, к 2014 г.

Из других направлений следует отметить работы по созданию истребителя пятого поколения «Цзянь-20» (J-20), беспилотных летательных аппаратов, лазерного оружия и других систем вооружений: осуществляется модернизация бомбардировщика «Хун-6» (B-6), самолет новой версии будет иметь увеличенную дальность полета и оснащаться крылатыми ракетами с увеличенным радиусом действия. Начато производство высокоточных крылатых ракет CJ-10 класса «земля-земля» и противокорабельных ракет YJ-62 классов «берег-корабль» и «корабль-корабль». В ближайшие годы ожидается выпуск ударных подводных лодок типа «Шан» (SHANG-class (Type-093) третьего поколения, обладающих повышенной скрытностью; предполагается их оснащение новыми, усовершенствованными противокорабельными крылатыми ракетами с увеличенной дальностью стрельбы. Ведется разработка самолетных систем дальнего радиолокационного обнаружения и наведения, создаваемых на базе самолетов «Юнь-8» (Y-8 MOTH) и «Ил-76» (KJ-2000) по типу американской системы AWACS.²⁷

В январе 2013 г. Китай осуществил второе по счету (с 11 января 2010 г.) испытание противоракеты, что следует рассматривать как новый шаг в направлении создания китайской системы ПРО. Запуск противоракеты, в ходе которого был осуществлен перехват баллистической ракеты средней дальности, признан успешным.²⁸

В рамках модернизации ВМС НОАК Китай приступил к реализации программы строительства авианосцев. В сентябре 2012 г. вступил в строй первый китайский авианосец «Ляонин», которым стал закупленный на Украине и переоборудованный в Китае авианесущий крейсер «Варяг».²⁹ Одновременно ведутся работы по созданию китайского палубного истребителя «Цзянь-15» на базе проекта самолета «Цзянь — 11В» (J-11В). Всего Китай намерен построить 4–6 авианосцев, которые могут вступить в строй в 2015–2020 гг. Согласно японским оценкам, в 2014 г. возможен спуск на воду головного китайского авианосца водоизмещением 50–60 тыс. т с обычной силовой установкой, а в 2020 г. — с атомной силовой установкой.³⁰

В области военного освоения космоса КНР осуществляет меры по созданию систем разведки, командования, управления, связи, наблюдения и рекогносцировки с элементами космического базирования. Кроме того, на основе изучения опыта операций

* Примечание: в скобках указано обозначение по классификации НАТО

коалиционных сил в Косово, Афганистане и Ираке. Пекин пришел к выводу о необходимости создания и оперативного развертывания в космосе противоспутниковых систем.

Наряду с выполнением внешних функций по защите суверенитета и территориальной целостности страны, *армия используется военно-политическим руководством страны в качестве инструмента по обеспечению внутривнутриполитической стабильности.*

Согласно Закону КНР о государственной обороне 1997 г. для поддержания общественного порядка предусматривается использование не только полицейских формирований, но и НОАК и народного ополчения (ст.22). Наиболее интенсивно развивающиеся мобильные силы НОАК, наряду с оборонительными действиями по периметру государственной границы в рамках концепции «быстрого реагирования», предназначены также для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка.

В последние годы эти функции НОАК стали весьма актуальными ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований, такими как имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и др. Хотя КПК реагирует на эти процессы политикой «усиления и обновления социального регулирования». Согласно японским оценкам, в последнее десятилетие количество социальных инцидентов из года в год растет: в 2003 г. их было 60000, в 2004—74000, в 2005—87000, в 2008—127000, в 2010—180000. Причем протесты охватывают не только сельское население, как было вначале, но и города.³¹

Традиционно *НОАК и НВП широко привлекаются руководством страны для участия в экономическом строительстве*, а также при ликвидации последствий стихийных бедствий, что, помимо прямого экономического эффекта, способствует укреплению морально-политического единства армии и народа. В 2009–2011 гг. основные усилия направлялись на участие армии в масштабных проектах, связанных с программой развития Запада Китая; в 2009–2010 гг. при участии НОАК и НВП в этом регионе было сооружено более 600 объектов инфраструктуры, оказано содействие в реализации свыше 8000 местных народных инициатив по благоустройству территории. Силами армии построено 8 образовательных школ и реабилитационный центр в районах, пострадавших от землетрясений в провинциях Сычуань, Шаньси, Ганьсу.³²

В целях повышения способности вооруженных сил армии к участию в спасательных операциях и реагированию на чрезвычайные происшествия в составе НОАК сформированы *восемь специализированных спасательных отрядов государственного уровня* общей численностью 50 тыс. военнослужащих: отряд по борьбе с наводнениями, отряд по ликвидации последствий землетрясений, отряд по реагированию на ядерные, биологические и химические кризисы, отряд по выполнению экстренных авиaperевозок, отряд по экстренному реагированию на чрезвычайные происшествия на транспорте, поисково-спасательный отряд на море, отряд по обеспечению мобильной связи в чрезвычайных ситуациях и санитарно-противоэпидемический отряд.³³

Существенный вклад в решение задач экономического строительства вносит китайский ВПК, выпускающий в широком ассортименте продукцию гражданского назначения — от бытовой техники (телевизоры, стиральные машины, персональные компьютеры, средства мобильной телефонной связи и т.п.) до ядерных реакторов для АЭС, авиационной и космической техники, мощных суперкомпьютеров научного и производственного назначения.

В минувшее десятилетие Китай осуществил ряд прорывных достижений в таких областях, имеющих двойное (военное и гражданское) применение, как информационные технологии и коммуникации, аэрокосмические технологии, биотехнологии. В ноябре 2010 г. китайский суперкомпьютер «Тяньхэ-1А», обладающий быстродействием в 2,57

петафлоп (один петафлоп равен 1000 трлн. вычислений в секунду), был признан лучшим среди 500 мощнейших компьютерных систем мира. Выдающимися событиями стали пристыковка в июне 2012 г. пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-9» к космической лаборатории «Тяньгун-1», достижение аппаратом «Цзяолун» глубины 7600 м в Марианской впадине (Тихий океан), ввод в эксплуатацию спутниковой навигационной системы «Бэйдоу»³⁴. В 2012 г. полностью выполнен намеченный план по запуску на околоземную орбиту 19 ИСЗ³⁵.

В начале XXI в. получила бурное развитие *военная дипломатия* Китая, которая рассматривается Пекином как деятельность стратегического уровня. Ныне она характеризуется высокой активностью и становлением в качестве важного компонента реальной государственной политики, играющего важную роль в реализации стратегии военной безопасности. Важнейшее место в военной дипломатии занимают стратегические консультации с участием НОАК по проблемам безопасности с крупнейшими мировыми державами — Россией, Индией, США, а также стратегический диалог с другими государствами, которые, по оценке Китая, играют важную роль в формировании международной безопасности: к ним относятся Великобритания, Япония, Австралия, Южная Африка.

Набирает силу процесс активного участия НОАК в совместных с армиями других стран военных учениях и тренировках, а также — практика обмена наблюдателями за военными учениями. По состоянию на декабрь 2010 г. их было проведено 44. В рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) Китай и Россия совместно с другими странами-участниками организации в последние годы провели серию контртеррористических военных учений «Мирная миссия» 2005, 2007, 2009 и 2010. На регулярной основе проводятся совместные двусторонние и многосторонние военно-морские учения с акцентом на отработку поисково-спасательных операций и эскортирования гражданских судов. Начиная с 2003 г., такие учения проводились с военно-морскими силами Пакистана, Индии, Франции, Великобритании, Австралии, Таиланда, России, США, Японии, Новой Зеландии, Вьетнама³⁶.

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество ныне осуществляется в контексте политического сближения и усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах, что, в частности, нашло отражение в Совместной декларации РФ и КНР о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, подписанной Председателем КНР Ху Цзиньтао и Президентом РФ В.В. Путиным в июне 2012 г. в Пекине. В начале века сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск в ходе учений «Мирная миссия» в рамках Шанхайской организации сотрудничества с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций. Эти учения стали важным фактором стабилизации обстановки в сфере безопасности в регионе. С подписанием в июне 2007 г. Соглашения между государствами—членами ШОС о проведении совместных военных учений, создана правовая база для их подготовки и проведения на регулярной основе в дальнейшем³⁷.

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, *Китай из года в год увеличивает военные расходы*. Мировой финансовый кризис привел к некоторому замедлению темпов роста бюджетных военных ассигнований: в 2010 г. они составили около 78 млрд. долл. (годовое увеличение 7,5%). Однако, в 2011 г. они возросли на 12,7% и составили 91,5 млрд. долл.³⁸, в 2012 г. прирост составил 11,2% — до 106,4 млрд. долл.³⁹ По мнению большинства аналитиков, в том числе сотрудников СИПРИ (Стокгольм), в последние годы реальные военные расходы Китая в среднем на 40–50 процентов превышают официальный оборонный бюджет. Помимо официального оборонного бюджета, в эту оценку включены следующие семь статей: 1) расходы центрального правительства и местных органов власти на Народную вооруженную полицию

(НВП); 2) выплаты министерства обороны по гражданским делам в связи с демобилизацией и выходом военнослужащих в отставку; 3) субсидии убыточным отраслям военной промышленности; 4) дополнительное финансирование военных НИОКР гражданскими министерствами Госсовета КНР; 5) дополнительные расходы на военное строительство (до 2006 г. они оценивались в объеме 4% от бюджета капитального строительства); 6) китайский импорт вооружений и военной техники; 7) доходы от предприятий, находящихся в собственности вооруженных сил. Кроме того, СИПРИ исходит из предположения о том, что доля НИОКР в совокупных военных расходах Китая близка к доле США, а также из факта стремительного увеличения в последние годы общего бюджета НИОКР Китая, который рос опережающими темпами по сравнению с темпами роста экономики и официального оборонного бюджета⁴⁰.

Бюджетные военные ассигнования КНР на текущий год увеличены на 10,7% и определены в сумме 114,7 млрд. долл.⁴¹; соответственно реальные военные расходы могут составить 160–170 млрд. долл. Военные расходы США на 2013 г. утверждены в сумме 633 млрд. долл.⁴² и, несмотря на ожидаемое секвестирование на 45 млрд. долл., останутся самыми высокими в мире. Китай по объему военных расходов занимает второе место в мире после США.

Увеличение военных расходов Китая в основном связано с мерами по повышению боевых возможностей НОАК в условиях высокотехнологичной войны, предпринимаемыми по результатам анализа опыта военных операций коалиционных сил во главе с США в Югославии, Ираке и в Афганистане; удорожанием систем вооружений, ростом мировых цен на нефть и соответствующим увеличением расходов на нефтепродукты для вооруженных сил, а также — с существенным повышением денежного довольствия офицерского и рядового состава в условиях конкуренции с гражданским сектором за привлечение и удержание в армии талантливых кадров. К другим причинам относятся увеличение расходов на информатизацию войск, развитие и модернизацию военной инфраструктуры, а также — на все более широкое участие НОАК в международном военном сотрудничестве.

Военно-политическое руководство страны направляет усилия на то, чтобы вся деятельность НОАК и НВП включая участие их формирований в экономическом строительстве, спасательных работах при ликвидации последствий стихийных бедствий, в антипиратских миссиях в Аденском заливе и в районе Сомали, в миротворческих миссиях за рубежом, осуществлялась в соответствии с законами КНР, международными законами и соглашениями, резолюциями ООН.

В связи с этим *продолжается развитие законодательной базы военного строительства КНР*, что продиктовано проблемами реализации стратегии развития оборонного потенциала, а также — существенным расширением задач НОАК на новом историческом этапе в таких областях как международное военное и военно-техническое сотрудничество, участие в миротворческих миссиях за рубежом под эгидой ООН, борьба с пиратством, ликвидация последствий стихийных бедствий и др.

В 2010–2011 гг. Постоянным комитетом ВСНП КНР были приняты Закон КНР о народной вооруженной полиции (НВП), Закон КНР об оборонной мобилизации; издан в новой редакции Закон КНР об офицерах резерва. ЦК КПК и Центральным военным советом КНР совместно принят в новой редакции Устав по ведению политической работы в НОАК. ЦВС КНР по согласованию с Генеральным штабом НОАК и Главными управлениями НОАК (политическим, тыла и вооружений) опубликован в новой редакции директивный документ общего характера — «Основные направления строительства низшего звена вооруженных сил», а Главным политическим управлением НОАК издано руководство по идеологическому и политическому образованию в НОАК. Среди других руководящих документов, опубликованных ЦВС КНР в новой редакции — ряд воинских уставов НОАК (повседневной службы, дисциплинарный, строевой), а также серия наставлений по

службе штабов: ЦВС КНР и Госсоветом КНР совместно подготовлены «Наставление по контролю качества вооружения и снаряжения»; устав НОАК о прохождении службы личным составом, находящимся на действительной службе. Большое количество руководящих документов (свыше 3000) опубликовано отделами Генерального штаба НОАК, штабами видов вооруженных сил, а также штабами военных округов и НВП⁴³.

Среди принятых законодательных актов особое место занимает Закон КНР об оборонной мобилизации 2010 г., которым определены основные направления подготовки экономики и вооруженных сил страны к переводу с мирного на военное положение и порядок осуществления этого перевода в случае объявления войны. Акцент в этой работе делается на планомерную подготовку людских резервов вооруженных сил, создание стратегических запасов материальных средств, подготовку инфраструктуры, системы научных исследований, СМИ для функционирования в условиях военного времени в интересах армии.

Наряду с выполнением главной функции по защите суверенитета и территориальной целостности страны НОАК расширяет свое участие в невоенных операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности, которые включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов, по защите космических объектов. По состоянию на декабрь 2011 г. в составе 10 миротворческих миссий ООН из имеющихся 15 находились 1850 человек военного персонала и наблюдателей из КНР. В порядке поддержки международных усилий по борьбе с пиратами в декабре 2011 г. Китай направил десятую по счету группу боевых кораблей ВМС НОАК для патрулирования Аденского залива⁴⁴.

Вооруженные силы Китая играют активную роль в международном сотрудничестве по борьбе с последствиями стихийных бедствий, поддерживая тесные связи и координируя усилия с соответствующими странами и международными организациями; проводят семинары и совместные спасательные операции с вооруженными силами США, Австралии, Новой Зеландии; совместно с рабочей группой регионального форума АСЕАН разработали свод правил участия вооруженных сил в международных операциях по ликвидации последствий стихийных бедствий, приняли участие в деятельности соответствующей рабочей группы АСЕАН плюс 3⁴⁵.

Согласно официальным заявлениям военная политика КНР имеет оборонительный характер. Вместе с тем, на неофициальном уровне в Китае ведется пропаганда концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов государства вызывают естественные потребности в расширении территории, в том числе с использованием вооруженных сил. В частности, эти идеи изложены в вышедшем в КНР в марте 2009 г. сборнике статей «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен»)⁴⁶, выражающем неофициальную точку зрения, существующую среди некоторых военных. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит силам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, сложившегося в отношениях Китая с некоторыми сопредельными странами, в том числе с Россией, в конце XX — начале XXI веков.

В докладе Ху Цзиньтао на съезде провозглашен курс на превращение страны в морскую державу, однако, обойден вопрос о том, что Китай, являясь одной из пяти официальных ядерных держав, *продолжает занимать выжидательную позицию по проблеме ядерного разоружения*. Выступая за полное запрещение и уничтожение ядерного оружия,⁴⁷ Китай по существу уклоняется от участия в данном процессе, полагая, что особую ответственность за решение проблемы несут страны, обладающие наибольшими ядерными потенциалами — США и Россия, которые должны первыми существенно сократить свои ядерные арсеналы. Тем временем, как отмечено выше, Китай продолжает осуществлять меры по модернизации триады стратегических ядерных сил, включающей

наземный, морской и авиационный компоненты и насчитывающей в настоящее время около 240 носителей⁴⁸ и 800 ядерных боезарядов⁴⁹.

Китай позитивно воспринял российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), ограничивающий общее число развернутых ядерных боеприпасов и стратегических носителей для каждой из сторон 700 и 1550 единицами соответственно; однако, отметил, что подписание Договора, вступившего в силу 5 февраля 2011 г., является достижением в рамках прежде всего российско-американских отношений. Среди недостатков документа Китаем названо то, что он «... ограничивает только развернутые боеголовки, не касаясь тех из них, которые хранятся на складах», а также то, что «...Договор не касается проблемы тактического ядерного оружия и обычных вооружений, а также не налагает ограничений на развертывание систем ПРО»⁵⁰. По нашей оценке, при всей важности решения этих взаимосвязанных проблем для международной безопасности сопряжение их с переговорами по сокращению стратегических наступательных вооружений привело бы к бесконечному усложнению и затягиванию процесса. Представляется, что лучшим путем достижения конкретных результатов в сокращении вооружений является последовательное поэтапное решение каждой из этих проблем в отдельности.

Можно предположить, что в ближайшей перспективе Китай, принявший на себя обязательство о неприменении ядерного оружия первым, не будет иметь намерений участвовать в ядерном разоружении. Определяющим фактором здесь должно быть стремление Китая сохранить эффективность своих стратегических ядерных сил в ответном ударе в условиях развертывания американской ПРО, в том числе в АТР.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие и устойчивые темпы развития, которые несмотря на кризисные явления в мировой экономике, могут составить 7–7,5% в год. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию намеченной программы преобразования Китая к 2020 г. в государство инновационного типа, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны. В то же время армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК и, наряду с внешними функциями, выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутривластной стабильности.

1. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
2. http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.
3. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.). URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.
4. <http://east.terra-america.ru/18-%D1%81pc-clans.aspx>.
5. East Asian Strategic Review / The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 2008. P. 94.
6. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/white paper/2011-03/31/content_22263510.htm.
7. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2008. URL: www.chinaview.cn. 2009-01-20.
8. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2006 г. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
9. Юй Сяопуи. Китайская стратегия национальной безопасности в АТР // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 42.
10. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/white paper/2011-03/31/content_22263510.htm.
11. East Asian Strategic Review / The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 2007. P. 57.
12. East Asian Strategic Review / The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 2005. P. 3, 4.
13. Интерфакс. 2008. 21 июля.

14. Кобелев Е. Вьетнам: политике «мой дом» — 20 лет // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 53–54.
15. <http://by.china-embassy.org/rus/fyrth/t894915.htm>.
16. <http://www.rian.ru/world/20100130/206988589.html>.
17. Синьхуа. 2011. 26 янв.
18. International Strategic Studies. 1st Issue. 2011. P. 92, 93.
19. Интерфакс. 2011. 21 июля.
20. <http://dplike.ru/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitajskom-more.html>. 11.01.2013.
21. <http://www.novopol.ru/-hu-tszintao-pekin-predlagaet-taybeyu-obsudit-mehanizm-text136210.html>.
22. Пекин. Бизнес-ТАСС. 2013. 10 янв.
23. www.angi.ru/news.shtml?oid=2796482.
24. «Нефть России». 28.01.2013.
25. <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1009/19009290/detail.shtml>.
26. <http://www.imperiya.by/comments3-7991.html> (21 июня 2010).
27. Annual Report to Congress "Military and Security Developments Involving the People's Republic of China" – 2012/<http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. PP.6-10; 21-25.
28. Синьхуа. 28.01.2013.
29. ИТАР-ТАСС 25 09 2012.
30. Асахи Симбун. 17.12.2010.
31. East Asian Strategic Review 2012. The National Institute for Defense Studies. Tokyo. Japan. PP. 93, 94.
32. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г.// http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
33. Синьхуа. 01–04–2011 URL: russian.china.org.cn.
34. China Daily. 2012. 7 нояб.
35. Синьхуа. 2012. 19 дек.
36. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
37. Совместное коммюнике по итогам совещания министров обороны государств-членов ШОС // Жэньминь жибао. 2008. 16 мая.
38. <http://top.rbc.ru/economics/04/03/2011/553681.shtml>.
39. <http://www.kommersant.ru/doc-y/1887361>.
40. Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность: пер. с англ. // Ин-т мировой экономики и международ. отношений РАН. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 201, 202.
41. РИА Новости. 05.03.2013.
42. <http://www.golos.ameriki.ru/content/04.01.2013>; nftionalsafety.ru/n83628/04.02.2013.|
43. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
44. Annual Report to Congress "Military and Security Developments Involving the People's Republic of China" — 2012 URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. PP. 3–4.
45. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
46. Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. С. 94,95,98,99.
47. Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010 г. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263510.htm.
48. Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2012. С. 371–372.
49. <http://piccenter.org/mtdia/content/files/9/13478903110.pdf>.
50. Ibid.

XVIII съезд КПК и экологический императив Китая

© 2013

И. Ушаков

В статье анализируется состояние окружающей среды в Китае и причины, побудившие руководство страны отвести экологической проблеме одно из центральных мест в работе XVIII съезда КПК. Рассматривается расстановка экологических акцентов в документах съезда.

Ключевые слова: XVIII съезд КПК, экологическая цивилизация, экологическая дипломатия, функциональное зонирование.

Экологическая ситуация в Китае: новое обострение

Китай вновь сталкивается с серьезным обострением экологической ситуации в стране. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в первые месяцы 2013 г. Китаю пришлось пережить очередной экологический кошмар в духе фильмов ужасов Стивена Кинга. А если без эмоций — то, как отметил один из ведущих экологов Китая Ван Цзиньнань, заместитель директора Академии экологического планирования при Министерстве охраны окружающей среды КНР, Китай стал наиболее подвергающимся загрязнению взвешенными частицами $PM_{2,5}$ ¹ регионом в мире. Среднегодовые концентрации этих частиц превышают более чем вдвое национальные и более чем в 7 раз допустимые ВОЗ показатели. Мировыми «рекордсменами» стали районы городов Пекина и Тяньцзиня, а также провинция Хэбэй (Северный Китай), районы дельты реки Янцзы (Восточный Китай), районы городов Чэнду и Чунцина (Юго-Западный Китай), район Чжуньюань (район Центрального Китая, главным образом, провинция Хэнань)².

В начале 2013 г. смог накрыл Северный Китай и большинство районов Восточного Китая. А это — 1,3 млн кв. км, или 13,5% территории КНР (по другим данным, смог распространился над 17 провинциями, занимающими четверть территории страны). Это бедствие в той или иной степени затронуло 850 млн человек — почти 2/3 населения страны. 250 млн³ из них подверглись наиболее серьезному воздействию этого явления, последствия чего, к сожалению, с высокой степенью вероятности могут самым отрицательным образом сказаться на состоянии их здоровья. По мнению китайских специалистов, загрязнения в таких масштабах, при такой концентрации в атмосферном воздухе и такой продолжительности гораздо опаснее для здоровья населения, чем печально известная всему миру атипичная пневмония, которую в свое время пережил Китай. Было бы некорректно и неэтично «смаковать» шокирующие подробности потока сообщений средств массовой информации Китая об этой ситуации (например о том, что в Пекине и Тяньцзине суточная концентрация $PM_{2,5}$ в 10 с лишним раз⁴ превышала национальные стандарты), но факт остается фактом: Китай столкнулся с экологическим бедствием национального масштаба, последствия которого еще предстоит оценить.

Ушаков Игорь Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Тел.: 8 (499) 129-02-00.

Причины. Это и стандартные, широко известные. Во-первых, высокий удельный вес «грязных» производств в экономике страны, их концентрация в наиболее густонаселенных районах (в пределах Пекина, Тяньцзиня и провинций Хэбэй и Шаньдун, занимающих около 4% Китая территории, сконцентрировано 36% национальной выплавки стали и 16% производства цемента)⁵. Во-вторых, то, что основой китайской энергетики продолжает оставаться самый экологически «грязный» энергоноситель — каменный уголь, обеспечивающий до 2/3 выработки энергии в стране.

Это, так сказать, старые, «традиционные» факторы. Но есть и другие, новые. Среди них — бурно развивающийся в Китае автомобильный транспорт: в стране насчитывается уже свыше 100 млн автомобилей. Он, например, дает от четверти до трети выбросов окислов азота от общенациональных показателей.

Но самое главное и самое неприятное заключается в другом. $PM_{2.5}$ представляет собой «коктейль», смесь многих видов загрязняющих веществ, поступающих из самых разных источников: и от сжигания угля, и от приготовления пищи, и от выхлопов автотранспорта и т.д. и т.п. Это очень сложная форма загрязнения, что, как признают сами китайские специалисты, требует (ни много ни мало!) фундаментальных изменений в подходах к контролю за загрязнением атмосферного воздуха — подхода комплексного, всестороннего, охватывающего всю совокупность порой самых различных источников и видов загрязнения. Пока только 74 города страны имеют технические возможности отслеживать концентрации $PM_{2.5}$. Вообще об этом виде загрязнения в Китае заговорили всего пару лет назад, в 2011 г. Так уж получилось, что этот экологический рецидив случился перед самой сессией ВСНП, наглядно и осязаемо продемонстрировав серьезность, масштабность, остроту и глубину экологической проблемы в стране.

А всего за два неполных месяца до столь резкого обострения экологической ситуации состоялся XVIII съезд Коммунистической партии Китая, одной из центральных тем которого стала охрана окружающей среды. Была поставлена задача формирования в Китае «экологической цивилизации», точнее, на наш взгляд, экологической культуры. Обществу был представлен новый национальный проект — созидание «красивого Китая». Экологическое строительство было поднято на новый уровень и поставлено в один ряд с экономическим, политическим, социальным и культурным строительством. Более того, экокультурное строительство вошло в текст Устава Коммунистической партии Китая.

Три измерения экологической проблемы

Принимая во внимание состояние окружающей среды в стране, нетрудно понять логику китайского руководства. Безусловно, в течение последних 10 лет, между съездами, была проделана огромная работа в природоохранной сфере. Напомним, что термин «экологическая культура», «экологическая цивилизация», впервые был озвучен в 2005 г. Уже в 2007 г. он фигурировал в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК. А в полную силу прозвучал на XVIII съезде КПК в 2012 г.

Проблема охраны окружающей среды была одной из сквозных тем в деятельности высшего руководства КНР в минувшее десятилетие. В эти годы в Китае появилось полноценное Министерство охраны окружающей среды. Экологическими проблемами занимались высшие руководители страны. В 2007 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао лично возглавил руководящую группу по экономии энергии и сокращению выбросов основных видов загрязняющих веществ. Среди немногочисленных конкретных показателей пятилетних планов социально-экономического развития КНР достойное место заняли показатели экологические. Мощно и динамично работали научные организации — Академия наук Китая, Академия общественных наук КНР, профильные институты и центры. Проводились оригинальные исследования, инициированные и активно поддерживаемые государством — по эколого-экономическому районированию территории страны,

по расчетам «зеленого ВВП», стоимостной оценке ущерба от загрязнения окружающей среды и нарушения экологического равновесия. Был проведен целый ряд масштабных общенациональных, весьма капиталоемких и затратных обследований состояния окружающей среды в Китае. Например, первое Всекитайское обследование источников загрязнения и первое Всекитайское обследование загрязнения почвенного покрова. Результаты этих обследований, далеко не всегда оптимистичные, дали китайскому руководству пищу для серьезных раздумий и поставили его перед необходимостью серьезной корректировки подходов к принятию решений и планов развития страны.

С другой стороны, прошедшее десятилетие стало периодом крайне высоких темпов экономического роста: среднегодовые темпы прироста ВВП в 2002–2011 гг. составили 10,7%⁶, что значительно превысило запланированные 7,0–7,5%. Следовательно, в условиях энергоемкой, природоемкой, ресурсоемкой модели развития китайской экономики такое «перевыполнение» плана легло тяжелым бременем на окружающую среду. И хотя в Китае, безусловно, произошли значительные подвижки и достигнуты неоспоримые успехи в области, например, энергосбережения и контроля за состоянием окружающей среды, однако реальная ситуация не всегда однозначна и дает недостаточно оснований для оптимистичного взгляда в будущее. Так, в период 2002–2011 гг. энергоемкость ВВП снизилась на 12,9%, однако выбросы двуокиси серы за тот же период увеличились на 13,4%. Но поскольку рост ВВП опережал рост выбросов, то производство единицы ВВП в стоимостном выражении в 2010 г. сопровождалось вдвое меньшим объемом выбросов двуокиси серы по сравнению с 2002 г. Что касается показателя состояния водной среды — COD (химическое потребление кислорода), то за этот же период его объемы сократились на 9,4%. Соответственно, производство единицы ВВП в стоимостном выражении в 2010 г. «требовало» в 2,5 раза меньшего объема выбросов COD. Правда, как выяснилось после опубликования результатов первого Всекитайского обследования источников загрязнения (2010 г.), вышеприведенные расчеты не принимали во внимание сельскую местность, которая обеспечивает 43,7% выбросов COD. Твердые промышленные отходы демонстрировали однозначный рост: в период 2002–2010 гг. их объем вырос в 2,5 раза. В то же время производство единицы ВВП в стоимостном выражении, в отличие от предыдущих двух показателей, сопровождалось примерно 10-процентным ростом объемов твердых промышленных отходов⁷.

Одним словом, китайская статистика по объективным и субъективным причинам оказалась не в состоянии дать полную и реальную картину состояния окружающей среды в Китае. Это поставило исследователей и специалистов, занимающихся вопросами охраны окружающей среды, в довольно сложное положение: то, что китайская статистика с 2011 г. в рамках очередного, 12-го пятилетнего плана, увеличив количество планируемых экологических показателей с 2 до 4 (что уже само по себе является успехом и движением вперед на пути улучшения контроля за состоянием окружающей среды), включила в них сельскую местность — это плюс. А минус в том, что все статистические данные за предыдущие годы становятся несопоставимыми.

Отметим, что по мере приближения к XVIII съезду КПК китайскому обществу преподнесли все новые и новые экологические «сюрпризы». Результаты упоминавшегося выше первого Всекитайского обследования источников загрязнения свидетельствовали о крайне сложной экологической ситуации в деревне, которая долгое время оказывалась за скобками при официальной оценке в целом состоянии окружающей среды в стране. В конце октября минувшего года, совсем незадолго до открытия съезда, сообщалось, что результаты упоминавшегося Всекитайского обследования загрязнения почвенного покрова (это масштабное обследование проводилось в течение 6 лет) вызвали очень серьезную обеспокоенность китайского правительства. Особую озабоченность вызывает уровень загрязнения пахотных угодий. По данным Академии сельскохозяйственных наук Китая, 16% пашни в стране в той или иной степени загрязнены. Более того, на юге около

половины пахотных угодий загрязнены тяжелыми металлами — кадмием, мышьяком, ртутью⁸. Так, по данным китайских специалистов, 10% риса, выращиваемого в Китае, загрязнено кадмием. В последние 2–3 года тема загрязнения почвы и водной среды тяжелыми металлами постоянно поднимается средствами массовой информации Китая. Тревогу вызывает состояние водной среды. По данным государственной сети мониторинга водной среды, 20% контролируемых участков бассейнов крупнейших рек крайне загрязнены. Серьезно загрязнены подземные воды в 50% городов страны⁹. И хотя официальная статистика давала положительную динамику¹⁰ состояния окружающей среды, на страну надвигался смог...

Вот, пожалуй, в самом общем виде, один блок причин, которые побудили руководство КПК перед XVIII съездом еще раз внимательнее присмотреться к состоянию окружающей среды в стране. Это, так сказать, *внутреннее измерение* экологической проблемы.

Вторая группа причин. В последние годы в экологической проблеме в Китае четко обозначилось *социальное измерение*. Общество стало все больше тревожить состояние окружающей среды, оно все активнее реагирует на возрастающий экологический дискомфорт. В последние несколько лет число массовых выступлений экологической направленности ежегодно росло на 30%¹¹. Январский смог выдвигает экологические проблемы на одно из первых мест среди озабоченностей общества. В самом деле, в прошлом году только в 4 крупнейших городах страны — Пекине, Шанхае, Сиане и Гуанчжоу — более 8,5 тыс. человек преждевременно ушли из жизни из-за чрезмерно высоких концентраций $PM_{2,5}$ ¹². С состоянием окружающей среды в Китае все чаще связывают распространение онкологических заболеваний. В стране появился феномен «раковых деревень», где наблюдается высокий уровень смертности от онкологических заболеваний, вызванных загрязнением водной среды и почвенного покрова тяжелыми металлами, токсичными химическими соединениями и т.д. В период 2008–2011 гг. более половины из 568 экологических инцидентов, зафиксированных Министерством охраны окружающей среды КНР, пришлось на токсичные химические соединения¹³.

Проблема влияния окружающей среды на здоровье населения в Китае встала во весь рост. Обострилась проблема загрязнения пищевых продуктов: Министерство здравоохранения КНР бьет тревогу по этому поводу и принимает срочные меры. Не снимается с повестки дня и проблема качества и доступности питьевой воды. Она ощущается в городах, но особенно — в деревне. Сегодня в сельской местности не имеют доступа к чистой воде и просто испытывают ее недостаток 298 млн человек. Однако 196 млн из них оказались в этой категории недавно, в первую очередь, по причине нарастания загрязнения водной среды¹⁴.

И, наконец, третья группа причин, которая побудила партийное руководство страны акцентировать экологическую проблематику на XVIII съезде КПК. Речь идет о *внешнем измерении* экологической проблемы. Экологическая компонента занимает все более заметное место во внешнеполитической деятельности КНР. Более того, *экологическая дипломатия* становится одним из ее приоритетов. Отметим, что Китай стал пионером в этой области. При его самом активном участии в ноябре 2009 г. членами БРИКС (Китай, Бразилия, ЮАР, Индия) была создана эколого-дипломатическая группа BASIC для проведения координируемой деятельности в области выработки совместных решений по вопросам изменения климата. Китай — крупный игрок на этом поле. Он является активным участником киотского процесса — регулярных международных переговоров по вопросам изменения климата. Сегодня, когда переговорный процесс вот-вот выйдет на финишную прямую (мировое сообщество приняло политическое решение к 2015 г. подготовить новое международное соглашение по климатическим изменениям, которое в 2020 г. заменит Киотский протокол), заинтересованность Китая в самом активном участии в нем резко возрастает. Международное сообщество все больше склоняется к тому, чтобы все страны-участники нового соглашения взяли на себя конкретные обяза-

тельства по сокращению объемов выбросов парниковых газов (в первую очередь, CO₂), по меньшей мере, эти ограничения неизбежно коснутся самых крупных эмитентов двуокиси углерода. И первое место здесь занимает Китай. В 2011 г. объем выбросов CO₂ составил 8,9 млрд т, или 26% от мирового показателя (в 2002 г. эта цифра равнялась 3,8 млрд т). В связи с этим Китай оказался в сложном и довольно щекотливом положении: с одной стороны, он испытывает на себе нарастающее давление мирового сообщества, которое настаивает на сокращении выбросов; с другой — по *объективным причинам* Китай не в состоянии переломить тенденцию роста выбросов (по расчетам китайских специалистов, пик выбросов в Китае придется на 2030 г. и составит от 10,7 до 12,0 млрд т, и то при условии, что в период 2011–2020 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составят 7,5%, а в период 2021–2030 гг. — 5,5%¹⁵). Другими словами, в 2020 г., когда начнет действовать ожидаемое международное соглашение по вопросам изменения климата, Китаю будет чрезвычайно сложно взять на себя конкретные обязательства по сокращению объема выбросов парниковых газов. Китайской дипломатии предстоит на экологическом поле проявить все свое искусство, чтобы, во-первых, отстоять «право на выбросы», диктуемое национальными интересами и реалиями китайской экономики, и, во-вторых, сохранить имидж ответственной мировой державы, неотъемлемой частью которого является экологичное поведение внутри и за пределами страны.

Таковы три группы причин, поставивших руководство КНР перед необходимостью поднять на принципиально иной, качественно новый уровень подходы к экологической проблематике, и одновременно продемонстрировать обществу, что КПК видит и разделяет озабоченность экологическими проблемами страны во всей их полноте. Поднимая вопросы «экологической цивилизации» и экологической культуры и акцентируя их значимость, Китай хочет закрепить и упрочить имидж страны как ответственной мировой державы.

Расстановка акцентов

Экологической проблематике в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК посвящен отдельный, самостоятельный раздел. Обращает на себя внимание расстановка акцентов, последовательность поставленных задач, их ранжирование.

Первое место в экологических приоритетах заняло *формирование оптимальной пространственной конфигурации освоения территории страны*. Что же скрывается за этой формулировкой? Одним из самых, если не самым успешным экологическим проектом, который был осуществлен в бытность уходящего поколения китайских руководителей, стало *функциональное зонирование*, основанное на эколого-функциональном районировании. Титанический десятилетний труд китайских ученых и специалистов увенчался в конце 2010 г. принятием, а в середине 2011 г. — публикацией Национального плана-программы районирования территории Китая. Вершиной многолетней работы по эколого-функциональному районированию стало выделение четырех типов основных функций и, соответственно, четырех видов районов. В зависимости от состояния окружающей среды и ее хозяйственной емкости, плотности экономической деятельности и потенциала развития было выделено *четыре типа районов освоения*: приоритетного, оптимального, ограниченного и запретительного. Подчеркнем, что речь идет именно об *освоении*, а не развитии, и об освоении с точки зрения урбанизации и индустриализации. В ходе подготовки этого плана-программы была проведена экологическая «инвентаризация» страны. Выяснилось, что хрупкие экосистемы занимают 55% ее территории. 18 регионов КНР были отнесены к числу приоритетных. В категорию оптимального освоения вошли район Бохайского залива, дельты рек Янцзы и Чжуцзян. К районам ограниченного освоения были отнесены районы сельскохозяйственного производства и 25 районов важных экологических функций, занимающих около 40% территории страны. Это районы

водных источников, районы охраны почв, районы распространения опустынивания и песчано-пыльных бурь и районы охраны биоразнообразия. И, наконец, районы запретительно-го освоения включают особо охраняемые природные территории, различного рода заповедники (геологические, культурные и др.). Они занимают 12,5% территории Китая¹⁶.

Второй пункт раздела — экономия ресурсов как коренная мера по охране окружающей среды. Это вполне логичный акцент в условиях Китая, где нарастает дефицит пашни, водных и минеральных ресурсов.

Третий пункт раздела непосредственно затрагивает вопросы охраны окружающей среды, сосредоточивает внимание на поддержании экологического равновесия, охране окружающей среды и ее загрязнении, на противодействии стихийным бедствиям. Особое внимание уделено экологическим проблемам, которые наиболее заметно сказываются на здоровье нации.

Четвертый пункт раздела рассматривает механизмы и инструменты формирования экологической культуры. Хотелось бы обратить внимание на попытку придать экологической проблеме *ценностное измерение*. Экологически ориентированные нравы, этика, сознание, по сути дела, названы необходимой составной частью формирования экологической культуры.

* * *

Итак, похоже, открыта новая страница в экологической политике Китая.

Доклад на XVIII съезде КПК дает основание для подобного вывода. Так или иначе, Китай делает еще один шаг к тому, чтобы проблема охраны окружающей среды была поднята до уровня *экологического императива*.

-
1. $PM_{2.5}$ — взвешенные твердые частицы диаметром менее 2,5 микрон, источником возникновения которых является сгорание угля, выхлопы автотранспорта и т.п. Они беспрепятственно проникают в легочные ткани и в кровеносную систему человека.
 2. Чжунго хуаньцзин бао. 2013. 15 февр.
 3. Там же. 2013. 24 янв.
 4. Синьхуа. 2013. 18 янв.
 5. Чжунго хуаньцзин бао. 2013. 15 февр.
 6. Синьхуа. 2012. 15 авг.
 7. Рассчитано по: 2012 Чжунго кэчисюй фачжань чжаньлюэ баогао. Пекин, 2012. С. 384 —396: [Доклад о стратегии устойчивого развития Китая].
 8. Синьхуа. 2012. 13 июня; 2013. 29 янв.
 9. Чжунго хуаньцзин бао. 2013. 24 янв.
 10. Там же. В 2012 г. выбросы COD, двуокиси серы, аммонийного азота, окислов азота, по предварительным данным, сократились на 3,05%, 4,52%, 2,62% и 2,77% соответственно.
 11. Синьхуа. 2012. 31 авг.
 12. Чайна дейли. 2012. 19 дек.
 13. Там же. 2013. 22 февр.
 14. Синьхуа. 2012. 30 окт.
 15. Чжунго нэньюань бао. 2013. 18 февр.
 16. Синьхуа. 2011. 9 июня.

Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия*

© 2013

В. Портяков

Рассмотрены различные прогнозы экономического роста КНР до 2020 и 2030 гг. Проанализированы возможные геополитические последствия дальнейшего возвышения Китая, в том числе его вероятное воздействие на отношения с Российской Федерацией.

Ключевые слова: КНР, экономический рост, внешнеполитическая программа XVIII съезда КПК, прогноз, соперничество с США, китайско-российские отношения.

1. Сложная ситуация в мировой экономике стала одним из главных факторов, обусловивших снижение прироста ВВП Китайской Народной Республики с 9,2% в 2011 г. до 7,8% в 2012 г. Тем не менее, она остается в числе немногих государств мира, сохраняющих ныне достаточно динамичный экономический рост.

В 2012 г. объем ВВП Китая достиг 51,932 трлн юаней (в текущих ценах), или около 8,25 трлн. долл. при пересчете по рыночному курсу 6,3 юаня за один доллар США. Несмотря на замедление прироста внешнеторгового товарооборота до 6,2% по сравнению с 22,5% в 2011 г., КНР сохранила за собой позицию одной из крупнейших торговых держав мира, вплотную приблизившись к лидеру — США. По китайским данным, объем внешней торговли товарами, рассчитанный по идентичным условиям поставки экспортных и импортных грузов для обеих стран, составил 3866,76 млрд долл. у Китая и 3882,4 млрд долл. у США¹.

В 2012 г. КНР добилась заметного прогресса в создании новых видов военной и военно-транспортной авиации, развитии военно-морского флота. Вошел в строй первый китайский авианосец.

2. XVIII съезд КПК сохранил преемственность с решениями XVI и XVII съездов партии о строительстве в КНР к 2020 г. среднезажиточного общества. Количественные ориентиры развития страны до 2020 г. были сформулированы в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде как «удвоение ВВП и среднедушевых доходов городского и сельского населения по сравнению с 2010 г.». То есть речь идет именно о двух самостоятельных задачах, а не об одной задаче увеличения в текущем десятилетии ВВП на душу населения вдвое, как говорилось в некоторых российских комментариях к съезду.

Тем не менее, различия в тех параметрах ВВП, на которые Китай может выйти в обоих вариантах, не слишком велики. Удвоение абсолютного размера ВВП выводит его в 2020 г. на объем в 80,3 трлн юаней, или около 12,75 трлн долл. (по ценам 2010 г. и при

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, зам. директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

* Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 12-03-00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

обменном курсе 6,3 юаня за один доллар). Удвоение ВВП на душу населения выводит, по нашим расчетам (где за базу взят 2012 г.), на показатель в 94,3 трлн юаней (в ценах 2012 г.), или 14,97 трлн долл.

3. Сходные прогнозы роста ВВП Китая содержатся в базе данных «Мирового экономического обозрения» Международного валютного фонда, где расчеты выполнены по 2017 г. включительно (Табл. 1).

Таблица 1.

Прогноз роста ВВП Китая, США и России до 2017 г.

Годы		2012	2015	2017
Китай				
ВВП в текущих ценах	млрд долл	8250	10928	13212
ВВП по паритету покупательной способности	млрд долл	12382	16492	20198
Доля ВВП по ППС в мировом валовом продукте	%	14,96	16,96	18,29
США				
ВВП в текущих ценах	млрд долл	15653	17768	19745
ВВП по паритету покупательной способности	млрд долл	15653	17768	19745
Доля ВВП по ППС в мировом валовом продукте	%	18,91	18,27	17,88
Россия				
ВВП в текущих ценах	млрд долл	1953	2529	2976
ВВП по паритету покупательной способности	млрд долл	2511	2940	3296
Доля ВВП по ППС в мировом валовом продукте	%	3,03	3,02	2,98

Источник: *World Economic Outlook. Database. January 2013. URL: <http://www.imf.org>*

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что МВФ прогнозирует выход Китая на первое место в мире по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, уже в 2017 г.

4. Саму возможность выхода Китая на позицию мирового лидера по объему ВВП все чаще допускают в США. Так, датированный декабрем 2012 г. доклад Национального совета по разведке отмечает, что КНР превзойдет США по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, в 2022 г., а по объему ВВП, рассчитанному по рыночному обменному курсу, примерно в 2030 г.²

5. Министерство экономического развития России предполагает рост доли Китая в мировой экономике с 13,6% в 2010 г. до 18,1% в 2020 г. и до 21,1% в 2030 г. Одновременно доля США будет постепенно снижаться — с 19,3% в 2010 г. до 17,3% в 2020 г. и до 15,2% в 2030 г. Доля России, составившая 3,8% в 2010 г., в зависимости от сценариев развития может варьировать в диапазоне 3,8–4,6% в 2020 г. и 3,6–5,3% в 2030 г.³

6. В самом Китае существуют еще более оптимистичные прогнозы развития страны на период до 2030 г.

По мнению профессора Университета Цинхуа Ху Аньгана, в 2030 г. страна должна завершить переход от общества средней зажиточности к обществу всеобщего процветания и стать экономической сверхдержавой, инновационным государством, обществом всеобщего благосостояния и высокого уровня человеческого развития, а также «зеленой страной»⁴.

Прогноз Ху Аньгана исходит также из необходимости восстановления «исторической справедливости», понимаемой как доведение доли Китая в мировой экономике до трети — то есть до того уровня, который был у него в первые десятилетия XIX в. — до начала иностранного проникновения в страну (Табл. 2).

Таблица 2.

Доля стран и групп государств в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности, процентов)

	1820	1950	2000	2010	2020	2030
Юг	70,3	39,5	43,0	52,4	60,5	66,9
Развив. страны Азии	56,5	15,3	29,2	40,9	49,1	58,2
Китай	33,0	4,6	11,8	20,7	28,9	33,4
Индия	16,1	4,2	5,2	8,0	12,2	18,6
Россия	5,4	9,6	2,1	2,4	2,7	3,0
Бразилия	0,4	1,7	2,7	2,6	3,6	5,1
Север	29,7	60,5	57,0	47,6	39,5	33,1
США	1,8	27,3	21,9	18,4	16,7	15,1
ЕС	23,3	27,1	21,5	18,1	15,7	13,1
Япония	3,0	3,0	7,2	5,4	4,4	3,3
Китай/США	18,3	0,2	0,5	1,1	1,7	2,2

Источник: Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фуюй [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 30.

Под стать доле в мировом ВВП Ху Аньган прогнозирует и другие агрегированные показатели Китая на 2030 г. Так, доля страны в мировом экспорте с 10,4% в 2010 г. должна вырасти до 24%, в импорте — с 9,1 до 27%. Китай, полагает Ху Аньган, превратится в нетто-экспортера капитала и крупнейшего мирового инвестора, крупнейший потребительский рынок в мире и крупнейшую научно-техническую державу, на которую придется четверть мировых затрат на НИОКР. Переход Китая на рельсы «зеленого развития» приведет к снижению с 2020 г. выбросов страной двуокиси углерода до уровня 2005 г. в 2030 г., и до уровня половины выбросов в 1990 г. — к 2050 г.⁵

7. Между тем в международном экспертном сообществе сложилось практически консенсусное понимание необходимости «для продолжения подъема Китая отойти от той модели, которая служила ему столь хорошо». В статье журнала «Economist» общий рецепт желаемых перемен охарактеризован как «сдвиг экономики от опоры на инвестиции и экспорт к внутреннему потреблению»⁶.

В развернутом виде рецепты перехода к новой модели экономического роста охарактеризованы в докладе «Китай 2030. Построение современного, гармоничного и креативного общества высоких доходов», который был подготовлен совместно Всемирным банком и Центром исследования проблем развития Госсовета КНР и впервые представлен в Пекине в ноябре 2011 г.⁷ Выделены шесть основных задач, которые должен решить Китай для продолжения успешного роста. Это структурные реформы с целью усиления рыночных основ экономики, формирование открытой инновационной системы, укоренение «зеленой экономики», развитие системы социального обеспечения с гарантиями для всех слоев населения, укрепление финансовой системы, дальнейшее углубление взаимодействия с мировой экономикой. На каждом из этих направлений имеется немало серьезных препятствий. Так, ущерб от деградации окружающей среды в КНР в настоящее время оценивается в докладе в 9% ВВП. Расходы страны на образование в 2008 г. составили 3,7% ВВП по сравнению с 5,4% в странах-членах ОЭСР, а на социальную защиту — всего 4,7% против 15,2%. Этот ряд легко продолжить. Например, доля

Китай в мировых отчислениях за использование прав интеллектуальной собственности в 2008 г. составляла всего 0,3%, тогда как на США приходилось более половины⁸.

Авторы доклада прогнозируют постепенное замедление роста китайской экономики даже при отсутствии каких-либо крупных потрясений (Табл. 3).

Таблица 3.

Прогноз среднегодовых темпов прироста ВВП Китая до 2030 г.

Период	1995–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025	2026–2030
Среднегодовой прирост ВВП, процентов	9,6	8,6	7,0	5,9	5,0
Доля инвестиций в ВВП на конец периода, процентов	46,4	42	38	36	34
Доля потребления в ВВП на конец периода, процентов	48,6	56	60	63	66

Источник: *China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High Income Society — The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington, 2012. P. 89.*

Тем не менее, и в этом случае прогнозируется увеличение к 2030 г. доли Китая в мировом валовом продукте до 20–28%.

8. Высказанное в докладе Всемирного банка и Центра исследования проблем развития Госсовета КНР опасение о возможном попадании Китая в «ловушку средних доходов» подробно проанализировано в коллективной монографии китайских и американских ученых под руководством Вин Тай У «Новый мотор экономического роста для Китая. Избежать ловушки средних доходов, прекратив продолжать делать то же самое, что и раньше»⁹.

Принадлежность страны к той или иной группе государств —соответственно, с высокими, средними или низкими доходами — определяется тем, какую долю среднедушевые доходы в ней составляют от уровня среднедушевых доходов в США — экономического лидера мира с 1920 г. Этот показатель назван «индексом погони» («Catch-up Index»). К странам со средним уровнем доходов относятся те, у которых среднедушевой доход находится в диапазоне между 20% и 55% от уровня США. «Ловушкой средних доходов» называется неспособность того или иного государства или группы стран, достигших начального уровня средних доходов (20% от американского показателя) в течение длительного времени перейти в категорию стран с высокими доходами, то есть выйти на уровень среднедушевых доходов не менее 55% от уровня США.

Как полагает Вин Тай У, классическим «примером страны, попавшей в ловушку средних доходов, служит Аргентина, которая продемонстрировала очень высокие темпы роста в период 1870–1913 гг., но за весь XX в. не смогла войти в число развитых стран. Напротив, примером успешного преодоления данной ловушки служат Республика Корея и Тайвань.

КНР достигла нижнего уровня средних доходов в 2007 г., а в 2011 г. она была включена в группу стран со средними доходами по классификации Всемирного банка. В 2008 г. среднедушевой ВВП КНР, оцененный в международных расчетных долларах Гири-Хамиса 1990 г., составил 6725 долл., тогда как в США этот показатель достиг 31 118 долл.

По мнению Вин Тай У и его коллег, Китаю для избежания «ловушки средних доходов» необходимо преодолеть целый ряд препятствий трех типов: в механизме функционирования экономики, в управлении экономикой (прежде всего речь идет о со-

кращении социально опасного разрыва в доходах между богатыми и бедными, между городом и деревней) и в ограниченности ресурсов для продолжения динамичного роста (энергоносители, вода и т.д.). Эта задача достаточно сложна и требует, судя по всему, нескольких десятилетий.

9. Нельзя не заметить, что при всех оговорках Вин Тай У, равно как и Ху Аньган и авторы доклада «Китай 2030. Построение современного, гармоничного и креативного общества высоких доходов», практически не ставят под сомнение саму по себе принципиальную возможность выхода Китая на уровень высоких доходов в обозримой перспективе. Не исследуется и то, как достижение Китаем среднестатистического ВВП в 55% от американского показателя может повлиять на другие государства и на мировую экономику в целом.

Между тем элементарные расчеты показывают, что для достижения среднестатистического ВВП около 27,4 тыс. долл. Китаю при населении в полтора миллиарда человек нужно иметь ВВП порядка 41 трлн долларов. Это означало бы непомерную и, скорее всего, неприемлемую нагрузку на ресурсы планеты и мировые рынки всех видов — от продовольственных до туристических. Так что жизнь неизбежно будет существенно корректировать нынешние долгосрочные прогнозы развития КНР — и по времени, и по масштабам реализации.

В частности, представляется, что должная реализация таких проектов, как Транстихоокеанское и Трансатлантическое партнерство, толчок к формированию которых дало стремление США ответить на возвышение КНР, вполне сможет существенно затормозить наращивание доли Китая в мировой экономике и торговле.

10. Ряд экспертов ставит под сомнение идею неизбежного подтягивания Китая к уровню США, особенно по среднестатистическим показателям. Академик А.А. Дынкин и сотрудник ИМЭМО РАН В.И. Пантин считают наиболее вероятным сценарий, «согласно которому... примерно до начала 2020-х гг. Китай, несмотря на отдельные социальные и экономические потрясения, будет... догонять Соединенные Штаты, а затем наступит перелом. Опираясь на новейшие технологии и разработки, после 2020-х гг. США вместе с Японией и «тиграми» Юго-Восточной Азии могут вновь серьезно потеснить Китай, который к тому же, скорее всего, будет сталкиваться с целым рядом внутренних проблем»¹⁰.

Сходную позицию занимает и австралийский ученый Сальваторе Бабонес, полагающий, что с 2020 г. темпы экономического роста в Китае снизятся до сегодняшнего уровня таковых в Бразилии и России, в связи с чем «общий размер китайской экономики, скорее всего, останется сопоставим с размером американской на протяжении оставшейся части XXI века»¹¹.

11. Как бы ни складывалось китайско-американское соперничество в долгосрочной перспективе, похоже, Китаю в любом случае, прогнозируется в иерархии мировых экономических держав место не ниже второго. Что же касается комплексной мощи государства и мирового лидерства в целом, то большинство западных и российских экспертов предсказывают долговременное сохранение ведущей роли за США (впрочем, А. Дынкин и В. Пантин допускают, что «при определенных условиях США придется отчасти «поделиться» с Китаем своим мировым лидерством»¹²).

На наш взгляд, сегодня вопрос о будущем — через несколько десятилетий — лидерстве в мире США или Китая менее значим, чем то обстоятельство, что КНР с высокой степенью вероятности уже к 2020 г. может достичь уровня сверхдержавы по экономическим параметрам и стать одним из ведущих глобальных центров силы.

12. Как же будет вести себя на мировой арене продолжающий возвышение Китай?

Резервируя за своей страной с ростом ее экономической мощи и культурного влияния право «принимать более активное участие в международных делах, играть роль ответственной державы»¹³, руководство КНР неизменно декларирует ориентацию Пеки-

на на мирное развитие, на углубление взаимодействия с внешним миром на принципах «сотрудничества и взаимного выигрыша».

XVIII съезд КПК выдвинул задачу «создания нового типа отношений между крупными государствами, характеризующихся длительным, стабильным и здоровым развитием». Подтвердив настрой КНР на «укрепление отношений дружбы и сотрудничества с сопредельными странами», съезд фактически пообещал им получение еще больших выгод от углубления сотрудничества с растущим Китаем. Подтвержден и долговременный официальный курс Пекина на «сплочение и сотрудничество с развивающимися странами».

Одним словом, на концептуальном уровне продолжающийся процесс возвышения Китая позиционирует себя как державу миролюбивую и к тому же готовую поделиться с сотрудничающими с ним странами выгодами от его быстрого экономического роста.

Вместе с тем, обращает на себя внимание и заявленная в докладе Ху Цзиньтао XVIII съезду КПК решимость «с непоколебимой стойкостью охранять суверенитет и безопасность государства, интересы его развития».

13. Каким же конкретным содержанием может быть наполнена реализация вышеназванных концептуальных формул на практике?

Не составляет большого труда предсказать дальнейшее повышение активности Пекина во всех потенциально важных политически или многообещающих в экономическом плане регионах планеты вроде Африки и Арктики, настойчивое продвижение за рубеж всего имеющегося набора культурно-цивилизационных брэндов, ассоциирующихся с Китаем и не несущих негативной окраски (китайский язык, современное китайское кино, «гуманизм и человеколюбие» традиционной китайской системы ценностей, основных религий и древней философии Китая и т.п.). Вполне ожидаемы и попытки интенсифицировать различные форматы регионального сотрудничества с участием КНР, о чем свидетельствует, например, запуск в ноябре 2012 г. переговоров о создании «Регионального всеобъемлющего экономического партнерства» в составе 16 стран — 10 государств АСЕАН, Китая, Республики Корея, Японии, Индии, Австралии и Новой Зеландии¹⁴.

Разумеется, будет еще шире и активнее, чем раньше, использоваться экономическая дипломатия, включая широкую пропаганду идеи получения теми или иными странами внушительных дивидендов от сотрудничества с КНР, от высокой динамики ее роста и крупных масштабов народного хозяйства.

Между тем в этой сфере в последние годы возник ряд новых тенденций, в какой-то мере осложняющих проведение Пекином экономической дипломатии в прежних, традиционных формах. Так, идея «реиндустриализации» США и других развитых стран, в течение нескольких десятилетий массово переводивших в КНР многие виды перерабатывающих производств, ощутимо не понравилась Пекину, поскольку снижает текущий и в еще большей степени — потенциальный будущий спрос на широкую гамму производимой им продукции, в том числе машиностроительной.

Если не прямо, то косвенно могут негативно сказаться на Китае развертывающиеся с подачи журнала «Economist» исследования феномена «китаезависимости», характерной для сегодняшней мировой экономики в целом и для многих конкретных государств. Сама постановка вопроса о наличии такого явления психологически стимулирует желание вступить в борьбу с ним.

Следует принимать во внимание и снижение конкурентоспособности Китая по ряду позиций, прежде всего из-за удорожания себестоимости производства в стране. По свидетельству директора Института экономики АОН Китая Пэй Чанхуна, удельная себестоимость рабочей силы в КНР в расчете на один час работы с 60 центов в 2000 г. возросла до 2,9 долл. в 2011 г., а стоимость жилья, отражающая цену земли и других ресурсов, увеличилась в 2011 г. в 2,4 раза по сравнению с концом 2005 г. Как следствие, если в 2000 г. 40% мирового производства кроссовок «Найк» давал Китай, а на Вьетнам прихо-

дилось 13%, то в 2010 г. Вьетнам опередил КНР и стал крупнейшим в мире производителем этого продукта (в 2009 г. доли двух стран сравнялись — по 36%)¹⁵.

Вывод из всего этого следует очень простой, но весьма важный: Китай вынужден будет впредь еще более жестко бороться за доступ к источникам сырья и энергоресурсов и рынкам сбыта своей продукции «по всем азимутам» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Собственно, это и не скрывается, о чем говорит уже само по себе намерение Китая «стойко охранять интересы развития». Как поясняет один из ведущих китайских экспертов по международным отношениям Ван Ичжоу, «Китай должен предпринять шаги по защите своих заморских интересов, особенно гарантировать нормальное функционирование международных торговых маршрутов и линий поставки энергоносителей... Приоритет в ближайшие годы должен быть отдан расширению морских сил и обеспечению безопасности морских путей»¹⁶.

В то же время, нет оснований утверждать, будто Китай априори настроен на конфронтационность. О том, что это не так, свидетельствует отсутствие в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК термина «ключевые» (или «коренные») интересы страны, который в течение двух предшествовавших лет постоянно фигурировал в публикациях китайских СМИ, включая Белую книгу Госсовета КНР от 6 сентября 2011 г. «Мирное развитие Китая». В состав «коренных интересов» в качестве одного из главных пунктов включалась «территориальная целостность страны», что с учетом известной позиции Пекина относительно принадлежности ряда островов в прилегающих морях и неурегулированности вопроса о линии прохождения границы с Индией объективно содержало определенный конфликтный потенциал. Хотя использованная на съезде «редуцированная» формулировка — «решительно защищать государственный суверенитет, безопасность» суть дела меняет мало, однако играет роль своеобразного показателя готовности Пекина к мирному решению «горячих проблем».

Впрочем, некоторое приглушение тона могло быть продиктовано и достаточно широко распространенными в стране опасениями вполне вероятного ухудшения международной ситуации для КНР в ближайшие годы, прежде всего, в связи с попытками США и некоторых соседних государств «координировать общую стратегию в отношении Китая»¹⁷.

14. Похоже, что в данном контексте повышается значение России для Китая и роль российского направления во внешнеполитической стратегии КНР.

На протяжении 2012 г. в китайском экспертном сообществе обсуждалась возможность придания китайско-российским отношениям характера союзнических. Так, по мнению известного политолога из Университета Цинхуа Янь Сюэтуна, считающего, что в мире идет формирование не многополярной, а биполярной системы с США и Китаем в качестве полюсов, КНР для достижения этого статуса необходимо оформление союза с Россией¹⁸. Этот союз, полагает Янь Сюэтун, отвечает интересам стратегической безопасности обеих стран и, как минимум, не наносит какого-либо вреда ни одной из них. Нуждается в нем и Россия, поскольку «возвращение В.В. Путина на пост президента означает, что давление Запада на Россию будет не уменьшаться, а только возрастать»¹⁹.

Симптоматично, что новый лидер Китая Си Цзиньпин, принимая 8 января 2013 г. Секретаря Совета безопасности РФ Н.П. Патрушева, подчеркнул необходимость дальнейшего усиления взаимной политической поддержки двух стран, «играющих конструктивную роль в поддержании международного стратегического баланса»²⁰.

15. Подтягивание Китая к уровню США, по крайней мере по экономической мощи, наряду с балансированием Европейского союза на грани между рецессией и стагнацией актуализировали вопрос о предпочтительной внешнеполитической ориентации России, особенно в долгосрочном плане.

В первой половине 2012 г. создавалось впечатление, что крен России к Китаю заметно усиливается, чему в немалой степени способствовал призыв предвыборной статьи В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» «поймать китайский ветер в российские паруса»²¹. Примерно тогда же, в феврале 2012 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил, что Россия не будет участвовать в каких-либо схемах окружения Китая²². Наконец, в совместном заявлении по итогам официального визита президента РФ В.В. Путина в КНР 5–6 июня 2012 г. российско-китайские отношения получили новое определение «отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия».

Важным побудительным мотивом углубления связей с КНР выступило желание привлечь в крупных масштабах китайский бизнес и инвестиции к ускорению развития азиатской части России, особенно Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Однако не все в России поддержали ориентацию на еще более тесное сближение с Китаем. Академик А.А. Дынкин высказался в пользу более тесного взаимодействия России с Евросоюзом «в условиях стремительного роста двух гигантов — США и Китая»²³. В публикациях В.В. Иноземцева недовольство будто бы чрезмерным сближением России с Китаем артикулировалось открыто, в качестве альтернативы предлагался многовекторный подход к подъему восточных регионов РФ с широким привлечением США, Японии, Республики Корея²⁴.

На наш взгляд, тезис о возможности некоего попадания российской политики в зависимость от «пекинского обкома» (выражение, использованное В.В. Иноземцевым), о сужении степени свободы Москвы на международной арене выглядит если не целиком надуманным, то уж явно преувеличенным. Показательно, что практически аналогичные опасения первой половины 1990-х гг. были опровергнуты самой жизнью, когда давление Запада и на Китай, и на Россию немало способствовало оформлению их межгосударственного партнерства.

Другое дело, что существуют объективные причины, препятствующие, по крайней мере сейчас, схождению Москвы с Пекином ближе какого-то определенного предела.

Для России это, прежде всего, неуклонно растущая разность демографических и экономических параметров двух стран. ВВП РФ в 2012 г. составил 62 356,9 млрд руб.²⁵, или 13 трлн юаней — ровно в четыре раза меньше ВВП Китая. Продолжает меняться в пользу Китая соотношение объемов внешней торговли двух стран. По итогам 2012 г. оно составило 4,6:1 по товарообороту в целом (3866,76 млрд долл. у КНР и 837,3 млрд долл. у России), в том числе 3,9:1 по экспорту (2048,93 млрд долл. у КНР и 524,7 млрд долл. у России) и 5,8:1 по импорту (1817,82 млрд долл. у КНР и 312,6 млрд долл. у России)²⁶. Многими в России, еще два десятилетия назад опережавшей Китай по большинству экономических параметров, подобная ситуация воспринимается как реальная опасность превращения страны в придаток КНР, или, по меньшей мере, попадания в многоплановую зависимость от него, в т.ч. в сбыте энергоресурсов и импорте широчайшей гаммы бытовых и инвестиционных товаров, обеспечивающих жизнеспособность государства.

Такие опасения вполне корреспондируют с сегодняшней структурой двустороннего товарообмена. В 2012 г. доля нефти и нефтепродуктов в экспорте России в КНР составила 66,8%, тогда как доля машин и оборудования — лишь 0,7% (315 млн долл.). В импорте же России из Китая доля машин и оборудования составила 42,4%, весьма внушителен и абсолютный объем их ввоза в РФ — 18,7 млрд долл.²⁷

Несомненно, негативную роль играет и продолжающаяся в Китае публикация материалов, односторонне освещающих историю российско-китайского территориального размежевания и способных породить ирредентистские настроения у населения страны.

Есть претензии и у Китая к России, отражающиеся, в частности, в нередких сговорах китайских СМИ на непоследовательность российской политики и нестабильность условий ведения бизнеса в РФ.

16. Стремление и закрепить достигнутый уровень стратегического партнерства с КНР, и сохранить потенциал существенного улучшения отношений с Западом нашло воплощение в обновленной Концепции внешней политики России, утвержденной президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.²⁸ В ней выражено стремление России «как неотъемлемой органичной части европейской цивилизации» продвигаться «к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана». Одновременно отмечено «совпадение принципиальных подходов» РФ и КНР «к ключевым вопросам мировой политики», выражена готовность «наращивать всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китаем, активно развивать сотрудничество во всех областях».

Можно констатировать, что Россия, как и прежде, ориентируется на сохранение своей абсолютно самостоятельной роли на мировой арене, проводя многовекторную политику «по всем азимутам» и избегая «склонения» к тем или иным мировым лидерам. В двусторонних российско-китайских отношениях наверняка многое можно менять, совершенствовать, корректировать. Но объективная потребность двух стран в добрососедстве и стратегическом партнерстве остается неизменной. Плохих отношений друг с другом ни Россия, ни Китай себе позволить не могут ни сегодня, ни когда-либо в будущем.

1. См.: <http://finance/people/com/cn/n/2013/0214/c1004-20485543.html>.
2. Global Trends 2030: Alternative Worlds. A publication of the National Intelligence Council. December 2012. URL: <http://www.dni.gov/nic/globaltrends>. P. 36.
3. Российская газета. 2013. 4 февр.
4. Ху Аньган. Китай и мир к 2030 г. (Презентация в Институте Дальнего Востока РАН 1 февраля 2012 г.)
5. Ху Аньган, Янь Идун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фуюй [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 34–37, 96, 178–180. По данным Международного энергетического агентства, выбросы двуокиси углерода в Китае в 1990 г. составили 2,2 млрд т, а в 2005 г. — 5,2 млрд т.
6. For China's rise to continue, the country needs to move away from the model that has served it so well // Economist. 2012. 28 January.
7. China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society. Washington: Conference Edition, 2012. 468 p.
8. По данным Всемирного банка, из 184 млрд долл. мирового оборота отчислений за использование прав интеллектуальной собственности в 2008 г. на долю США приходилось 91,6 млрд долл., а Китая — всего 570 млн долл. (0,3%) (Милкин В. Силиконовый тупик // Ведомости. 2010. 24 нояб.).
9. A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by Not Doing More of the Same / Wing Thye Woo, Ming Lu, Jeffrey D.Sachs, Zhao Chen (Editors). London: Singapore: World Scientific Publishing Co.; Imperial College Press, 2012. 294 p.
10. Дьякин А., Пантин В. Мирное столкновение. США и КНР: за какой моделью будущее? // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10, № 2. Март—апрель. С. 106.
11. Бабонев С. Срединная империя. Шумиха вокруг восхождения Китая и действительность // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10, № 5. Сент.—окт. С. 133.
12. Дьякин А., Пантин В. Указ. соч. С. 105.
13. Ху Цзиньтао. Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества: Докл. На XVIII Всекитайском съезде Ком. партии Китая, 8 нояб. 2012 г. Раздел XI. Пекин, 2012.
14. Beijing Review. 2012. 29 Nov. P. 16–17.
15. Жэньминь жибао. 2013. 18 февр.
16. Wang Yizhou. "Creative involvement": a new direction in Chinese diplomacy // China 3.0. — European Council on Foreign Relations. London, 2012. P. 108.
17. Wang Jisi. China's grim international environment / China 3.0. P. 121–122.

18. *Yan Xuetong*. The weakening of the unipolar configuration — In: *China 3.0*. P. 113.
19. *Янь Сюэтин*. Элосы кэкао ма? [Надежна ли Россия?] // *Чжунго вайцзяо* [Дипломатия Китая]. Пекин, 2012. № 10. С. 52–54.
20. <http://src.people.com.cn/n/2013/0109/c64094-2035687.html>.
21. *Московские новости*. 2012. 27 февр.
22. <http://www.mid.ru.2012>. 4 февр.
23. *Дынкин А., Пантин В.* Указ. соч. С. 107.
24. См. например: *Иноземцев В.* Далеко идущий Восток // *Огонек*. 2012. № 46. С. 18–19.
25. www.gks.ru/free-doc/2012/b12_01/1_0.htm.
26. Рассчитано по данным китайской и российской таможенной статистики // *Haiguan Tongji* [Таможенная статистика]. Пекин, 2012. № 12. С. 5 (на кит. яз.). URL: [http://www/customs.ru/inde\[2.php?option=com_content&view=article&id=17055&temid=1981](http://www.customs.ru/inde[2.php?option=com_content&view=article&id=17055&temid=1981).
27. Рассчитано по данным таможенной статистики КНР.
28. Документ размещен на сайте Министерства иностранных дел РФ 18 февраля 2013 г.

Политика

КНР—США—Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен?

© 2013

А. Давыдов

Предпринята попытка на основе обобщения основных особенностей внутривнутриполитической ситуации в КНР, США и России обозначить тенденции во внешней политике трех этих стран и перспективы развития взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: Россия, КНР, США, взаимоотношения, экономическая ситуация, внутренняя и внешняя политика, перемены во власти.

Политическая жизнь в прошлом году оказалась богатой на выборы и иные схожие мероприятия, предвещающие смену декораций или лиц в коридорах власти. Они прошли во многих странах, не обойдя стороной три крупнейшие мировые державы — Китай, США и Россию.

Как известно, в марте 2012 г. пост президента Российской Федерации вернулся к В. Путину, в чем мало кто сомневался. В ноябре на XVIII съезде КПК ее Генеральным секретарем стал 59-летний Си Цзиньпин, утвержденный на недавней сессии ВСНП Председателем КНР. Премьером Госсовета КНР назначен Ли Кэцян. И, наконец, в США, где все, казалось бы, сохранилось по-старому и смены лидера в результате ноябрьских президентских выборов не произошло, на верхних этажах администрации, тем не менее, появились новые фигуры. На главный внешнеполитический пост вместо Х. Клинтон мобилизован сенатор Д. Керри. Обновлено руководство Пентагона, ЦРУ и ряда других ведомств, включая министерства торговли и финансов. Все они активно влияют на выработку ориентиров дальнейшего курса Америки в отношениях с ее главными глобальными оппонентами — Китаем и Россией.

Но экспертов-международников и прочих наблюдателей интересуют не только персональные изменения в руководящих сферах ведущих держав, которые, в общем-то, были вполне прогнозируемы, но, прежде всего, ответ на вопрос, скажутся ли эти перемены на их внешней политике? И если скажутся, как это повлияет на глобальную экономическую и политическую ситуацию и общемировую безопасность?

По мнению авторитетного политолога, первого заместителя директора Китайского института современных международных отношений Цзи Чжуня, именно в результа-

те этих перемен «стал постепенно разворачиваться новый виток соперничества в отношении комплексной национальной мощи, началось урегулирование внешней стратегии, обострились споры о политическом режиме и модели развития, а в отношениях между державами углубилась тенденция многополярности»¹.

Известный российский политолог Сергей Караганов считает, что «с уходом доминирования Запада происходит «размораживание» конфликтов, а с возвращением США в АТР туда приходит «баланс сил»².

Добавим почти ставшее аксиомой утверждение, что внешняя политика любого государства есть, по сути, производная от внутренней. Следовательно, ответы на поставленные вопросы нужно искать с учетом состояния экономической и внутривнутриполитической ситуации в указанных странах.

КНР

Общепризнано и внутри страны, и за рубежом, что десятилетие правления Ху Цзиньтао стало «золотым периодом» в истории Китая. За эти годы по ключевым экономическим показателям он обогнал Японию и в течение последних двух лет сохраняет позиции второй экономики мира и «державы № 2» после США, успешнее других преодолел мировой финансово-экономический кризис и стабильно демонстрирует наиболее высокие темпы роста.

Современные мегаполисы с небоскребами, тысячи километров новых скоростных автострад, передовые в техническом оснащении аэропорты, модернизированные морские причалы и портовые сооружения, сверхскоростные железнодорожные магистрали, стремительный рост частного автопарка в стране, улучшение рациона питания и модная одежда населения — все это реальные плоды реформ и расширения внешних связей. Определенный прогресс достигнут и в социальной сфере — сделаны шаги по улучшению медицинского обслуживания и пенсионного обеспечения.

В то же время над страной сгущаются тучи: практически исчерпаны ресурсы модели экстенсивного развития экономики, политика одержимости высокими темпами роста, эффективная в прошлом, в сегодняшних условиях породила целый ряд дисбалансов, включая инфраструктурный.

Растут инфляция и безработица (в 2009 г. прирост занятости в городах был самым низким с 1980 г.), резко взлетели цены на жилье и важные для населения продукты питания, усугубилось неравенство, породившее волнения и социальную напряженность. Призывы китайского руководства к гармонизации общественных отношений не находят должного отклика среди населения. Прокатившаяся волна протестов вызвала в качестве ответной реакции верхов потакание настроениям националистов, потребовавших ужесточения позиций Китая в мире. В свою очередь, активизация националистических настроений грозит усилением сепаратизма внутри страны.

Одновременно прогнозы экономистов предрекают, что эпоха роста китайского ВВП «двузначными» темпами осталась позади. «Экономика КНР сегодня — это капитализм на стероидах, и существует опасность, что она сдуется», — резюмирует бывший советник китайского правительства, политолог Лоуренс Брам. «Необходимо задуматься над переосмыслением модели экономического гиперроста в пользу чего-то более гармоничного», — убежден он³.

Внутри Китая о необходимости радикальных изменений экономической модели стали поговаривать еще до всемирного кризиса 2008–2009 гг., но именно он стал первым тревожным сигналом. В результате возникла идея перехода от модели роста преимущественно за счет экспорта к упору на расширение рамок внутреннего потребления.

Ныне страна находится на перепутье. Намеченные компартией цели — удвоение ВВП к 2020 г. и обеспечение возможности догнать и перегнать в экономическом состязании

нии США — гипотетически реализуемы, но лишь при условии обновления «путей и рельсов» развития. Сохранение опоры в экономике на наращивание экспорта и на «экологический беспредел» — чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов и разрушение окружающей среды — путь в тупик.

Но для реализации новой модели требуются не только экономические корректировки, но глубокое обновление социума: преодоление разрывов между городом и деревней и между отдельными регионами, реформирование системы общественного обслуживания, создание всеобщей системы социального обеспечения, включая пенсионное и медицинское, новая демографическая политика, реформа банковской системы с внедрением разветвленной сети кредитования. В настоящее время объем потребления услуг в Китае составляет менее 20% от семейного бюджета, что значительно ниже аналогичного показателя США (70%), а также многих развивающихся стран⁴.

Для трансформации модели роста необходима также опора на инновации и собственные высокие технологии, что является большой проблемой для Китая, привыкшего в основном пользоваться легально или нелегально достижениями зарубежного «хай-тека».

Подразумевается при этом, что решать все вопросы нужно без внешнеполитических «скачков» и иных потрясений. Именно на этом настаивает известный китайский ученый, профессор Ху Аньган, утверждающий в своих исследованиях, что при соблюдении таких условий превращение Китая к 2030 г. в глобальную экономическую державу № 1 становится не только реально достижимым, но по существу гарантированным⁵.

Однако планы развития КНР в предстоящие десятилетия не ограничиваются решением только экономических или социальных задач, поскольку они лишь часть «китайской мечты» комплексной программы «великого возрождения китайской нации». А оно не может состояться без технической и военной модернизации, которая будет гарантом давно заданной цели — превращения Китая в супердержаву — один из полюсов современного мира.

На пути к этой цели, наряду с указанными, предстоит преодолевать ряд других рубежей, в том числе, стратегические и геополитические. Первый среди них — упрочение региональных позиций Китая, укрепление уз с этнически родственными или близкими соседними странами через механизмы экономики, торговли и политики, а также ресурсы т.н. «мягкой силы». Этот замысел, сходный с идеей формирования т.н. «большого Китая», трактуется Пекином как элемент «расширения его влияния в многообразном, глобализирующемся и взаимозависимом мире».

Важнейшей предпосылкой на этом направлении призвано стать воссоединение Тайваня с материковой частью страны, которое Пекин рассматривает как «неудержимый исторический процесс»⁶.

Работа в этих целях ведется давно и постоянно. На примерах Гонконга и Макао апробируется на практике модель воссоединения, опирающаяся на принцип «одна страна — две системы»: с островом налажены и поддерживаются ширящиеся и крепнущие связи: торгово-экономические, деловые, культурные, туристические и транспортные; проводятся политические консультации; на основе объективно совпадающих стратегических интересов (как, например, в случае совместного отпора Японии в вопросе принадлежности островов Дяоюйдао) выявляются общие «точки соприкосновения» с прицелом на возможное взаимодействие при решении тех или иных актуальных проблем. Пекин предложил Тайбэю создать механизм взаимодоверия между берегами Тайваньского пролива в сфере военной безопасности⁷.

Подготовка почвы к воссоединению активно идет и внутри материка. Очевидные шаги в этом направлении дополняются не столь явными, но целенаправленными и завуалированными лишь слегка. Так, в КНР начался пересмотр ряда оценок, относящихся к периоду республиканского Китая и, в частности, личности Чан Кайши: постепенно утверждается подход, согласно которому он все же был «революционером и патриотом», а не «политиканом, пролезшим в руководство революционным движением». Показате-

лем меняющегося отношения к нему стало и появление специальных центров по изучению жизни и деятельности этого политика⁸.

Похоже также, что такие важные идейно-политические новации, как «тройное представительство» Цзян Цзэминя и «гармоничный мир и научное развитие» Ху Цзиньтао, одновременно предназначены и для наведения «мостов» к выстраиванию китайским руководством своеобразной «дорожной карты» дальнейшей адаптации политической системы страны к тем необходимым условиям, без которых воссоединение двух берегов пролива состояться не сможет (внутренняя демократизация, многопартийность, выборность и т.п.). Вероятность вклада в этот теоретический «багаж» нынешнего Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина тоже весьма велика.

Отсутствие сегодня классовых антагонизмов между КПК и Гоминьданом теоретически допускает возможность возвращения к вопросу об их коалиции, уже существовавшей в период антияпонской войны. Китайское руководство часто изумляло мир парадоксальными шагами и непредсказуемыми решениями. В будущем что-то подобное может возникнуть в процессе поиска подходов к решению тайваньской проблемы.

Но реализация грандиозных социально-экономических задач одновременно с наращиванием стратегической и военной мощи до глобально значимого уровня, отвечающего статусу мировой державы, в стране с населением около 1,4 млрд чел., сохраняющейся бедностью и разрывами в доходах порождает, однако, серьезные вопросы.

По прикидкам экспертов, она потребует не только огромных финансовых, но и астрономических ресурсных затрат. Как их намерен решать Китай, если маячащие у него на горизонте уже сегодня энергетические проблемы и ограниченность ресурсов пока не находят путей преодоления? В преддверии XVIII съезда КПК перед китайским руководством наряду с вопросом «как двигаться дальше?» остро встал вопрос «куда?»: каким, в конечном итоге, видится лидерам Поднебесной будущее их страны?

«Дело Бо Силая» предстает, таким образом, не просто ударом по коррумпированным эшелонам власти или схваткой в верхах за право «кому рулить», но одновременно борьбой за возможность выбора альтернативного направления дальнейшего пути — в данном случае, к воссозданию на качественно иной, высокоразвитой основе некоего «справедливого государства» уравнительного социализма «по Мао Цзэдуну» взамен «социалистического» капитализма с «китайской спецификой». Обострение разногласий внесло лепту в провоцирование «кулуарного кризиса» в руководстве страны.

Дэн Сяопин в свое время, чтобы, по возможности, «обойти» возникавшие и тогда в китайском обществе аналогичные вопросы, или отложить ответ на них на неопределенный срок, учредил уникальную по характеру систему смены во власти партийных и государственных руководителей в условиях автократии, положив в ее основу принцип, схожий с династийностью.

В результате за 20 с лишним лет с тех пор, как он формально отошел от дел, в Китае не появилось ни одного лидера, равного по харизматичности Мао, Чжоу Эньлаю, самому Дэну или хотя бы Ху Яобану и Чжао Цзяяну. К власти приходит уже третье поколение чиновников-технократов, одинаковых внешней одноликостью. Однако с точки зрения государственной целесообразности такая стратегия была оправдана.

Этот механизм был гарантией стабильности, исключал возникновение непредвиденных ситуаций при переменах в верхах. При этом внимание нации сосредоточивалось не столько на лидере или его идеях, сколько на целях, которые власть провозглашала. В этой связи характерно откровение одного из делегатов последнего съезда КПК, некоего Цзинь Яна, появившееся в СМИ перед сменой генсека: «Кто бы ни был нашим новым лидером, его выбирает партия, поэтому он представляет китайский народ. Наш лидер, какая бы политика ни проводилась, будет вести нас в лучшее будущее»⁹.

Но подобная обезличенность власти не может сохраняться вечно. Феномен Бо Силая как раз символизировал попытку отклонения от установленной модели и стремле-

ине получить доступ к ней, опираясь на харизму, но приобретенную за счет популизма. Поэтому она была жестко пресечена, и это решение носило преимущественно политический характер.

Харизма высшего руководителя становится, однако, все более востребованной. Если Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, указанные Дэном, считались «легитимными наследниками», фигура Си Цзиньпина как нового лидера возникла в результате «кулуарных договоренностей» в обстоятельствах верхушечных распрей. Это может оказаться решающим в случае его неудач в деле преодоления кризисов, которые неизбежно возникают практически у всех политиков высшего ранга.

Возможно, именно по этой причине СМИ КНР сразу после съезда активно погрузились в придание харизматичности образу нового руководителя, опираясь на анализ его жизненного пути и подчеркивая, несмотря на «номенклатурные корни», теснейшую связь Си Цзиньпина с простыми людьми. Она может стать «дополнительным ресурсом» у нового лидера, с которым связывают немалые надежды.

Как признают сами китайцы, общество ожидает от него, в первую очередь, обеспечения долговременной стабильности и решительной борьбы с коррупцией. Однако на этом пути может оказаться заложена «мина замедленного действия», поскольку «стабильность по-КНРовски» предполагает консервацию существующих политических институтов в условиях продолжающейся либерализации экономических устоев и механизмов.

Это неизбежно грозит наступлением момента, с которым сталкивались все страны, бравшие на вооружение, как и КНР, т.н. «азиатскую модель развития» — всплеском противоречий, накопившихся в ходе осуществления либеральных реформ авторитарной властью. Если такое произойдет, последствия для самого Китая и его окружения трудно предугадать¹⁰.

Из первых шагов нового генсека, сразу принявшего на себя и обязанности председателя Центрального военного совета КПК, привлекло внимание назначение на посты его заместителей в этом ключевом органе «четырёхзвездных» генералов Фань Чанлуна и Сюй Цзяна. Смысл такого решения, по-видимому, двоякий: учитывая опыт Ху Цзиньтао, так и не сумевшего наладить полностью доверительных отношений с военными, Си с самого начала рассчитывает иметь в Совете лично преданных новому руководителю людей и, кроме того, обеспечить тем самым консолидирование связей партийной и силовой элит. Одновременно это можно расценить как свидетельство упрочения роли и позиции силовиков в политике нового китайского руководства.

Опасность кроется в том, что усиление военно-силового компонента в структуре власти может привести к еще большему раздуванию внутри страны националистических настроений, которые особенно сильны в военной среде, провоцируют негативную реакцию вне Китая и вызывают новые всплески сепаратизма в нем самом.

США

После переизбрания Б. Обамы на второй президентский срок США тоже оказались фактически на распутье. Лишь частично выполнив обещанное четыре года назад, президент возвратился в Белый дом с ограниченным мандатом, без той доверительной поддержки подавляющего большинства населения, которую получил в первый раз, и на фоне реальной угрозы раскола в американском обществе, когда несколько штатов попытались инициировать сбор подписей за выход из федерации.

Безработица в Америке, составлявшая в 2008 г. 6%, сегодня приблизилась к 8%. Государственный долг достиг астрономических 17 трлн долл., две трети населения утврждают, что стали жить хуже. Но выборы Обама все-таки выиграл. Во-первых, благодаря тому, что предвыборная программа его соперника М. Ромни выглядела не логически выстроенной, а эклектичной, инкорпорируя порою взаимоисключающие элементы. И,

во-вторых, потому, что в США налицо сдвиг демографических пластов, в результате которого белое, достаточно консервативное и состоятельное население может скоро оказаться в меньшинстве. Из 57,53 млн голосов, отданных за Обаму, за него проголосовали 93% всего афроамериканского и 71% латиноамериканского населения США, доходы большей части которого ниже 50 тыс. долл. в год¹¹.

Сложности внутри страны в его первый президентский срок не могли не сказаться на внешней политике Обамы, в которой по сравнению с периодом правления Дж. Буша-младшего произошли изменения. В условиях провала монополярности Америка, не отрекаясь от глобального месснианства, навязывая, как и прежде, повсюду, где можно, идеи и модели «ее демократической системы», вынужденно скорректировала формы и методы реализации своих имперских амбиций.

Статус «мирового полицейского», поддерживать который материально она больше не в состоянии, сменился на образ консультанта и «менеджера по обустройству» экономических и политических пространств «менее развитых» стран. Место устаревшей «доктрины Монро» заняли попытки выстраивания двусторонних и многосторонних альянсов и коалиций с теми, кто независимо от своих идеологических предпочтений, по сугубо конъюнктурным причинам принимает американский патронаж. Оформление таких отношений на прагматичной основе происходило с разнообразными партнерами в диапазоне от социалистического Вьетнама до фундаменталистских режимов Ближнего Востока.

Непосредственное участие Америки в военных операциях резко сократилось: они в основном отданы на откуп старым европейским союзникам по НАТО, руками которых воюют с теми, кого провозгласили врагом. К ним причислены все, кто бросает прямой вызов американским и западным интересам или в состоянии реально угрожать безопасности США — от наркоторговцев, экстремистов и террористов до неугодных режимов и обладателей арсеналов ОМП, не соблюдающих соответствующих международных норм или ограничений.

Обама, как известно, в ходе первого президентского срока предпринял шаги по улучшению отношений с главными геополитическими конкурентами — Москвой и Пекином. Они оказались небезуспешными и принесли некоторые плоды. Другое дело, что их положительные результаты были позднее во многом сведены на нет контрпродуктивными действиями сторон.

Помимо «раздражения» России и Китая «планами по ПРО» и «возвращением в АТР», со стороны Америки они выражались в том, что, признавая вербально за обоими государствами право на неподконтрольные Белому дому собственные сферы влияния и интересов, она без устали «перетягивала одеяло на себя», вторгаясь в эти сферы, проникая в коалиции, существовавшие прежде без американского участия, либо переманивая на свою сторону их отдельных членов.

Такие действия США на всех уровнях — от регионального и субрегионального до локального — преследовали две основные цели: 1) не допустить складывания в важных для них районах антиамериканского баланса сил и 2) влиять там на экономическую ситуацию и энергетические и сырьевые потоки с целью ослабления конкурентов, прежде всего, Китая.

Обновление американской администрации после выборов сопровождалось выдвижением новых задач. В традиционном послании Конгрессу «О положении в стране» от 12 февраля с.г. президент сконцентрировал внимание на первоочередных вызовах, с которыми предстоит столкнуться США — решению экономических, финансовых и социальных проблем, реформировании системы налогообложения с прицелом на «главный приоритет — сделать Америку магнитом для производства и новых рабочих мест»¹².

По словам Обамы, это должно повлечь перевод работников из зарубежных филиалов американских компаний назад в США для использования на высокотехнологичных производствах. Таким образом, экономическое, производственно-технологи-

ческое и финансовое упорядочение одновременно призвано стать составной частью американской внешней политики.

Не утратили важности и традиционные внешнеполитические проблемы, несколько отодвинутые в выступлении на второй план. Остро, как и прежде, стоят вопросы борьбы с терроризмом, угрозой ядерного распространения, сокращения арсеналов ОМП, обеспечения кибербезопасности страны — очередного поля противоборства между США и Китаем.

Приход в администрацию «более умеренных» руководителей Госдепа и военного ведомства в отличие от прежних, отличавшихся достаточной жесткостью — символ того, что руководство международной деятельностью США отныне будет в руках лиц, более близких президенту по взглядам, и ему удалось, наконец, сформировать собственную, «без чужаков», команду единомышленников. Это оставляет надежду на более гибкий и прагматичный курс новой администрации в вопросах внешнеполитической тактики. Стратегия при этом вряд ли изменится.

В то же время объявленное 1 марта с.г. секвестирование бюджета на 85 млрд долл., которое повлечет сокращение военных расходов в объеме 46 млрд долл. и существенно ограничит оборонные возможности США, не может, по заверениям экспертов, не отразиться на глобальной ситуации.

Главное, однако, в том, что ни наметившийся в американской политике небольшой крен в сторону приоритета внутренних проблем, ни возможное смягчение внешнеполитических подходов и средств не должны создавать иллюзии, будто США станут с меньшим рвением отстаивать принципы, которые считают краеугольными в своей международной деятельности — стремление к «руководству миром» и борьбу со всеми, чьи действия идут вразрез с их собственными интересами.

Россия

Считается, что страна с приемлемыми потерями преодолела кризис 2008–2009 гг. За годы премьерства В. Путина объем ее ВВП вырос приблизительно на треть — с 41,5 трлн руб. (2008 г.) до 54,37 трлн руб. (2011 г.). По данным Росстата, внешнеторговый оборот РФ за последние четыре года увеличился на 7,5%, индекс промышленного производства на 4,1%. Прирост экономики (4,2%) стал третьим по величине после Китая и Индии. В то же время общая численность безработных в стране возросла с 4,8 млн до 5 млн чел., а в пиковый кризисный период превышала 6 млн чел.¹³

Главными проблемами российской экономики по-прежнему остаются ее сырьевой характер, недостаточная инвестиционная привлекательность и относительно высокий уровень инфляции. Преодолению этих недостатков мешают пробелы в законодательстве, недоразвитость инфраструктуры, слабо регулируемые и непрозрачные демографические, миграционные и финансовые потоки, инновационно-технологическое отставание от передовых экономик, недостаточная эффективность межрегионального взаимодействия и, главное, чрезмерная бюрократизация всей управленческой пирамиды и тотальное распространение коррупции. Чиновничья неповоротливость или саботаж порою вынуждают высшее руководство страны «включать рычаги ручного управления». Государственная политика признается экспертами неэффективной и с точки зрения затрат на условную единицу достигнутого результата, поскольку значительная часть бюджета попросту разворовывается.

Масштабы социального расслоения, периодические всплески насилия на религиозно-этнической почве, не искорененные до конца настроения сепаратизма в части регионов и ужесточение позиции властей по отношению к разношерстной и достаточно аморфной оппозиции могут спровоцировать эрозия общенационального единства, разрушительные силы которой укротать будет очень непросто.

Как и в двух других странах, внутренняя ситуация в России влияет на ее внешнюю политику. Обнародование В. Путиным перед возвращением на пост президента программы «поворота на Восток», навеянной отчасти неконструктивной позицией Запада, вызвало, как минимум, недоумение в ряде европейских стран. Объяснение президентом такого шага стремлением к «выравниванию» экономических связей России, более 50% товарооборота которой приходится на Западную Европу и только 24% на Азию, в то время, как азиатский рынок развивается интенсивнее европейского и две трети российской территории находятся именно в Азии, убедило немногих.

Запад узрел в таком повороте, прежде всего, стратегическую подоплеку. Там произошло усиление антипутинских и антироссийских настроений. Главный конкурент Обамы на президентских выборах М. Ромни назвал Россию «безусловным геополитическим противником номер один». Известный своим русофобством американский политолог З. Бжезинский предрек, что успех Обамы на посту президента в течение второго срока «будет зависеть от того, насколько решительно и серьезно он настроен... в отношениях с враждебным Путиным»¹⁴. Х. Клинтон, покидая пост госсекретаря, обвинила российского президента в намерении «возродить СССР»¹⁵.

Однако утвержденная 12 февраля с.г. президентом «Концепция внешней политики Российской Федерации» внесла долгожданную определенность в вопрос о приоритетах, целях и главных направлениях международной деятельности России на ближайшее будущее, обозначив в качестве ее основных характеристик «открытость, предсказуемость и прагматичность», которые, судя по замыслам, должны помочь мировому сообществу воспринимать Россию как «уравновешивающий фактор в международных делах и в развитии мировой цивилизации»¹⁶. Ясно обозначенная концентрация на евроазиатском векторе, углублении интеграции в СНГ и формировании Евразийского экономического союза отражает подлинные интересы России и отменяет сомнения и подозрения по поводу любых других ее псевдонамерений или лже-целей.

Вытекающая из концепции четкая сбалансированность линии поведения России в мире призвана не только обеспечить благоприятные условия для ее внешнеполитической деятельности, но и облегчить выполнение основных внутренних задач — скорейший перевод экономики с сырьевой основы на инновационно-технологическую; поиск действенных средств и методов борьбы с ужасающим спрутом коррупции; повышение эффективности законодательной базы в целях преодоления бюрократизма, сепаратизма, упрочения государственности и усиления ответственности властей за выполнение принимаемых решений.

И, напротив, консервирование нынешнего характера экономики автоматически увековечит сырьевой статус России в мире, сделает ее полностью зависимой в технологическом отношении от передовых западных стран.

Китай-Америка: как жить дальше?

Взаимоотношения России, США и Китая остаются сложно переплетенными, тесными, взаимозависимыми и определяющими характер «мирового климата». Однако в двустороннем формате именно китайско-американские отношения оцениваются двумя этими странами как главные для них обеих, а международным сообществом — как самые важные двусторонние отношения по степени их влияния на глобальную ситуацию. Это подтверждает, что Китай прочно занял место бывшего СССР в качестве основного визави Америки.

Ткань взаимоотношений США и Китая, на первый взгляд, перенасыщена конфликтами и противоречиями, которые имеют многоплановый характер. В их числе:

1) **Финансовые и торгово-экономические разногласия** (споры о соотношении курсов доллара и юаня и связанная с ними проблема дефицита США в торговле с КНР;

внутренние ограничения в США на передачу КНР технологий «двойного назначения» и инновационных наукоемких производств; конкуренция за энергоресурсы).

2) **Политико-идеологические расхождения** (призывы Америки к демократизации политической системы в Китае, реальной многопартийности, свободным выборам и т.п.; расхождения во взглядах на модель будущего мироустройства).

3) **Геополитическое соперничество** (незавершенность перераспределения сфер глобальных интересов и регионального влияния в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке; участие в конкурирующих региональных и трансрегиональных объединениях; борьба за влияние в АСЕАН).

4) **Стратегические и военные противоречия** (различия в подходах к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем; вопросы Тайваня и Корейского полуострова; противостояние в территориальных спорах, вызванных борьбой за стратегическую инициативу и экономическое влияние в Восточной и Юго-Восточной Азии; проистекающие из нее элементы военного соперничества в АТР, которое одновременно следует рассматривать как реакцию КНР на расширение американского присутствия в регионе; разногласия по ближневосточному урегулированию, которые в Китае воспринимаются как вызов его интересам в области нефтяного импорта; азиатский сегмент ПРО США как угроза безопасности КНР; расхождения по проблеме стратегических и ядерных вооружений, включая закрытость данных по ракетно-ядерному потенциалу КНР и нежелание Пекина присоединяться к соответствующим международным соглашениям в этой области).

5) **Дипломатические расхождения** (разногласия в ООН и других международных организациях по ряду ключевых проблем поддержания мира и безопасности; обоюдное стремление не допустить присоединения соперника к региональным и глобальным структурам, членом которых он пока не является, или ограничить его влияние в тех, где состоят обе стороны).

6) **Другие области разногласий**, включая сферу экологии и гуманитарную область (права человека, охрана интеллектуальной собственности, культурные и ментальные нестыковки) и т.п.

Казалось бы, при столь фундаментальных разногласиях отношения двух стран должны постоянно находиться на грани раскола. Тем более, что события нескольких последних месяцев заставили многих наблюдателей заговорить чуть ли не о грядущем военном конфликте между Китаем и США. Думается, однако, что такой алармизм был излишним и необоснованным.

Ведь за четыре с лишним десятилетия китайско-американского взаимодействия выработана, устоялась и сохраняется парадигма двусторонних отношений, основой которой является их базовая **стабильность** с тенденцией углубления, покоящаяся на обоюдном понимании важности и глобальной значимости этих отношений при **чередовании в них подъемов**, порождаемых экономической взаимозависимостью и обоюдовыгодной заинтересованностью, и **спадов** на почве периодических возникающих кризисных ситуаций.

Эта парадигма получила оформление и закрепление в ходе визита Ху Цзиньтао в Китай в январе 2011 г., и поколебать ее в обозримом будущем могут только резкие изменения в статусе обеих держав или в мировой архитектонике. В Китае к таковым следует отнести внутреннюю дестабилизацию в результате усиления позиций националистов. Рост его экономики в стабильных условиях не вызовет негативной реакции со стороны США.

Взаимозависимость и обоюдовыгодная заинтересованность сторон в поддержании нормальных отношений обусловлены:

а) двусторонними торгово-экономическими связями;

б) производственно-технологическими связями, характеризующимися переводом из США в КНР крупных производств и перетоком туда передовых технологий. Хотя побоч-

ными результатами этого процесса в Америке стали сокращение рабочих мест, исчезновение целых отраслей, ослабление или распад профсоюзов в промышленном секторе (например, Ladies Garment Worker's Union — профсоюз дамских портных), выгода, тем не менее, была обоюдной. Удешевляя производство, США одновременно избавлялись от «грязных» производств, а Китай создавал рабочие места и приобретал новые технологии;

в) валютно-финансовыми узами и взаимодействием на фондовых рынках: Китай, как известно, — крупнейший кредитор США и обладатель портфеля их активов на сумму свыше 1 трлн долл.

Общность интересов и устремлений обеих стран связана с:

а) обоюдным тяготением к решению возникающих между ними проблем мирным путем и пониманием того, что силовые методы являются в подобных случаях нежелательным и самым крайним средством;

б) взаимной боязнью ущерба в случае ухудшения взаимоотношений, стремлением, несмотря на минимум склонности у обеих сторон к уступкам и компромиссам, искать и достигать договоренностей по ключевым разногласиям во избежание еще большего обострения отношений;

в) осознанием и совместным признанием того, что тормозом качественного прогресса в двусторонних отношениях является укоренившийся в них дух взаимного недоверия, и декларируемым общим желанием его преодолеть;

г) согласием каждой из сторон на право визави иметь сферы своих особых интересов за пределами собственного регионального пространства (например, у США — в АТР, а у КНР — в Латинской Америке).

Механизмы, обеспечивающие поддержание стабильности в китайско-американских отношениях, включают: а) диалоговые форматы разных уровней (регулярный стратегический и экономический диалог, диалоги внешнеполитических и военных ведомств, руководителей ведущих политических партий КНР (КПК) и США (демократической и республиканской) и т.п.); б) разнообразные консультации; в) постоянные обмены визитами на всех уровнях.

Их эффективность постоянно проверяется практикой и признается стабильно высокой, что находит подтверждение в документах всех последних китайско-американских саммитов.

Тем не менее, отношение к Китаю в США сложное и противоречивое. С одной стороны, в нем видят авторитарное жестко дисциплинированное государство, вынашивающее планы превращения в мощную мировую державу, т.е. по существу в потенциального противника, создающего угрозу американским глобальным интересам.

С другой стороны, отказ от маоистской идеологии, 30 с лишним лет модернизации и реформ, исключительно высокие темпы экономического роста, колоссальный производственный и экспортный потенциал с глобальной сферой охвата, огромные золотовалютные резервы, сравнительно дешевая рабочая сила и ряд других преимуществ делают Китай привлекательным для США партнером, сотрудничество с которым помогает им и в решении внутренних проблем (безработицы, мультитриллионного внутреннего долга и т.п.).

Согласно данным опроса Харриса, в 2011 г. 72% руководителей деловых кругов США и 90,2% в Китае позитивно и благоприятно воспринимали своего визави как партнера. По данным опроса Гэллапа, около 85% американцев считали отношения с КНР «хорошим делом» и лишь 13% придерживались противоположного мнения. Однако, при этом около 63% полагали, что постоянно растущее влияние Китая в мире неблагоприятно для США, а около 60%, что непрерывно возрастающая военная мощь КНР создает угрозу американской национальной безопасности.

За четыре года пребывания Обамы у власти его политика в отношении КНР проделала эволюцию от попыток вовлечь Китай в двустороннюю связку в качестве младше-

го партнера Америки для участия в «регулировании мировых дел» — до признания в нем серьезного регионального и даже глобального конкурента.

Именно в результате осознания неприемлемости для Китая исполнения им в «дуэте с Америкой партии второй скрипки» политика администрации США на китайском направлении утратила к концу четырехлетия свойственную ей прежде импульсивность и стала более сбалансированной и уравновешенной.

С одной стороны, в Белом доме окончательно удостоверились в стремлении Китая возвыситься в статус глобальной державы, путь к которому он, естественно, намерен проделать самостоятельно и поэтому не допускает подчиненности и не нуждается в покровительстве. С другой стороны, реально подтвердилось действие в китайско-американских отношениях двух разнонаправленных линий — соперничества и противоборства на региональном и глобальном уровнях наряду с параллельным упрочением финансовой и торгово-экономической взаимозависимости. Реакцией США на геополитические замыслы Китая стало укрепление ими своего регионального влияния преимущественно за счет политико-экономических рычагов при некотором сокращении (но не ослаблении) военно-силового компонента.

Америка, безусловно, заинтересована в процветающем, сильном Китае по причине теснейшей экономической взаимосвязи с ним. Но ей нужен не агрессивный, а мирный Китай, способствующий упрочению, а не ослаблению искомой ею стабильности. Именно поэтому она готова проявлять определенную сдержанность в некоторых сферах, где позиции двух стран явно далеки от совпадения.

Так, США уже косвенно подтвердили, что не вступят в прямой силовой конфликт с Китаем, отстаивая территориальные интересы Японии или Филиппин. Однако это не должно восприниматься Пекином как проявление ими слабости, поскольку обострение, к примеру, ситуации в тайваньском или корейском вопросах может привести к весьма опасным последствиям, вплоть до провоцирования жесткого биполярного противостояния.

Безусловно, главным «яблоком раздора» между двумя странами в нынешних условиях изначально стало провозглашение в 2010 г. Соединенными Штатами концепции «возвращения в АТР». Согласно преобладающему мнению мировых СМИ, включая и ряд западных, цель ее состояла исключительно в сдерживании Америкой «усиления и возвышения КНР». С таким выводом в экспертном сообществе согласны, но лишь отчасти. Многие, в том числе, в самом Китае, считают его неоправданно упрощенным.

На АТР, как известно, приходится 65% мирового сырья, 61% мирового ВВП и 47% глобальной международной торговли¹⁷. Поэтому цели США в регионе видятся гораздо шире простого ограничения растущего китайского влияния. Обеспечивая сохранение в нем своего стратегического преимущества, они надеются использовать подъем развивающихся стран Азии и их экономический рост для восстановления экономики в собственной стране¹⁸. Нелишне напомнить, что туда же — в том числе — через Китай, стремится Россия, желающая, по образному выражению В. Путина, именно в нем «поймать ветер в свои паруса».

На экспертном уровне диапазон оценок «возврата США в Азию» разнообразен и широк. Наряду с резко отрицательными, даже со стороны американских аналитиков¹⁹, существуют и одобрительные, как ни парадоксально — среди политологов КНР, некоторые из которых пытаются даже спрогнозировать, какую пользу из этого Китай мог бы извлечь²⁰.

В США не могут не учитывать прогнозы экономического развития КНР. Согласно одним, Китай готов превзойти в нем Америку уже через два десятилетия. Однако, помимо уверенного роста его ВВП, существуют негативные моменты, заставляющие сомневаться в этом: несопоставимо низкий по сравнению с США уровень дохода на душу населения, на «подтягивание» которого до американского потребуются, по оценкам, не менее 100 лет; одни из самых высоких диспропорций в доходах богатых и бедных; очень

незначительное число отечественных т.н. «брендовых» компаний, способных конкурировать на глобальном уровне; подмена собственных инновационных и высокотехнологичных разработок промышленным шпионажем и копированием зарубежных технологий; деградация экологии и сокращение водных ресурсов; уязвимость модели экономического роста, опирающегося на увеличение экспорта, прямые иностранные инвестиции и доминирование госпредприятий.

По другим прогнозам, в 2013–14 гг. китайскую экономику может «накрыть» кризис, подобный тому, что в конце 2008 г. обрушил экономику США. Даже став второй экономикой мира, КНР в ряде сфер уступает третьей экономической державе — Японии.

Подавляющее большинство аналитиков полагают, однако, что примерно до 2020 г. Китай, скорее всего, будет развиваться динамично. Это создаст видимость того, что он догоняет и даже обгоняет Америку в экономике, политике и военной сфере. Иными словами, развитие двух стран в ближайшие десятилетия будет нелинейным и неравномерным, то ускоряющимся, то замедляющимся. И это затруднит оценку перспектив мирового развития¹.

Геополитическое и военно-стратегическое соперничество двух стран сохранится, но по мере укрепления военно-силового потенциала КНР Америке придется все отчетливее осознавать целесообразность его смягчения на основе обоюдных компромиссов.

В КНР по-своему глядят на грядущее развитие отношений с главным конкурентом и оппонентом. Перед Си Цзиньпином в этой области стоит непростая задача. Роль государственного лидера на переломном этапе обновления модели развития в условиях противостояния геополитическому сопернику, сопротивляющемуся глобальному возвышению и стратегическому укреплению его страны, налагает громадную ответственность.

Нанося визит в США в феврале 2012 г. еще в качестве заместителя Председателя КНР, Си Цзиньпин заявил, что «у Китая и Соединенных Штатов нет мотивов не дружить», охарактеризовал их связи как «отношения партнерства и сотрудничества нового типа», озвучив их принципы: а) извлечение опыта и уроков из прошлого; б) расширение «границ мышления» для лучшей оценки перспектив; в) взаимное уважение и доверие, объективное и рациональное отношение друг к другу; г) стремление к взаимной выгоде и обоюдному выигрышу при активном и конструктивном разрешении разногласий и трений.

При этом будущий китайский руководитель проявил определенную жесткость и неуступчивость, дав отповедь американской стороне по основным пунктам сохраняющихся разногласий. Более того, он косвенно намекнул, что Китай сегодня фактически нужнее Америке, чем она ему.

Согласно опросам общественного мнения, в отношении китайцев к США усиливается отрицательная тенденция. По данным американского агентства «Pew Research Center», по сравнению с опросом двухлетней давности количество полагающих, что между Китаем и США налажены партнерские отношения, снизилось с 68% до 39%, а тех, кто считает отношения двух стран враждебными, увеличилось с 8% до 26%. За годы первого президентства Обамы уровень одобрения в Китае его международной политики упал с 57% до 27%. В то же время доля китайского населения, симпатизирующего американской системе демократии, выросла, хотя и незначительно — с 48% до 52%²².

Намеченный в планах Китая на ближайшее время переход с позиции «мировой фабрики» на позицию «мирового рынка» и крупнейшего импортера товаров, от роли «импортера капитала» — к роли его «экспортера» при одновременной экспансии не только на рынки развивающихся стран, но и в отрасли инновационной экономики Запада практически равнозначен замене реализуемой им ныне индустриальной модели на инновационную постиндустриальную. Это повлечет также перевод части производственных мощностей за пределы Китая — в Юго-Восточную Азию и другие регионы.

Учитывая, что в последние годы в США наблюдается повышение производительности труда, спад зарплат и непрерывная девальвация национальной валюты, а в

традиционных странах-производителях стоимость рабочей силы резко возросла, привлекательность США как производственной базы, наоборот, значительно усилилась. Темпы роста занятости в американской промышленности стали ускоряться. Выше уже отмечалось, что поощрять эту тенденцию намерена и американская администрация.

И если, как утверждают некоторые аналитики, «Китай готовится стать Америкой», то «мир в его современном виде может перевернуться на 180 градусов, и тот, кто был крупнейшим производителем товаров и импортером идей и технологий, станет экспортером идей и импортером товаров».²³

Стартовавший между США и Китаем новый виток конкуренции за статус державы, обладающей самым мощным производством, может привести к очередным обострениям во взаимоотношениях двух стран. Тревогу и настороженность вызывают, прежде всего, два обстоятельства: переход на новую модель Китай намерен осуществлять, сохраняя статус развивающейся страны, что ограничивает степень его ответственности и обязательств перед международным сообществом, при этом он будет сопровождаться «модернизацией сил обороны»²⁴.

Таким образом, обобщающий вывод свидетельствует, что «транзитное состояние», в котором пребывают в настоящее время Америка и Китай, ставит перед ними ряд вызовов и проблем, непосредственно затрагивающих их двусторонние отношения. Их дальнейшее развитие определяется целым комплексом разнородных факторов.

В отличие от Клинтона, пытавшегося сконцентрироваться на «вовлечении КНР» в мировые дела, Обама, очевидно, постарается больше втягивать Китай в процесс «разделения ответственности за них» при одновременном сдерживании и нейтрализации проявлений его силовой мощи, причем не только военной, но и экономической. Продолжится «война с юанем», который Китай стремится сделать не только региональной, но и мировой валютой. Но одновременно в духе прежних договоренностей «Обама—Ху» и «Байден—Си» будет, скорее всего, продолжаться и поиск путей преодоления недоверия — главного препятствия к еще более тесному сближению двух стран.

Именно эскалация недоверия, по взаимному признанию, не дает им возможности установить необходимый и прочный баланс между взаимозависимостью в экономике и противостоянием в политике и военной сфере.

На «экономическом поле» сохранятся разногласия по поводу торгового дефицита США, превысившего 330 млрд долл. Надежду на урегулирование противоречий в области ресурсов, источник которых для Китая — весь мир, что не устраивает США, может подкрепить прогнозируемая «сланцевая революция».

Ответственность за «разбалансировку» в АТР несут обе стороны. В Восточной и Юго-Восточной Азии Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, Тайваня и ряда стран АСЕАН. А Америка, вернувшись туда за новыми источниками экономического роста, привела с собой не только большую часть военного флота, но стала проталкивать идею «Транстихоокеанского партнерства» — создания межрегионального экономического сообщества с ограниченным доступом. Переход Мьянмы и отчасти Вьетнама под патронаж США также не устраивает Китай, который, в свою очередь, нервнует Америку укреплением своих военных и морских сил в регионе. Усиление в нем американо-китайского соперничества может привести к расколу АСЕАН.

Самым наихудшим конфликтом между США и КНР, однако, грозит стать не торговый, экономический, идеологический или даже военный, а цивилизационный. Хочется верить, что до этого не дойдет. Поручкой тому декларируемые Китаем приоритет мирного пути развития, идеи гармоничного общества и гармоничного мира, составляющие часть его государственной идеологии.

Поэтому даже с учетом сложного, комплексного и всеобъемлющего характера китайско-американских отношений велика вероятность, что в ближайшее десятилетие —

срок правления руководителей пятого поколения — сохранение китайской стороной своей части их фундамента в целостности и невредимости, несмотря на соперничество с США по всему спектру спорных позиций, будет, безусловно, обеспечено.

Хотелось бы ожидать того же самого и от американской стороны.

Россия: между Америкой и Китаем

Несмотря на все внутренние трудности, международное положение и геополитический статус России выглядят сегодня достаточно благоприятно. Хотя перед ней возникают определенные вызовы, в руках у России есть хорошие шансы, которыми следует умело воспользоваться.

Благодаря урегулированию пограничных проблем с Китаем самая протяженная часть российской границы надежна и безопасна. Другие участки ее внешнего периметра критического беспокойства не вызывают, а в сохраняющихся территориальных спорах, в том числе с Японией, больше деклараций, чем конфронтации. Перемена власти в Грузии сулит надежду на стабилизацию обстановки в Закавказье. Ряд естественных преимуществ, включающих обширную территорию с уникальными природными ресурсами, мощный стратегический и военный потенциал, высокий уровень развития науки и культуры — все это создает хороший фон для активизации инициативности нашей внешней политики.

Очевидно, что стратегические устремления США, КНР и РФ далеки от совпадения. Цель США — сохранение их мирового доминирования. Цель Китая в приобретении и упрочении статуса глобальной державы. Целью России, как вытекает из ее внешнеполитических инициатив, является усиление роли своеобразного «моста», связующего Европу и Азию. В этом отношении стратегическое партнерство с Китаем представляет для нас неоценимый фундамент, облегчающий достижение этой цели.

В условиях соперничества КНР и США в АТР России очень важно не дать втянуть себя в это противоборство: прежде всего недопустимы шаги, которые могут нанести ущерб ее отношениям с Китаем, но и выстраивать с ним силовые альянсы, бросая вызов США, было бы нерационально. Выход целесообразнее искать на пути открытого равноправного диалога с обеими сторонами, поддерживая как партнерские отношения с США, так и стратегическое взаимодействие с КНР.

Правда, ситуацию осложняет достаточно узкая платформа партнерства России с Америкой. Ожидание, что с отменой поправки Джексона—Венника и вступлением РФ в ВТО она может расшириться, пока не оправдываются. Наоборот, положение еще больше усугубилось после серии взаимных российско-американских выпадов, инициированных «законом Магницкого».

Объем российско-американской торговли (около 43 млрд долл.) вдвое меньше российско-китайской (порядка 88 млрд долл.) и более чем вдесятеро меньше китайско-американской (приближающейся к 500 млрд долл.).

Хотя вице-президент США Дж. Байден заверял министра иностранных дел РФ С. Лаврова, что «без согласия между двумя нашими странами невозможна ни одна международная акция», Америка все же воспринимает сегодня Россию как партнера по взаимодействию в ограниченных сферах (проблемы стратегических вооружений, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия). Угрозы для США она не представляет, и они готовы на более широкое партнерство, но целесообразность его оценивают прагматически²⁵.

Со стороны Америки непосредственная военная угроза России также отсутствует. Но геополитически она старается окружить ее, усиливая присутствие в зонах коренных российских интересов (СНГ, Центральная Азия, Дальний Восток и т.п.).

Гипотетическая угроза для России может возникнуть в случае резкого обострения американо-китайских отношений как следствия эскалации цивилизационного кон-

фликта. Поэтому ей необходимо выработать варианты стратегии с учетом возможности такого «экстремального» сценария. Они могут сводиться к следующему:

1) избегать втягивания в конфликт на чьей-либо стороне, чтобы не оказаться в результате «между молотом и наковальней»;

2) не допускать действий, которые могли бы одновременно расцениваться каждой из противоборствующих сторон как направленные против нее;

3) будучи заинтересованной в сохранении мира и стабильности в АТР и на глобальном уровне, быть готовой в случае, если китайско-американские разногласия зайдут слишком далеко, вплоть до отказа от прямого общения, подключиться, при согласии всех трех сторон, к посредничеству для урегулирования возникшей конфронтации:

Другой, т.н. «умеренный» сценарий существования России в условиях мирного неконфликтного соразвития и стремительного роста двух гигантов — КНР и США — предполагает, что ей придется мобилизовать все силы и ресурсы для сохранения своих экономических и политических позиций в мире, обеспечения самостоятельного и стабильного развития.

И это предстоит делать в обстановке «повышенной турбулентности» — скачков цен на энергоносители, возможных дальнейших революций и переворотов на Ближнем Востоке, дестабилизации в Центральной Азии, усугубления положения в Афганистане и Пакистане, роста исламского фундаментализма и международного терроризма, социальных конфликтов в странах Африки и Латинской Америки.

Поэтому взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ—США—Китай будут иметь для России ключевое значение. Важно уже то, что сегодня, в отличие от прошлых десятилетий, они не носят взаимонацеленного характера и в принципе не являются антагонистическими. И хотя говорить о реальности полноценного трехстороннего формата сегодня, к сожалению, не приходится, это не означает, что роль и важность России, даже уступающей двум другим странам по экономическим критериям, становится в их взаимоотношениях менее существенной и весомой. Хотя по сравнению с Америкой и Китаем Россия сейчас более слабый «игрок», у нее есть преимущества перед двумя сильнейшими, которыми она может и должна воспользоваться.

Ей пора, наконец, окончательно свыкнуться с утратой как правопреемницы СССР сверхдержавного глобального статуса и, опираясь на сохраняющийся пока ракетно-ядерный паритет, начать отход от восприятия парадигмы сосуществования с Америкой только в категориях противоборства, и по сей день подменяющего нашей стране способность к реальной конкуренции с ней. Важнейшим направлением, требующим первостепенного внимания, должно стать наполнение российско-американских отношений весомым экономическим содержанием.

США и Россия — энергетические сверхдержавы, которые в состоянии самостоятельно обеспечивать собственные ресурсные потребности в отличие от Китая²⁶. Это тоже может стать платформой для сближения, причем не только в плоскости конкуренции или соперничества, но и сотрудничества.

Россия не хочет никакой серьезной конфронтации, особенно в Южно-Китайском море, где у нее есть свои интересы, включая многостороннее сотрудничество с Вьетнамом и рядом других стран ЮВА.

Как утверждают некоторые исследователи, для нее «лучший результат американо-китайского диалога в том, чтобы отношения Москвы с Пекином и Вашингтоном были лучше, чем двусторонние отношения Пекина и Вашингтона». С другой стороны, благоприятные, дружественные китайско-американские отношения не только отвечают коренным интересам народов этих стран, но создают предпосылки для мира, стабильности и процветания в АТР и мире в целом. Их ненаправленность против России цементирует основу трехстороннего партнерства.

Можно активизировать участие России в качестве одной из ведущих глобальных сил в решении проблем обеспечения безопасности в регионах, входящих в сферу ее интересов, прежде всего, в АТР и СВА. Участие, наряду с Китаем и во взаимодействии с США, в создании системы международной безопасности вокруг Корейского полуострова и в зоне спорных территорий и морских акваторий Северо-Восточной и Восточной Азии — посильная для нее задача. По силам ей также, постепенно наращивая поставки в Китай энергоресурсов, стать для него альтернативным источником нефти и газа.

России, безусловно, не стоит вмешиваться в американо-китайскую полемику по проблемам демократии и прав человека, но она может и должна поддерживать КНР, хотя бы морально, в приближении решения тайваньского вопроса. Причем в данном случае следует разъяснять США, что демократизация внутри политической системы в КНР произойдет в результате присоединения Тайваня.

Многие эксперты не без оснований полагают, что российско-китайское сближение имеет пределы. Сам термин «стратегическое партнерство» предполагает тесное взаимодействие на почве совпадающих стратегических и национальных интересов. Однако хорошо известно, что общность подходов двух стран к решению кардинальных мировых проблем не исключает разногласий между ними. Среди негативных факторов в отношениях КНР и России — дефицит стратегического взаимодоверия, наличие в России влиятельных прозападных сил, ряд несовпадений в региональных интересах, разночтения по вьетнамскому фактору, ценам на энергоносители, целый ряд крупных экономических нестыковок и т.п.²⁷

Тем не менее, интересы России, США и Китая сегодня связаны неразрывно. Поэтому налицо обоюдная заинтересованность в согласовании национальных приоритетов и позиций внутри этой «тройки». Отношения в ней ни при каких обстоятельствах не должны выливаться в жесткое противостояние, поскольку от позиций трех стран по кардинальным международным вопросам зависит не только региональная, но и будущая глобальная структура нового мирового порядка и безопасности.

1. *Цзи Чжунь*. О перспективах развития международной ситуации // Китай. 2013. № 1. С. 35.
2. Из выступления на втором Азиатско-Тихоокеанском форуме «Российское председательство в АТЭС и новые перспективы интеграции России в АТР», Москва, 12–13 октября 2012 г.
3. *Брам Л.* Конец экономического чуда // РБК daily. 2012. 12 окт.
4. *Ха Цзиньин*. Где же пространство для дальнейшего роста китайской экономики? // Китай. 2013. № 2. С. 35.
5. См. запись беседы Ху Аньгана с сотрудниками ИДВ РАН 1 февраля 2012 г.
URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/5/470-kitaj-i-mir-k-2030-godu>.
6. «Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества». Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде КПК 8 ноября 2012 г. Пекин, 2012.
7. Там же.
8. *Карнеев А.* Китай по-новому оценивает роль Чан Кайши.
URL: http://rus.ruvr.ru/_print/98703434.html.
9. <http://www.ntv.ru/novosti/364377/>
10. На самом деле есть основания предполагать, что китайские власти предвдпят такую возможность. Это подтверждают их заявления о необходимости политической реформы. Думается, что пути ее радикализации обозначал еще Дэн Сяопин, углубленное осмысление идей которого о специальных экономических зонах и модели «одного государства—двух систем», возможно, даст ответы и на вопросы о методах совершенствования политического устройства в КНР.
11. *Верецинская Л.* США—Россия: диалог продолжается // Москва-инфо. 2012. № 43.
URL: www.moscow-info.org.
12. <http://www.golos-ameriki.ru/articleprintview/1602521.html>.

13. ВВП: Российское федеральное издание. 2012. № 7. С. 24–25. URL: [http:// ВВП.РФ](http://ВВП.РФ).
14. <http://inosmi.ru/world/20121204/202966732-print.html>.
15. <http://www.golos-ameriki.ru/content/state-briefing-clinton-putin/1563229.html>.
16. Концепция внешней политики Российской Федерации. Опубликовано на сайте МИД России 18.02.2013.
17. <http://russian.people.com.cn/95181/8016391.html>.
18. Там же.
19. Например, профессор Центра китайских исследований при Гарвардском университете Роберт Росс считает, что в новой азиатской политике Обамы нет необходимости, и она контрпродуктивна. (Проблема с разворотом // Россия в глобальной политике. 2012. 23 дек.).
20. Так, доцент Столичного торгово-экономического университета Чжан Чжисинь уверен, что «возврат США в Азию — это лишь утверждение и упрочение их руководящего места в области безопасности Восточной Азии; даже если стратегия США действительно состоит в окружении Китая... то такое состояние уже существует, по меньшей мере, свыше 60 лет, и Китай уже давно приспособился к этой ситуации, а значит, развитие Китая не замедлится. С другой стороны, «возврат США в Азию» углубит уровень переплетения и взаимозависимости интересов Китая и США. ... Наоборот, ныне ускоряется трансформация региональной структуры, совершается переход от традиционного единоначалия к структуре многогранного сотрудничества и управления. Для Китая «возврат США в Азию» — это не только вызов, но и шанс» (Китай. 2011. № 12. С. 3).
Другой китайский политолог, директор Института США при Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн полагает, что «США вряд ли в силах создать «кольцо», чтобы взять Китай в окружение». Причиной «переноса стратегического центра США на Восток» он видит не только такое «окружение», но «осуществление вмешательства в процесс интеграции стран Восточной Азии и поиск новых шансов для скорейшего восстановления отечественной [американской] экономики» (Китай. 2012. № 9. С. 4).
21. <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mirmoe-stolknovenie-15534>.
22. http://www.mignews.com/print/181012_161507_35796.html.
23. <http://www.utro.ru/articles/2013/02/11/1100481.shtml>.
24. *Цзи Чжун*. О перспективах развития международной ситуации // Китай. 2013. № 1. С. 38–39.
25. Согласно результатам последнего обследования службы Гэллапа, 50% американцев относятся к России негативно, а позитивно — лишь 44%. В то же время, по данным ВЦИОМ за февраль 2013 г., США воспринимают позитивно 55% россиян, а негативно 30%. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/article/print view/1618516>. <http://www.golos-ameriki/articleprintview/1582726.html>.
26. Согласно результатам последнего обследования службы Гэллапа, 50% американцев относятся к России негативно, а позитивно — лишь 44%. В то же время, по данным ВЦИОМ за февраль 2013 г., США воспринимают позитивно 55% россиян, а негативно 30%. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/article/print view/1618516>. <http://www.golos-ameriki/articleprintview/1582726.html>.
27. <http://svpressa.ru/politic/article/54569/>

Южно-Китайское море: Китай и другие

© 2013

В. Воробьев

Ситуация в Южно-Китайском море в последние годы обретает черты зоны риска тихоокеанского масштаба. Однако опасную грань пока никто не переступает. Судя по всему, дело не только в территориальных спорах Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии — членов АСЕАН. Проблематика ЮКМ в некоторых ее аспектах выходит за региональные рамки.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, страны Юго-Восточной Азии, территориальные споры, свобода мореплавания, США, Россия, Китай.

Ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ), считавшаяся некогда «раздражителем» местного значения, как бы замыкавшим с юга «восточноазиатскую дугу конфликтности», в последние годы обретает черты зоны риска тихоокеанского масштаба. Там учащаются случаи подскоков политической температуры, всплесков жесткой риторики и демонстраций военных мускулов. Правда, несмотря на рост настораживающих моментов, опасную грань никто не переступает.

Налицо заметное расширение спектра интерпретаций той ситуации, которая сложилась в ЮКМ. Еще недавно конфликт трактовался как столкновение позиций Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии — членов АСЕАН (Филиппины, Вьетнам, Малайзия, Бруней, отчасти Индонезия) относительно прав на владение несколькими группами необитаемых островов, рифов и отмелей, разбросанных по всему пространству ЮКМ, а также пределов их исключительных экономических зон и континентального шельфа. Претензии подобного рода высказывает также Тайвань.

Однако, судя по всему, подоплека нынешней ситуации не столь однолинейна, она принимает многомерный характер. Проблематика ЮКМ в некоторых аспектах выплескивается за узко региональные рамки. Реально действующих лиц на сегодня оказывается заметно больше, чем непосредственных участников территориальных споров.

* * *

Прежде всего, сами споры, идущие в основном вокруг двух больших групп островов — Парасельских и Спратли (общепринятые названия), являются сложносоставными. Имеет место перекрещивающееся наложение притязаний. Одну и ту же территорию называют своей одновременно и Китай и, в разных сочетаниях, перечисленные выше страны, которые к тому же находятся в несогласии между собой по тем же самым островным землям.

АСЕАН, начинавшаяся 40 с лишним лет назад с шести стран, а сейчас насчитывающая десять, в определенной степени создавалась и ныне служит неким амортизато-

ром территориальных и пограничных проблем, которые были и сохраняются в Юго-Восточной Азии на море и на суше в различной степени остроты.

Выглядит, например, курьезом, но остается фактом то, что Филиппины, считающие недорешенным вопрос о принадлежности малайзийского штата Сабах (северо-восточная оконечность острова Борнео (Калимантан), до сих пор получают символическую ежегодную дань от правительства Малайзии в пользу сабахского султана, обитающего на Филиппинах. Тот же Сабах, а также другой малайзийский штат на Борнео Саравак (оба прежде британские владения) в доколониальные времена составляли обширное брунейское государство, которое потом оказалось ужатым до его нынешней мизерной сухопутной территории. На Борнео у Малайзии вопросы о границе также с Индонезией, а на севере — с Таиландом. Примеров актуализации «исторической памяти» среди стран Юго-Восточной Азии достаточно много, взяты Таиланд и Камбоджу. Это и касается конкурирующих версий о принадлежности островов в ЮКМ с весьма давних времен.

Иными словами, в регионе существует перманентный фактор в виде взаимных территориальных претензий и обид, причем заметных встречных шагов к их снятию в двустороннем порядке пока не просматривается. Сближает спорящих стремление держать ситуацию под контролем. Структуры АСЕАН дают возможность умеривать вспышки или купировать их через внутренние политические процедуры. Своеобразным тормозом для спорящих стран Юго-Восточной Азии выступает то, что в территориальных аспектах проблематики ЮКМ они вроде бы вместе вынуждены противостоять Китаю. АСЕАН в этом случае используется ими как коллективное прикрытие, позволяющее формировать некую общепринципиальную платформу, противостоящую нависающему давлению со стороны Китая. В то же время китайский предлог служит «патриотичной» ссылкой для объяснения растущих затрат и усилий с целью увеличения и совершенствования собственных военных потенциалов, которые ни при каких усилиях не в состоянии уравновесить китайский. Таким образом формируется тенденция милитаризации мышления, которая способна быстро подмять под себя все остальное.

Китай предьявляет свои «исторические козыри». Он утверждает, что в анналах древних императорских династий острова в ЮКМ не только упоминаются еще две тысячи лет тому назад, но уже тогда им были даны китайские названия, сохранившиеся поныне. В Китае имеют хождение карты с показом давно принятых в стране представлений о территориальном наполнении китайского государства в периоды сменявших друг друга династий. Сухопутные имперские границы на них получают разные начертания — так, если в эпоху Юань (XIII—XIV вв.) Восточная Сибирь вплоть до арктического и тихоокеанского побережий включается в состав Китая, то затем пределы империи оказываются значительно южнее и западнее, на линии чуть севернее озера Байкал. Но, начиная с первой династии Цинь (III в. до н.э.), практически вся акватория ЮКМ последовательно и неизменно показывается китайской. В точности так, как это выглядит на современных официальных картах КНР, а именно — не сплошной линией, принятой для обозначения государственной границы, а в виде прерывистой «линии девяти пунктиров».

Конечно, карты «древних владений» в их нынешнем виде являются во многом умозрительным продуктом гораздо более поздних времен, чем периоды существования императорских династий. Однако по китайским меркам они обрели статус аутентичного исторического свидетельства, почти официального документа. Судя по всему, именно такого рода «исторические» карты были переданы в ООН в 1947 г. гоминьдановским правительством в обоснование известной сейчас всем китайской позиции относительно принадлежности островов и морской акватории в ЮКМ. Таким образом, сущность современной линии Пескина в данном вопросе — это не столько проявление или следствие политики быстрого «возвышения» и укрепления мощи Китая в последние три десятилетия. Скорее следует вести речь о преемственности и устойчивости в китайском социуме исторических стереотипов, невзирая на смену эпох и природы властных структур.

Бросающейся в глаза особенностью споров между Китаем и рядом юго-восточных стран вокруг островов в ЮКМ является то, что в них не фигурируют договорные акты, которые могли бы недвусмысленно подтвердить территориальные амбиции любого из участников или свидетельствовать о том, что кто-то нарушает правоустанавливающие документы по данной тематике или не считается с ними. Получается, все играют на достаточно зыбком поле «исторических» ссылок и туманных прецедентов, трактуемых каждым в свою пользу. Обладая самыми длительными письменными хроникальными источниками и непрерывностью суверенной истории, Китай располагает здесь заведомым преимуществом. Другое дело, что при территориальных спорах экскурсы в историю имеют, главным образом, эмоционально-мобилизующую нагрузку. Для международно-правового решения они несут факультативный, вспомогательный характер, уступая, в конечном счете, приоритет соображениям политической целесообразности, а бывая, и конъюнктуры. Главное во всем этом, чтобы битва «исторических памятней» не оборачивалась реальными сражениями, что, к сожалению, иногда получается.

* * *

Широко утвердилось мнение, что ЮКМ — это уже не только и не столько источник ценного природного удобрения (птичье гуано) и рыбных ресурсов. Перспективы района связывают с крупными газовыми и нефтяными залежами. В млрд куб. м и в млн т они оцениваются прикидочно, но цифры, как правило, выкладываются соблазнительные. С расширением утилитарного внимания в ЮКМ к энергоносным донным пространствам владение островами, независимо от их размеров и пригодности к обитанию, вдобавок к стратегической важности обретает и коммерческую значимость. Острова играют роль определяющих критериев при дележе этого пространства прилегающими к ЮКМ и расположенными вблизи государствами. А почти все они, не дожидаясь окончательного урегулирования споров, активно приступили к разведке и разработке морских недр в ЮКМ с привлечением внерегиональных игроков, включая Россию.

Южная оконечность островов Спратли, являющихся предметом перекрестного многостороннего спора, отстоит почти на 1000 км южнее побережья КНР, которая в отличие от юго-восточных стран претендует на всю группу (наряду с Тайванем). Китай уже занимает все Парасельские острова, с чем решительно не согласен Вьетнам, считающий их полностью своими. Иными словами, реализация китайского подхода подразумевает получение Китаем единоличного права контроля почти над всей акваторией и морским дном ЮКМ, то есть узаконение в одностороннем порядке того, что обозначается Китаем на «древних» и современных картах.

Однако такой подход вряд ли найдет поддержку у мирового сообщества. Через ЮКМ осуществляется интенсивное международное судоходство, проходят морские коммуникации, жизненно важные для большого числа стран, расположенных на разных континентах. Происходящее в последние годы смещение динамики мировой экономической активности в азиатско-тихоокеанскую зону предполагает неукоснительность обеспечения свободы навигации в ЮКМ и через него. Это — самостоятельный фактор в проблематике ЮКМ, и его нельзя игнорировать. Он становится еще одним мотивом и оправданием стимулирования военных приготовлений в районе ЮКМ, которое проявляется не только в заметном переключении на военные нужды сил и средств прибрежных стран ЮВА в опоре на внерегиональные государства, но также в наращивании последними разнообразных форм военного присутствия и активности в Восточной Азии и в зоне ЮКМ. Военные приготовления Китая, которые осуществляются с учетом характера действий «всех игроков», интерпретируются наблюдателями не как следствие тлеющих территориальных споров, а как угроза свободе навигации в ЮКМ.

Что же получается в реальности? Складывается своего рода замкнутый круг гонки вооружений и накопления дестабилизирующих элементов, который внешне выглядит как

противостояние озабоченности мирового сообщества состоянием и перспективами свободы мореплавания в ЮКМ и гипотетических посягательств на нее со стороны Китая.

Конечно, предполагать можно всякое, невзирая на отсутствие соответствующих прецедентов или сигналов о подобных намерениях. Такой «прогноз» становится удобным предлогом для разыгрывания «карты» интернационализации тематики ЮКМ. Неважно, что для современного Китая, одного из ведущих глобальных экспортеров, плотно завязанного на непрерывной подвоз сырья и энергоресурсов, морские коммуникации, особенно через ЮКМ, играют жизнеобеспечивающую роль. Не зря же Китай развил на своем побережье несколько крупнейших в мире торговых портов и мощное океаническое судостроение. Он формирует зоны свободной торговли на юге с АСЕАН, а на северо-востоке с Японией и Южной Кореей. Сбои в функционировании морских путей имели бы самое разрушительное воздействие, прежде всего, на китайскую экономику с далеко идущими социально-политическими последствиями.

Так, может быть, дело не столько в реальности китайской угрозы свободе судоходства, сколько в том, что под этой «маркой» внерегиональные игроки стремятся разжиться дополнительными рычагами и оправданиями для выстраивания собственных военно-политических комбинаций с прицелом на «сдерживание амбиций» КНР?

С приходом в 2008 г. к власти в США демократов Вашингтон практически сразу определил в качестве приоритетной задачу восстановления, а на деле — упрочения своего военно-политического лидерства и конкурентных позиций в тихоокеанском бассейне. Словно по заранее проработанным и сцепленным воедино «домашним заготовкам» пошло быстрое оживление и упорядочение традиционных союзнических связей, реанимация и модернизация прежних, а также установление новых партнерских отношений. Выстраивание на этой основе новых политических и экономических конфигураций. В том числе азиатской системы ПРО, создание которой ведется темпами, не уступающими европейской.

Показательны в этом смысле рассуждения министра обороны США Роберта Гейтса в статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» № 3 за 2010 г. Ее лейтмотив в том, что США должны стараться избегать прямых военных интервенций и делать ставку на развитие и использование потенциалов партнеров — «помогая другим, защищать себя». При этом важнейшим элементом стратегии американской национальной безопасности провозглашается безопасность и укрепление государственных структур других стран. Реализация данной линии рельефно проступает на примере Филиппин. Они стали вновь заметно крениться в американскую сторону. Практически взят курс на форсированную военную модернизацию в опоре на США, на создание современных вооруженных сил, которые доселе уступали по численности и техническому оснащению полиции и внутренним войскам, а также были ориентированы в основном на подавление оппозиционных и сепаратистских сил. США предоставляются дополнительные возможности для размещения их мобильных сил, разведывательных пунктов дальней радиолокации и оборудования подводного слежения, прежде всего, нацеленных на ЮКМ и китайские прибрежные воды. Не отсюда ли резкое оживление и задиристость Манилы в последние год-два по поводу островов в ЮКМ?

Географически американская активизация практически совпадает с упомянутой выше восточноазиатской дугой конфликтогенности. Это очень заметно, но не озадачивает. Ведь политика США на Тихом океане, да и в АТР в целом во всех ее проявлениях ориентирована, прежде всего, на обеспечение себе положения доминантной фигуры в условиях обостряющегося состязания с Китаем по мере его превращения в самобытный полюс в мировом раскладе сил. Если отношения между Китаем и США можно описать как диалектически подвижное сосуществование двух величин, то ЮКМ, вновь оказавшись в последние годы в фокусе внимания Вашингтона, становится местом непосредственного соприкосновения двух стран в их военно-морской компоненте. США, таким образом, целенаправленно хотят играть в ЮКМ не вспомогательную роль заинтересован-

ного внерегионального государства, а выступать в качестве субъекта, наделяющего себя «режиссерскими функциями». В этом следуют видеть весомую часть общей тихоокеанской стратегии США, с которой придется считаться всем, кто хочет, чтобы ЮКМ не стало очагом пожароопасности.

* * *

Многокомпонентный характер проблематики ЮКМ не располагает к тому, чтобы кто-то сумел предложить универсальный ключ, который обеспечил бы одномоментное комплексное решение. Это представляется далеким от реальности как с точки зрения ожиданий, так и в плане вектора усилий.

В проблематике ЮКМ можно констатировать наличие двух крупных, неодинаковых по смыслу, но не изолированных друг от друга сегментов. Во-первых, клубок территориальных споров насчет островов и вытекающая отсюда тема установления морских и донных границ, сама по себе несущая заряд серьезных разногласий. Во-вторых, обособленная забота международного сообщества о том, чтобы в этом районе конфликтная ситуация удерживалась в контролируемом состоянии и не сказывалась на свободе морских коммуникаций.

Применительно ко второму сегменту можно говорить о широком схождении интересов (но вовсе не обязательно о совпадении мотивов) большого числа государств, в том числе внерегиональных, включая Россию. То есть о наличии объективной предпосылки рассматривать вопрос в интернациональной проекции со свойственным такому подходу инструментарием. В общей форме он уже довольно давно обсуждается на ежегодных министерских заседаниях асеановского регионального форума по безопасности (АРФ), с недавних пор — на Восточно-азиатских саммитах (ВАС), в обоих случаях с участием России. Он неизменно затрагивается на встречах АСЕАН с диалоговыми партнерами, которые регулярно проводятся в различных форматах. Позиции всех участников достаточно известны, как и тональность, в которой они озвучиваются. Эти позиции воспроизводятся каждый раз примерно схожим образом с той или иной долей фразеологической нюансировки. Поэтому потребности в еще одном специальном механизме по ЮКМ не просматривается.

Что касается первого сегмента, то там налицо противостояние претензий по специфической теме субъективного порядка — территориально-разграничительной. Теме, которая в ЮКМ не имеет внешних источников происхождения, а потому должна быть отнесена к предмету урегулирования, прежде всего, между самими спорщиками. Именно в недопущении того, чтобы они действовали силовым образом в отношении друг друга, а не во «встревании» в переговорный процесс видится роль международного сообщества.

Следует подчеркнуть, что в ЮКМ речь идет не об урегулировании пограничных вопросов. В таких случаях путем сложных переговоров стороны сопоставляют взгляды относительно соответствия прохождения линии существующей и в целом международно-признанной границы, установленной ранее на основе сохраняющих силу правовых актов. Принадлежность того или иного района определяется не заранее, а в зависимости от местоположения границы на местности.

При территориальном споре все наоборот. Конкретное разграничение играет подчиненную роль. Стороны сперва делят территории, бывает, что крупными кусками, а затем прокладывают заново границу. При этом они могут принимать во внимание разнообразные моменты, в том числе исторического порядка. Но все же конечная формула, как правило, диктуется политической волей участников, несет на себе печать «весовой категории» и замыслов каждого из них.

Решать вопрос о принадлежности земель, будь то на суше или на море, можно тремя основными способами. Первый — когда, обычно по итогам войны, группа государств-победителей договаривается о территориальном устройстве мира (или его значи-

тельных частей), включая конкретные предписания относительно будущих пределов юрисдикции проигравших стран. К такого рода фундаментальным решениям относятся Версальский мир 1919 г. после Первой мировой войны, Ялтинские и Потсдамские соглашения после разгрома гитлеровской Германии в 1945 г. Последние соглашения затрагивают также Японию, как основного азиатского союзника Германии. Они подтверждены в правоустанавливающих документах ООН.

Так, например, спор между КНР и Японией по поводу мелких необжитых островов Дяюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском море по сути своей является не только и не столько историческим или сугубо территориальным. Дело касается вопроса о неукоснительном соблюдении итогов Второй мировой войны в том, что относится к постановлениям насчет ограничений территориальной юрисдикции Японии. Проблематику ЮКМ послевоенное территориальное распределение не затрагивает.

Второй способ — когда группа государств фиксирует отказ от взаимных территориальных претензий или берет на себя обязательство уважать и соблюдать неприкосновенность границ, существующих на момент договоренности. Это — сугубо политические решения на основе добровольности. На такой основе строятся НАТО и Евросоюз. Подобный современный подход заложен в Хельсинский договорной акт 1975 г. Показательно, что, несмотря на последовавшие пертурбации на Европейском континенте, распад ряда государств-подписантов акта, границы новообразовавшихся стран не выходят за внешние контуры прежних государств.

Третий — когда заинтересованные стороны договариваются между собой. Это можно делать непосредственно или с привлечением посредников по выбору участников в лице третьего государства, какой-либо международной организации или Международного Суда в Гааге. В таком случае добраться до решения и принять его невозможно, если постоянно обращаться назад, оглядываться на древность, а не развернуться лицом в будущее и самим его формировать.

Выше уже отмечалось, что спорящие не апеллируют к строгим юридическим документам, способным убедительно подтвердить их претензии. Все они обращаются к историческому фону, а скорее к собственным представлениям о нем. Такая диспозиция приводит к выводу, что поиск решений территориальных споров в ЮКМ может идти преимущественно на политическом поле, а решения — зависеть от соображений дальнейшей стратегии, быть вариативными по составу участников и поэтапными во времени. Иными словами, было бы опрометчивым рассчитывать на то, что все удастся урегулировать комплексно, одномоментно, «большим пакетом». Так или иначе, надо быть готовыми к тому, что этот поиск окажется нескорым процессом, с большой вероятностью сбоев, демонстративных перемен настроения, откатов от, казалось бы, твердо заявленных позиций.

* * *

Вариант, при котором все спорщики заявят об отказе от своих претензий и выразят готовность к переговорам с «чистого листа», представляется абсолютно нереалистичным. Для Китая это было бы равносильно геополитическому отступлению, созданию прецедента перелицовки собственной версии истории, чреватого потрясением устоев внешней политики страны на всех азимутах. Достаточно напомнить, что все группы островов в ЮКМ под китайскими названиями перечислены в принятом в 1992 г. Законе о территориальном море (водах) КНР как китайская территория, а также включены в состав специально образованной под эти цели островной провинции Хайнань. Почти вся акватория ЮКМ именуется в Пекине «китайскими историческими водами». При таких исходных позициях оказываются «подвешенными в воздухе» ссылки Китая на применение положений Конвенции ООН по морскому праву, ибо она исходит из наличия международно-признанных государственных пределов, включая вопрос о том, что можно считать историческими водами.

К Конвенции апеллируют и страны ЮВА, споря не только с Китаем, но и между собой. При этом они пытаются «растягивать» положения Конвенции применительно к своим интересам, стараясь инкорпорировать спорные островные районы в состав собственных провинций. Так, например, Филиппины, состоящие из более чем 7 тыс. островов, примеривая на себя особый статус «архипелажных вод», предусмотренный Конвенцией, долго изыскивали возможность подвести под него занятую ими часть островов Спратли под местным названием «Калаян». Хотя в установленные конвенционные критерии это не вписывалось, Манила объявила о присоединении указанного района к провинции Палаван в качестве особой административной единицы, а затем стала избегать название «Южно-Китайское море», заменяя его на «Западно-Филиппинское». Вьетнам, обиженный на Китай за оккупацию Парасельских островов, закрепил свои взгляды в Морском законе 2012 г. и тоже подбирает собственное наименование для ЮКМ. Тайвань, твердо следует имперским китайским взглядам на ЮКМ, то есть де-факто солидарен с Пекином. Но несмотря на отливы и приливы в отношениях с материковой частью Китая, держится особняком, дабы таким образом обозначить свою самостоятельность и в данном аспекте.

Тем не менее, вопрос о закреплении территориального статус-кво в ЮКМ не выглядит бесперспективным. По образцу Европы, каждый при этом мог бы оставаться при своей интерпретации исторических событий, отдав ее на окуп научным кругам. Почему бы, например, не рассматривать отдельно две основные группы островов — Парасельские (КНР — Вьетнам) и Спратли? Если брать Спратли, Филиппины на сегодня заняли 8, КНР — 9, Вьетнам — 21, Малайзия — 3, Тайвань — 1 (наиболее крупный). Причем речь идет о явочном порядке, что не отменяет перекрещивающихся претензий. Трудно представить, как при такой конфигурации претендентов могут выглядеть переговоры по этой группе островов на двусторонней основе. Действительно, классический подход подразумевает двусторонность в решении территориальных проблем. Но кто с кем и о чем будет говорить? Китай предлагает свой путь и настаивает на нем. Если он имеет в виду недопущение вмешательства внерегиональных сил, будь то созыв широкой международной конференции, которая занялась бы разбором территориальных споров в ЮКМ или навязывание извне арбитражных институтов, то с ним можно согласиться. Но тогда, принимая во внимание его «весовую категорию» великой державы, от него желательно получить конкретизацию его собственной точки зрения хотя бы в отношении «переговорной технологии». Иначе его позиция выглядит формальной и крайне общей, отстраненной от реальных обстоятельств.

Своеобразная двусторонность с Китаем могла бы сложиться при условии, что спорящие страны, входящие в АСЕАН, согласились бы под эгидой ассоциации зафиксировать нынешний статус-кво по островам Спратли между собой. Такой образ действий отвечал бы генеральной линии развития АСЕАН, ставящей перед собой амбициозную и далеко идущую задачу создания к 2015 г. интеграционного сообщества — экономического, социально-культурного, политики и безопасности. АСЕАН также исходит из того, что продвигаясь по этому пути, ассоциация будет закреплять за собой положение центробразующей организации тихоокеанского бассейна. А именно так она себя позиционирует сейчас.

В рамках подобной логики сохранение внутри АСЕАН территориальных и пограничных споров между ее членами в принципе становится тяжелым грузом, тормозящим фактором, инородным явлением по отношению к заявленным целям, особенно в сфере политики и безопасности. Тревожные признаки разобщенности в этой сфере начинают давать о себе знать, как это случилось в 2012 г. в Пномпене, когда впервые в истории Ассоциации не удалось согласовать итоговый документ ежегодной встречи. Формально речь шла о формулировках, затрагивающих территориальные споры с Китаем ряда ее стран-членов, но за этим просматривается гораздо более широкий подтекст. На каком-то этапе АСЕАН придется осознать, что решение генеральной задачи формирования тесной внутренней взаимосвязанности (connectivity) вряд ли осуществимо без сня-

тия таких обременителей и раздражителей, как территориальные и пограничные споры на всем пространстве Ассоциации. Будет ли это сделано сразу или постепенно, вопрос времени и политической воли. Начать можно с островов Спратли, которые стали бы символом большого асеановского консенсуса.

Подобного рода консенсус подразумевает разрушение стереотипов, преодоление серьезных ментальных барьеров. Но он служил бы показателем зрелости АСЕАН, гасил ненужные ей эрозийные проявления, упрочивал ее международный авторитет. В свою очередь консолидированный подход асеановских стран-участниц споров с Китаем усиливал бы их индивидуальные позиции в двустороннем диалоге с этой страной по территориальным вопросам в ЮКМ.

* * *

Движение в этом направлении отнюдь не означает подмены или отказа от выработки такого документа, который бы кодифицировал нормы поведения в ЮКМ. То есть развивал и дополнял положения Декларации, принятой в 2002 г. АСЕАН и Китаем, только делал бы это в более строгой договорной форме. Соответствующая задача неизменно стоит в повестке дня асеано-китайских отношений уже в течение ряда лет, не вызывая возражений ни у одной из сторон. Ее позитивное решение позволило бы разрядить общую обстановку в ЮКМ и создать более здоровую атмосферу вокруг территориальных споров, работало бы на обеспечение свободы судоходства. Поэтому можно утверждать, что в появлении такого документа есть живая заинтересованность международного сообщества.

Понятно, что подготовка обязывающего кодекса — дело ответственное и сложное, будь то с точки зрения концептуальных замыслов или в плане содержательного наполнения. Декларация 2002 г. представляется весьма удачной первоосновой. Она содержит в себе достаточные предпосылки и солидные правовые заделы для того, чтобы стать каркасом намеченного документа. Думается, определенную пользу его составителям могло бы принести обращение к опыту других стран, например, в том, что касается необходимости конкретизировать понятие «меры доверия». В общем виде о них упоминается в Декларации. Между тем, это положение заслуживает специального внимания, учитывая тревожные симптомы ситуации в ЮКМ.

Существуют прецеденты подобного рода документов с участием Китая. Они были выработаны и подписаны применительно к районам сухопутных границ между Китаем и Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Индией. Примечательно, что соответствующие соглашения заключались тогда, когда еще не были до конца и полностью решены вопросы о границе. То есть, два переговорных процесса вполне могут идти параллельно, дополняя, а временами подталкивая и стимулируя друг друга. На первый взгляд, речь в этих документах идет о военной сфере, очень чувствительной самой по себе. Но по сути, они затрагивают глубинные политические аспекты взаимоотношений, коренные национальные интересы государств-участников. Поэтому базовые элементы сформулированных в них мер доверия могут рассматриваться в гораздо более широком контексте как географически, так и субстантивно.

Возьмем два документа, которые, по общему признанию, носят «первопроходческий» характер для АТР и сразу вызвали большой резонанс в мире.

Первый — это Соглашение 1996 г. между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем об укреплении доверия в военной области в районе границы, давшее толчок развитию многопланового конструктивного взаимодействия стран-участниц и стимулировавшего образование в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества.

Второй — подписанное в 1990 г. Соглашение, тогда между СССР и КНР, о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления мер доверия в военной области в районе границы. Из него выросло упомянутое Соглашение 1996 г., а затем Соглашение 1997 г. между пятью государствами о взаимном сокращении воору-

женных сил в районе границы (последнее представляет интерес в качестве инструмента постоянного мониторинга военной активности в согласованных географических зонах, включая институт взаимных инспекций).

Можно заметить что, во-первых, предметное обсуждение темы мер доверия шло поэтапно — от выработки общих установок к согласованию конкретных моментов и, во-вторых, был проявлен творческий подход, когда стороны соглашались фиксировать договоренности по мере их достижения. Иными словами, сами переговоры о выработке мер доверия выполняли функцию укрепления доверия между странами и взаимопонимания между их военными кругами, а это всегда имеет важное, нередко определяющее значение.

Что касается самих договоренностей, то, думается, вполне актуальными можно назвать такие формулы, как «взаимное неприменение силы или угрозы силой», «отказ от получения одностороннего военного превосходства», «повышение уровня транспарентности в военной области» (Соглашение 1996 г., преамбула), то, что «вооруженные силы не будут использоваться для нападения на другую Сторону, вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другой Стороне». (Соглашение 1996 г., статья 1). Соглашение 1996 г. также предусматривает ежегодный обмен информацией о согласованных компонентах вооруженных сил и пограничных войск, направление уведомлений о крупномасштабной военной деятельности и перемещениях войск, приглашение наблюдателей на военные учения, укрепление дружеских контактов по военной линии. Все эти меры неукоснительно выполняются странами-подписантами. Создан и бесперебойно действует специальный механизм — совместная контрольная группа дипломатических и военных экспертов, призванная отслеживать ход реализации Соглашения 1996 г. (а также Соглашения 1997 г.). Символично, что Соглашение 1996 г. о мерах доверия имеет неограниченный срок действия.

Наполнено важным политическим смыслом установочное Соглашение 1990 г. Заложенные в нем руководящие принципы имеют собственное лицо, сохраняют свою важность в качестве примера и образца конструктивного подхода к развязыванию сложных узлов межгосударственных отношений.

Далеко идущее значение имеет правозглашение базового принципа «взаимной равной безопасности». Новаторски звучит обязательство, гласящее, что войска сторон будут «лишены способности осуществлять внезапное нападение и вести наступательные операции». Практическое преломление могло бы иметь положение статьи 7 о том, что «до всестороннего разрешения пограничных вопросов стороны строго соблюдают статус-кво (на границе)».

Разумеется, речь здесь ведется не об автоматическом переносе или о прямом заимствовании всего того, чем наполнены два соглашения, но эти документы могли бы стать полезным подспорьем для разработчиков Кодекса поведения в ЮКМ.

* * *

Россия, будучи по своему географическому положению евро-тихоокеанской державой, реально заинтересована в том, чтобы существующие в зоне Тихого океана трения, включая территориальные споры в ЮКМ, не принимали конфронтационный облик, тем более не перерастали в силовые акции. Отдаленность России в морских милях от района ЮКМ не может и не должна восприниматься как ее отстраненность от того, что в нем происходит, и куда там могут пойти события.

У России ровные, нормальные, партнерские связи и контакты, со всеми странами, расположенными в Восточной Азии, уважительное отношение к АСЕАН как к утвердившейся организации с большими перспективами. Всестороннее доверительное стратегическое партнерство с Китаем — важнейший приоритет российской внешней политики в целом и в АТР, в частности. У нее существует понимание характера взаимодействия США с их традиционными контрагентами в регионе, своя оценка политики Ва-

шингтона, нацеленной на то, чтобы закрепить и усилить свое присутствие в Восточной Азии, особенно вблизи морского оборонительного периметра Китая.

Вместе со всем международным сообществом Россия хочет, чтобы в ЮКМ не возникало обострений, подрывающих мирную обстановку в регионе и угрожающих свободе мореплавания. Так сложилось, что решение территориальных споров в ЮКМ находится в связи с режимом навигации, то есть переплетение проблем, которые принято решать в двустороннем суверенном порядке, как бы оказывается в одной плоскости с многосторонними озабоченностями. Но это не означает их смешивания в один искусственный узел, который только способен становиться все более запутанным и опасным.

Следует выстраивать рамочный контур российской позиции по ЮКМ, исходя из всех параметров развития обстановки. Безусловно, она должна обладать внутренней подвижностью, быть адекватной обстоятельствам, более того — быть способной влиять на них, в том числе путем дружественных рекомендаций на основе собственного опыта и работок в деле культивирования атмосферы доверия и взаимопонимания между странами.

Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе?

© 2013

Ю. Морозов

В статье анализируются итоги иностранного военного присутствия в Афганистане и проблемы вывода военных сил, стратегия США по отношению к Афганистану и сценарии развития обстановки после 2014 г., позиции России и Китая по отношению к складывающейся ситуации. Предлагаются совместные международные меры для стабилизации обстановки в Афганистане и в регионе.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, безопасность, Россия, Китай, НАТО, ШОС.

Предварительные итоги иностранного присутствия в Афганистане

К 2014 г. США завершат проведение военной операции в Исламской Республике Афганистан (ИРА) «Несокрушимая свобода», начатой в ответ на террористический акт 11 сентября 2001 г. Это самая продолжительная военная акция в истории Соединенных Штатов. Она проводится совместно с Международными силами содействия безопасности в Афганистане (ISAF) под командованием НАТО, в состав которых вошли представители 50 стран — как членов НАТО, так и не входящих в альянс. Они действуют в соответствии с резолюцией № 1386 2001 г.¹ По состоянию на ноябрь 2012 г. эти силы насчитывали около 113 тыс. военнослужащих при преобладающем представительстве США — более 74 тыс. В их задачи входят поиск и уничтожение боевиков движений «Талибан» и «Аль-Каида», формирование афганской армии, наведение порядка в стране и оказание помощи правительству Афганистана в восстановлении экономики.

На саммите в Лиссабоне государства-участники ISAF приняли решение вывести военный контингент из ИРА до 2014 г. В итоговом документе саммита сказано, что условия мандата выполнены в силу восстановления порядка в определенных зонах, уничтожения бен Ладена и завершения в основном формирования национальной афганской армии, которую признали готовой принять эстафету от сил ISAF.

Однако сравнение реального положения дел в Афганистане с декларациями саммита заставляет усомниться в его итоговых выводах. Поэтому в свете запланированного вывода иностранных войск из Афганистана было бы целесообразно оценить: чего же добились США и их союзники за время пребывания в этой стране?

Иностранное военное вмешательство в дела суверенного государства имеет определенные цели, определяющие действия в ключевых областях — политической, военной и экономической. Общий анализ сложившейся в настоящий момент ситуации в ИРА показывает, что международная миссия в этой стране добилась весьма немногого, и лишь правительства участвующих в ней стран считают ее успешной.

В политическом плане Афганистан по-прежнему остается нестабильным. Оккупация его территории США и их союзниками по НАТО имела целью лишь создание геополитического плацдарма в центре Евразийского континента, чтобы эффективно влиять на обстановку в восточной части этого континента². Поэтому они не планировали на деле привлекать в международную коалицию ведущие государства этого региона — Россию и Китай. Более того, они не смогли в достаточной степени привлечь к процессу урегулирования ситуации в Афганистане Пакистан, своего давнего союзника в Южной Азии.

Традиционной ошибкой США и их союзников по коалиции стали их попытки сконструировать в Афганистане государственную систему по западным стандартам. Навязывание афганскому обществу чуждых и непонятных западных ценностей, к тому же идущих в разрез с национальными устоями и религиозными традициями, не было поддержано подавляющим большинством населения страны. Это дестабилизирует ситуацию в стране и затрудняет решение фундаментальных проблем в социально-экономической сфере, что приводит к росту радикальных настроений.

По-существу, сейчас в стране существует двоевластие. Усилиями западного сообщества в Афганистане созданы институты новой государственной власти, проведены выборы, в том числе на местном уровне. Однако реальная власть на местах принадлежит талибам, которые влияют на обстановку в провинциях через религиозных деятелей, лидеров этнических кланов и местных полевых командиров. Центральная власть в Кабуле, патронируемая Западом без учета современных реалий, остается практически недееспособной, демонстрируя отсутствие четких целей и реальных концепций развития страны. Присутствие же в госструктурах большого числа иностранных советников расколаживает афганских чиновников, которые стремятся уйти от принятия конкретных решений³.

Ныне разобщенность в афганском обществе ничуть не меньше, чем 12 лет назад: здесь перемешались национально-этнические и религиозные противоречия, амбиции политических и военных деятелей, а также региональных авторитетов. Как представляется, это слабо учитывается внешними участниками внутриафганских процессов. Несмотря на победные реляции, талибы остаются реальной силой в Афганистане, противостоять которой нынешнее правительство не в состоянии ни в политическом, ни в военном аспекте. Многолетнее противостояние США с «Талибаном» только усилило эту организацию, закалило ее политически и подготовило к возвращению к власти.

В военном отношении США и силам ISAF тоже особо гордиться нечем. Не декларируемыми, а реальными достижениями операции «Несокрушимая свобода» являются сохраняющаяся военная напряженность в Афганистане и рост антиоккупационных настроений в обществе. Соппротивление талибов военной силе не преодолено. Несмотря на отдельные успехи военных акций значительная часть территории страны по-прежнему остается под контролем движения «Талибан». Оно практически безнаказанно действует в провинциях Пактия, Хост, Заболъ, Кандагар, Гельменд и Нимруз (Рис. 1)⁴.

Командованием оккупационных войск не до конца был учтен менталитет афганцев, которые с небольшими перерывами воюют уже более 30 лет, и к иностранным военным у них отношение однозначное: «Это враги». За плечами талибов стоит многолетний опыт ведения боевых действий в привычной местности, неприхотливость в обиходе и крайний фанатизм. Их поддерживают добровольцы из многих мусульманских стран, им также сочувствует население ряда афганских и пакистанских провинций.

При помощи США и других стран численность сформированной армии Афганистана по состоянию на ноябрь 2012 г. была доведена до 170 тыс. чел. Однако эта армия, которая должна принять эстафету от США и сил ISAF, слаба в двух отношениях. Во-первых, с военно-технической и идейной точки зрения. Во-вторых, у значительной части ее боевого состава отмечается низкий уровень мотивации и идеологической подготовки, что бросается в глаза на фоне более высокого боевого духа и религиозного фанатизма рядовых талибов и их союзников. При этом, если афганская армия сегодня все же при-

обрела некое подобие устойчивости, то национальная полиция по большей части коррумпирована, в ее составе немало агентов противника, и она не способна выполнять функцию стража общественного порядка.

Рисунок 1.

Военные базы ВС США и сил ISAF на территории Афганистана

Источник. Россия и Америка в XXI веке. М. 2011. № 3.

Негативному отношению к иностранному контингенту во многом способствует необоснованное применение военной силы, что приводило к гибели гражданского населения. Делая ставку на ведение неконтактных боевых действий⁵, командование американских войск и сил ISAF стремится свести к минимуму свои военные потери, но эта тактика влечет значительные жертвы среди мирных граждан. Так, потери среди афганского населения, по различным источникам, уже составили от 14 до 34 тыс. жизней, что очень существенно способствует росту антизападных, а заодно и антиправительственных настроений в Афганистане.

Потери сил международной коалиции по состоянию на 22 октября 2012 г. составляли 3190 военнослужащих погибшими. Наибольшие потери понесли США (2134), Великобритания (433), Канада (158), Франция (86), ФРГ (53)⁶. Однако американская армия и войска НАТО уходят из Афганистана со значительным опытом. Он был приобретен во время противостояния с постоянно меняющимся противником, который использовал различные методы и способы ведения боевых действий. Этот опыт может пригодиться альянсу в случае развязывания военных действий на других территориях, например — в Сирии и Иране⁷, либо в иных местах. Такие сценарии были описаны в журнале "Проблемы Дальнего Востока" в 2012 г.⁸

В целом 12-летняя военная кампания Запада, превзошедшая по своей продолжительности нахождение на афганской территории советских войск, демонстрирует, что ни одна центральная власть в Афганистане не будет в глазах населения обладать легитимностью и пользоваться уважением в условиях иностранного военного присутствия в стране. Такая власть воспринимается афганцами как держащаяся на иностранных штыках. Стано-

вится очевидным, что нахождение чужих войск на афганской территории, даже если их деятельность подкреплена мандатом ООН, а их целью является поддержание стабильности в государстве, выступает главным раздражающим фактором для населения Афганистана.

Экономическую стратегию тоже нельзя назвать успешной, если соотнести ее результаты с объемами затрат. Помощь США Афганистану, варьировалась от 1 млрд \$ в 2001 г., до \$2,3 млрд в 2012 г. Эти средства шли на реализацию главных направлений стратегии Запада по восстановлению Афганистана.

Одним из первых проектов стало активное строительство национальной кольцевой дороги протяженностью 3362 км, которую можно использовать для решения ряда военных задач, включая вывод войск из Афганистана⁹. Другим является транзит энергоресурсов из стран Центральной Азии (ЦА) в Южную Азию в рамках проекта ТАПИ¹⁰. В случае его реализации это будет альтернативный путь экспорта туркменского газа на мировые рынки без участия России¹¹. Еще одним региональным направлением транспортировки энергоресурсов является проект CASA-1000. Он призван обеспечить экспорт электроэнергии Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан.

Большое значение, придаваемое планам строительства дорог свидетельствует о том, что в западной стратегии восстановления Афганистана эта страна рассматривается, прежде всего, как «транзитный коридор» между Центральной Азией и Южной Азией. Афганские специалисты и региональные эксперты критикуют эту стратегию за отсутствие планов реализации инфраструктурных проектов, которые привели бы к появлению в стране большого числа новых рабочих мест. При этом критики ссылаются на примеры из «советской эпохи», когда в Афганистане при поддержке СССР было построено более сотни инфраструктурных объектов.

В 2011 г. были предприняты шаги по объединению ряда региональных проектов в один пакет под названием «Новый Шелковый путь». Он представляет собой совокупность транзитных проектов, которые должны соединить ЦА и рынки побережья Индийского океана в обход Китая. Эти вопросы интенсивно обсуждались в ходе пятой Региональной конференции экономического сотрудничества по Афганистану в Душанбе и в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, где состоялась министерские встречи, посвященные Афганистану.

Оператором объединенных проектов намерена стать Турция, хотя в официальных документах формат и состав участников «Нового Шелкового Пути» еще не определены. Ряд экспертов сомневаются в способности Анкары эффективно управлять реализацией столь сложного инфраструктурного проекта, тесно связанного с интересами соседних стран. При этом назывались политические причины, которые говорят не в пользу Турции. Главная из них — она является участником афганского конфликта¹². Кроме того, особое положение Анкары в реализации проекта может привести к потере интереса к нему со стороны нерегиональных государств-инвесторов.

Пока сложно сказать, насколько «Новый Шелковый путь» повлияет на эффективность реализации отдельных проектов, осуществление которых уже неоднократно переносилось, поскольку не решены проблемы безопасности и неясны перспективы военного присутствия коалиции в Афганистане. Так, в начале процесса вывода западной группировки из ИРА, стоимость объектов недвижимости в этой стране пошла вниз. В кабульском районе Вазир Акбар Хан в 2011 г. цены на недвижимость за год упали на 25–40%. И напротив, когда стала предметно обсуждаться перспектива сохранения части американских военных баз, падение цен на объекты недвижимости в Кабуле замедлилось¹³.

В настоящее время афганская власть живет за счет внешних кредитов, взамен обещая «вести борьбу с коррупцией, развивать демократические ценности в стране, защищать права и свободы своего населения»¹⁴. Эти обещания не совпадают с реальным положением дел. Значительная часть финансовой помощи Запада Афганистану расхищается или используется неэффективно.

Районы расположения групп восстановления провинций в Афганистане

Источник — ИА REGNUM. URL: <http://newzz.in.ua/conflict/>

Доказательством тому служит рост «опиумной» экономики, которая достигла объема почти в \$7 млрд, что намного превосходит главную статью официального экспорта Афганистана (ковры) с \$187 млн. Посадки же мака расширяются, и сегодня на Афганистан приходится 90% мирового производства этой культуры, возделывание которой стало главным видом деятельности по всей стране¹⁵. По данным ФСКН России, с 2001 по 2008 гг. производство опиатов и героина из мака в Афганистане выросло в 2–2,5 раза, 40% из них поставляется в Россию. Это представляет системную угрозу национальным интересам не только РФ и стран ЦА, а также государств Европы. Реальной борьбы с наркотрафиком из Афганистана не ведется. По мнению ряда экспертов, это вызвано опасениями США, что в случае развертывания активной борьбы с наркобизнесом потери американских войск резко возрастут. Так считает швейцарский журналист Р. Лабевьер, автор книги «Доллары террора. Соединенные Штаты и исламисты».

Следует отметить и то положительное, что привнесли силы ISAF в Афганистан. Частичному восстановлению мирной жизни в стране во многом способствовали группы восстановления провинций/PRT и «связи с гражданской администрацией», действовавшие в разных районах Афганистана (Рис. 2). Они помогали восстанавливать хозяйственную инфраструктуру, заключали соглашения с местными властями о привлечении имевшихся ресурсов в интересах мирной жизни, обеспечивали поддержку деятельности ISAF, оказывали помощь в решении юридических вопросов. Однако их усилия сводились на нет талибами, которые заставляли местное население уничтожать все то, что сделано руками «иноверцев».

Таким образом, иностранное присутствие в стране осуществляется не только и не столько в интересах восстановления Афганистана, сколько в геополитических и экономических интересах стран, вовлеченных в «афганский конфликт». При этом многомиллиардные средства, выделяемые зарубежными государствами в качестве экономической помощи, используются крайне неэффективно, в стране процветают коррупция и воровство. Это вызывает крайнее недовольство афганского населения и используется противниками правительства Х. Карзая, в первую очередь талибами, в пропагандистской деятельности, направленной на устранение иностранного присутствия в их стране.

Далеко не полный перечень проблем, сохраняющихся после 12-летнего пребывания США и сил ISAF в Афганистане, вызывает у мирового сообщества обеспокоенность по поводу сохранения стабильности в регионе. Поэтому Россия по завершении миссии ISAF намерена инициировать вопрос о предоставлении отчета Совбезу ООН командованием Международными силами содействия безопасности в Афганистане о результатах выполнения мандата № 1386¹⁶.

Американская стратегия в Афганистане после 2014 года

Как представляется, американская стратегия ухода из Афганистана, заключается в том, чтобы: «уйти, но остаться» в стране после 2014 г., сохраняя контроль над центром Евразии, где США преследуют важнейшие для себя геополитические, экономические, военные и иные цели. Вполне вероятно, что в стремлении сохранить свое лидерство в мире США, в случае обострения отношений с КНР и РФ, будут продолжать: стратегию, нацеленную на сдерживание Китая; недопущения интеграции государств ЦА и России; воспрепятствование превращения ШОС в геополитическое образование, способное противостоять США. Таким образом, присутствие США в центре Евразии диктуется:

– стремлением сохранить свой воинский контингент в Афганистане. Этим силам, учитывая сохраняющиеся базы в Узбекистане и Кыргызстане, будет достаточно, чтобы контролировать западные районы Китая, где находятся его стратегические объекты, в том числе полигон испытания ядерного оружия «Лобнор», а также восточную часть России как таковую и как стратегический «тыл» Китая;

– возможностью усиления своего влияния на государства ЦА. Вашингтон в последнее время существенно активизировал политическое и военное сотрудничество с руководством этих стран, что привело их к некоторому «дрейфу» в сторону США. При этом, в случае необходимости усиления своего влияния на государства ЦА, в арсенале американцев остаются проверенные на практике способы инициирования «цветных революций» в варианте «арабской весны»;

– привлекательностью проекта «Нового Шелкового пути», позволяющего вовлечь в него страны ЦА и вытеснить оттуда российские и китайские компании, а также получить доступ к ресурсам региона, создав при этом «транзитные коридоры» в обход России и Китая. Это даст возможность США влиять на экономическую ситуацию в регионе в выгодном для себя направлении, в том числе определять цены на сырье и услуги по его транспортировке.

Исходя из этого, ожидать полного ухода США из Афганистана не следует. Из страны будут выведены лишь боевые части, однако военное и иное присутствие США там останется¹⁷. В мае 2012 г. Вашингтон и Кабул подписали соглашение о стратегическом партнерстве, которое позволяет США оставить свои подразделения в стране, реформативировав их в новую международную миссию, которую, скорее всего, поддержит СБ ООН. Соглашение закрепляет за Афганистаном роль одного из главных союзников США в регионе, хотя и Пакистан также сохраняет свой статус.

Пока официально численность войск, которые США планируют оставить в Афганистане, не названа. Эксперты полагают, что это могут быть 6–10 тыс. военнослужа-

ших¹⁸. Этого будет достаточно, чтобы находиться на пяти военных базах в ключевых районах ИРА: одна — в Баграме (около Кабула); вторая на западе в Шихане (у иранской границы); третья — в Мазари-Шарифе (на севере); и еще две — на юге (Кандагар и Гильменд)¹⁹. Однако этих сил будет совершенно недостаточно, чтобы сдержать талибов. Если уж нынешняя группировка численностью более 100 тыс. чел. не в состоянии стабилизировать обстановку в стране, то что говорить о гораздо меньших силах.

При этом концепция «борьбы с повстанческим движением в Афганистане» с непосредственным участием американских войск будет ориентирована на проведение операций против «Талибана» по типу акции ликвидации Усамы бен Ладена. Это соответствует военной доктрине США, которую в январе 2012 г. обнародовал Б. Обама. В ней речь идет о готовности США уже не к двум войнам одновременно, а к одной, плюс непрямые действия в других регионах мира, включая Афганистан²⁰.

Большую часть американских войск в ИРА составят подразделения спецназа, которые будут проводить совместные операции с бойцами афганских спецгрупп "Кандак". Для этого Кабул согласился предоставить американским военным право использовать любые военные объекты страны. Американцы также продолжают обучение армейских подразделений и сил полиции Афганистана, хотя их присутствие в стране по-прежнему будет служить раздражающим фактором для местного населения.

США и их союзники также взяли на себя обязательства по "поддержке социального и экономического развития Афганистана" на срок до 2024 г. Вашингтон собирается продолжить программы по строительству дорог и созданию инфраструктуры в стране. Участники конференции в 2011 г. в Токио, на которой присутствовали делегации из 70 стран, решили, что до 2015 г. совместными усилиями выделят Афганистану на эти цели \$16 млрд Япония дополнительно выделит еще около \$ 3 млрд к 2016 г. на развитие экономики и инфраструктуры страны. Кроме того, на саммите НАТО в Чикаго (2011 г.), было принято решение о выделении Афганистану по линии альянса еще \$ 4,1 млрд на военные нужды. Между тем президент Афганистана Х. Карзай в апреле 2012 г. заявил, что его страна нуждается в дополнительных средствах, и что США должны после 2014 г. выделять ИРА как минимум \$ 2 млрд ежегодно.

В перспективе США будут уменьшать свою помощь Афганистану. На это есть объективные причины — мировой кризис продолжает сокращать финансово-экономическую базу США для финансирования геополитических проектов. Другая причина кроется в проблемах финансового сектора США. Оборонный бюджет к 2023 г. предполагается сократить на \$ 400 млрд. Это ударит по возможностям Пентагона в финансировании боевых операций и содержания военных баз по всему миру, включая Афганистан. В силу этого Вашингтон ищет варианты, при которых его силы остались бы в ИРА как можно дольше, но в размерах, при которых они не станут серьезно обременять бюджет. С учетом этого обстоятельства Госдеп США подталкивает Кабул к сотрудничеству с умеренными талибами, чтобы в результате договоренностей с ними и после 2014 г. сохранить свое влияние на ситуацию в стране и в регионе.

Вероятно, не надеясь на успех Кабула в этом деле, американцы сами энергично налаживают связи с талибами. В разное время в Абу-Даби и Кабуле состоялись встречи представителей американского и афганского правительства с влиятельными пакистанскими лидерами, в первую очередь северо-запада Пакистана, а также видных представителей «Талибан».

На них с талибами обсуждались вопросы о постоянных контактах с целью выработки условий вывода коалиционных сил из Афганистана. Пока, похоже, прогресс в этой области не достигнут. Стали известны лишь условия, при которых талибы пойдут на соглашение: вывод *всех* (подчеркнуто автором) иностранных войск из страны, предоставление «Талибану» *графика вывода войск*, изменение Конституции Афганистана с включением талибов во власть, и наконец, — *признание движения «Талибан» за рубежом*.

Однако, как очевидно, почти каждое из этих условий может свести на нет все усилия 12-летнего пребывания США и сил ISAF в Афганистане.

В последнее время талибы приостановили переговоры и, похоже, тянут время, стремясь выиграть войну «на истощение» с учетом того, что большая часть стран западной коалиции уже начала вывод своих подразделений из Афганистана. К началу ноября 2012 г. эту страну покинули 32 тыс. американских военных, 208 военных баз США и НАТО были закрыты, а 310 переданы афганским силам безопасности. К концу 2014 г. оставшаяся группировка сил США и ISAF должна покинуть Афганистан. Но на пути ее возвращения на родину существует ряд препятствий.

Проблемы вывода войск и перспективы пакистано-американских отношений

Для иностранных войск, выводимых из Афганистана, существует два пути ухода из страны. Первый — по «южному маршруту» через территорию Пакистана. И второй — через «Северную распределительную сеть» (СРС), закрепленную международными договорами схему поставок грузов США и НАТО через транспортные сети России, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана. Третий маршрут, через Китай — для войск коалиции невозможен, так как власти КНР отказали в разрешении на транзит грузов для США и сил ISAF в Афганистан через свою территорию.

До ноября 2011 г. по «южному маршруту» силам коалиции доставлялось 48% всех грузов и большая доля горюче-смазочных материалов. Доля транзита непосредственно для войск США составляла 30%. Через СРС поставки невоенных грузов составляли: 52% для сил ISAF и 40% — для войск США²¹.

Но когда самолет США в ноябре 2011 г. «непреднамеренно» уничтожил 24 пакистанских солдата на границе с Афганистаном, маршрут через Пакистан для американского транзита был закрыт. А после ликвидации без согласования с Исламабадом американским спецназом лидера «Аль-Каиды» на территории Пакистана в мае 2012 г. американо-пакистанские отношения скатились к низшей точке.

С закрытием «южного» транзита 90% транспортной нагрузки несла СРС, так как операции в Афганистане продолжались и требовали постоянной доставки грузов. Ныне Вашингтону придется расширять их поток в обратном направлении, что загрузит указанную сеть еще больше, чем обслуживание текущих поставок. Это потребовало от США интенсивной дипломатической активности в переговорах с РФ и Республиками ЦА — ведь изначально в соглашениях по СРС предполагался только транзит в Афганистан, но не обратно. В результате переговоров эта проблема была решена. В феврале 2012 г. на слушаниях в Конгрессе глава Транспортного командования ВС США генерал У. Фрэйзер сообщил, что администрация Обамы заручилась согласием Казахстана, Киргизии и Таджикистана на транзит через их территорию американской военной техники и других грузов, вывозимых из Афганистана²².

Вместе с тем у США и НАТО возникла другая проблема — куда этот груз направлять? Цепочка транзита СРС может доставить их имущество до побережья Каспийского моря, откуда его придется перевозить морем в Азербайджан, а оттуда через Турцию или Грузию доставлять к океану. Поэтому НАТО продолжало склонять Москву к более интенсивному использованию авиатранспортного узла в Ульяновске, куда грузы из ЦА доставлялись бы по железной дороге, а оттуда отправлялись бы самолетами в Европу и США.

Независимо от того, как станут развиваться события в Афганистане в 2013–2014 гг., вывод войск коалиции из страны — это беспрецедентная по масштабности и сложности задача, которую надо выполнить в ближайшее время. А потому за оставшиеся неполных два года командованию сил США и ISAF необходимо решить много проблем.

Это касается и численности выводимых войск, и необходимого уровня координации их действий при выводе, и количества транспортных средств, контейнеров и т.п.

НАТО оценивает стоимость используемого в ИРА военного имущества в 23 млрд евро²³. При этом его транспортировка из Афганистана по воздуху обойдется в десять раз дороже, чем по земле. Поэтому предпочтительный способ транспортировки — колонны из сотен грузовиков. По расчетам Центрального командования США, на протяжении двух лет ему понадобится отправлять из Афганистана ежемесячно примерно 2200 контейнеров и транспортных средств, чтобы полностью вывезти технику и оборудование, из них — около 25% по СРС²⁴.

Необходимо учитывать географию и транспортную инфраструктуру ИРА: у Афганистана нет портов, почти нет железнодорожных веток, многие дороги находятся в плохом состоянии. По ним предстоит вывезти танки, вертолеты, аппаратуру, контейнеры и многое другое. На маршрутах вывода их будут ожидать мины, засады боевиков и мародеров и другие неприятные сюрпризы в виде плохих погодных условий, горных обвалов и т.д.

Необходимо также решить вопросы — что будет передано афганской армии и силам безопасности, что должно быть уничтожено, что и в какой последовательности будет вывезено из Афганистана. Кроме того, остающиеся в ИРА военнослужащие должны быть обеспечены продуктами, транспортными средствами и оружием для своей защиты. Сколько инструкторов потребуется для обучения афганцев, и сколько нужно иметь солдат для их защиты? Следует также определить надежные маршруты вывода войск из страны, в которой по-прежнему происходят вооруженные столкновения, и их количество по мере вывода войск скорее всего будет увеличиваться.

В ноябре 2012 г. Пакистан вновь открыл «южный маршрут», приняв извинения от Вашингтона за ноябрьский инцидент 2011 г.²⁵ Это позволило снять существовавшую около года напряженность в отношениях между Вашингтоном и Исламабадом.

В условиях сокращения военного присутствия в Афганистане и ожидаемого усиления активности со стороны сил «Талибана» и «Тэхрике-Талибан Пакистан», для Вашингтона Исламабад представляет все возрастающую значимость. Базы боевиков «Талибана» в основном находятся на пакистанской территории, поэтому без сотрудничества с пакистанскими спецслужбами будет практически невозможно проведение спецопераций против них подобных майской, когда был ликвидирован бен Ладен²⁶.

Исламабад важен для Вашингтона и в логистическом плане — для снабжения остающихся подразделений в ИРА, а также вывода войск по «южному маршруту», следующих в порт Карачи²⁷. Вместе с тем, этот маршрут проблематичен с точки зрения безопасности, так как следующий по нему транспорт постоянно подвергается нападениям и грабежам со стороны «Талибана» и «Тэхрике — Талибан Пакистан». Это вызывает необходимость увеличивать охрану конвоев до размеров, необходимых для обеспечения маршрутов, проходящих не по дружественной, а по враждебной территории.

В свою очередь для Исламабада является важным то, что с исходом США из Афганистана в стране должно сохраняться его влияние в том «вакууме безопасности», который неизбежно наступит после 2014 г. И любой режим, который будет у власти в ИРА, должен учитывать интересы Пакистана: быть дружественно настроенным и сохранять для него «стратегическое пространство» в соперничестве с Индией.

Кроме того, Пакистан, имеющий большое влияние на талибов и поддерживающий связи с афганской группировкой «Хаккани», претендует на роль главного участника переговоров, стремясь получить крупные политические дивиденды. Исламабад уже дал понять Вашингтону, что ждет более активного его задействования в переговорах по поводу будущего обустройства ИРА.

В свете вывода войск США из Афганистана перспективы пакистано-американских отношений могут развиваться по двум направлениям.

При “позитивном” развитии США и Пакистан значительно активизируют военные связи для создания благоприятных условий вывода войск. Сотрудничество в других областях будет поддерживаться на достаточно хорошем, хотя и сниженном по сравнению с периодом «до ликвидации бен Ладена» уровне. Вашингтон понизит накал критики в адрес Исламабада в связи с его поддержкой «Талибана». А Исламабад снизит острую критику действий США на территории Пакистана и будет оказывать содействие в поддержании контактов США с талибами для продолжения переговоров.

“Негативное” развитие событий может иметь место при резком ухудшении обстановки в Афганистане в ходе вывода войск, провале переговоров США с представителями талибов или невозможности достичь ими хотя бы видимых уступок со стороны талибов, серьезного осложнения ситуации в Пакистане, а также в случае крупномасштабного теракта со стороны «Аль-Канды» против сил США в Афганистане или иных местах. В этом случае США вновь выступят с обвинениями в адрес Пакистана в «пособничестве терроризму», а Исламабад возобновит острую критику действий Вашингтона.

В свете вывода сил западной коалиции из Афганистана возникают закономерные вопросы: какова будет ситуация в этой стране после 2014 г. и как она отразится на ближайших соседях Афганистана — центрально-азиатских государствах и региональной безопасности в целом?

Сценарии развития обстановки в Афганистане и их влияние на региональную безопасность

Рассмотрение предварительных итогов иностранного присутствия в Афганистане дает возможность наметить наиболее вероятные направления развития событий в этой стране и в государствах ЦА после 2014 г. Их можно свести к четырем основным сценариям, из которых два негативные, один умеренно негативный и один позитивный.

Негативные. Ситуация в Афганистане при первом сценарии может развиваться по “балканскому пути”. Он наиболее вероятен в следующих случаях: отсутствие решающего успеха в противоборстве с «Талибаном» на завершающей стадии операции «Несокрушимая свобода»; уход американцев без достижения договоренности с талибами о территориальном размежевании; наличие значительных неподконтрольных правительству Х. Карзая зон на территории страны.

При свертывании значительной части военного присутствия США в стране могут усилиться центробежные тенденции по “балканскому варианту”. В Афганистане начнут набирать силу провинциальные лидеры и полевые командиры, многие из которых уже сегодня только номинально признают кабульские власти. Как и в бывшей Югославии 1990-х гг. в ИРА возможна ситуация, когда афганское политическое поле будет представлять собой конгломерат различного рода племенных и военных группировок, находящихся в сложных отношениях друг с другом. Большинство из них могут иметь связи с внешними силами, которые будут рассматривать складывающуюся там ситуацию как средство достижения своих интересов руками этих группировок.

В случае провала переговоров с талибами вполне вероятно, что власть Х. Карзая долго не продержится, и в Афганистане начнется гражданская война между южной и восточной частями страны с одной стороны и северо-западной — с другой²⁸. «Талибан» вновь попытается захватить власть. Его действия будут поддержаны южными провинциями, где проживают преимущественно пуштуны (около 40% населения страны). Другие этнические группы не захотят подчиниться пуштунам без боя. В первую очередь — таджики (около 30%), которые живут в районе Герата и на северо-востоке страны. Помимо них, в военное противостояние будут втянуты хазарейцы, узбеки, аймаки и туркмены (составляющие остальные 30% жителей страны).

По возвращении во власть в Кабуле «Талибан» может вернуться к идее своего продвижения в направлении ЦА. Там «Талибан» поддержит «Исламское движение Туркестана», что дестабилизирует региональную обстановку. Вероятность повторения югославских событий прошлого века является весьма высокой. При подобном сценарии Вашингтон уже не будет обладать эксклюзивными правами на контроль над процессами в Афганистане, а станет одним из игроков на афганском геополитическом поле.

Возможен и другой негативный сценарий по типу «арабской весны». На Западе события 2011–2012 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке представляются как победа «демократических чаяний народов этих стран»²⁹. Однако зачастую упускается из вида тот факт, что результатом этих событий стало проявление весьма опасных тенденций. На волне народных выступлений в арабском мире вышли из подполья силы и группировки, исповедующие радикальные методы борьбы за политическую власть и опирающиеся на исламистскую идеологию. Примеры этому налицо в складывающейся ситуации в Ираке, Ливии и Египте. То же происходит в Сирии, где радикальные группировки, опирающиеся на исламистскую идеологию и помощь из-за рубежа, развернули настоящую гражданскую войну в борьбе за власть.

Реализация каждого из приведенных сценариев повысит негативные последствия для ситуации в странах Центральной Азии и для региональной безопасности. Следует ожидать криминализации и радикализации населения региона, осложнения международных отношений, усугубляемых исламским экстремизмом, и как следствие — возобновление гражданской войны, прежде всего, в Таджикистане, куда хлынут из Афганистана исламисты-оппозиционеры, ныне находящиеся в ИРА. Возможен также крах светской власти в других Республиках ЦА, ухудшение перспектив реализации энергетических проектов с участием международных акторов, резкое увеличение роста наркотрафика не только в ЦА, но и в направлении России и стран Европы. Практически неизбежен рост террористической активности на границах и внутри государств ЦА.

Умеренно негативный. Американцы и талибы достигнут соглашения о территориальном разделении страны. «Талибан» будет контролировать юг и восток Афганистана, а правительственные силы обеспечивать безопасность на севере и на западе. При этом местные полевые командиры согласятся с таким разделом.

Последствия для стран ЦА и региональной безопасности: незначительное сокращение наркотрафика; сохранение дестабилизирующих факторов в виде криминализации и роста экстремизма; возможность относительного контроля над границей в случае предсказуемости позиций североафганских полевых командиров; нереализованность энергетических проектов, так как стабилизация обстановки только на севере и западе страны не позволит осуществлять транзит газа и электроэнергии к конечным потребителям в других странах. Возникает проблема создания транспортных и энергетических коридоров через Афганистан с севера в направлении пакистанских портов. Это будет препятствовать реализации экспортных и экономических возможностей самого Афганистана и всего «Нового Шелкового пути».

В случае обострения обстановки в Афганистане издержки, которые будут нести государства ЦА, станут выше, так как возрастут расходы на обеспечение безопасности, что негативно отразится и на инвестиционном климате региона. Кроме того, возникнет опасность превращения юга и востока Афганистана в зону подготовки радикально настроенных боевиков.

Может также вырасти незаконная контрабанда оружия в Республики ЦА. Следует ожидать и усиления геополитической конкуренции в регионе между ведущими политическими акторами и международными организациями за втягивание государств ЦА в орбиту своего влияния, что превратит регион в своеобразную «серую» зону в сфере безопасности. Вероятность реализации этого сценария можно оценить как 50% на 50%.

Позитивный. США сохраняют свое присутствие в Афганистане. В стране произойдет сплочение большей части элит вокруг официального Кабула, будут достигнуты договоренности с умеренным крылом «Талибана». В результате позиции афганской армии укрепятся на всей территории, и непримиримой части талибов будет нанесено поражение. Поэтапно будут решаться социально-экономические проблемы страны. Создадутся действенные механизмы контроля над производством и транспортировкой наркотиков.

Вашингтон приложит все усилия, чтобы снять озабоченности Москвы и Пекина по поводу американского присутствия в ИРА. В этом его традиционно будет поддерживать международное сообщество, призывая РФ и КНР принять участие в совместных усилиях по восстановлению и развитию Афганистана как условие обеспечения стабильности в регионе. Этот сценарий вероятен, однако США, КНР и РФ вряд ли достигнут консенсуса по поводу целей американского присутствия в регионе.

Последствия для стран ЦА и региона при таком сценарии: стабильность границ; снижение притока экстремистов, оружия и наркотиков в сопредельные с Афганистаном страны; появление возможности участия государств ШОС в восстановлении афганской экономики и реализации энергетических проектов в случае достижения договоренностей между сторонами; увеличение иностранных инвестиций в связи со снижением рисков в сфере безопасности.

В целом реализация большинства из обозначенных сценариев негативно повлияет на региональную безопасность и на национальные интересы центрально-азиатских государств-членов ШОС, включая ведущих участников организации — Китая и России, чьи позиции в Центральной Азии в настоящее время наиболее сильны.

Позиции Китая и России по отношению к выводу войск из Афганистана

В настоящее время Китай проявляет сдержанность в международных делах, сосредоточившись на решении задач внутреннего развития и заботясь об обеспечении внешних условий для этого. Иными словами, Пекин продолжает придерживаться принципа Дэн Сяопина — «держаться в тени»³⁰.

Следуя этому принципу в Афганистане, китайские официальные лица выступают за то, чтобы ШОС, в которой Китай играет лидирующую роль, получила бы некоторое влияние на будущее страны³¹. Однако на саммитах ШОС при рассмотрении вопросов, связанных с поиском путей урегулирования ситуации в Афганистане, инициативы в основном исходят от России и стран ЦА, нежели от самого Китая. Он выступает за то, чтобы национальные и международные действия в ИРА координировала бы ООН, где Китай обладает правом вето в Совете Безопасности.

Несколько иной подход Пекин демонстрирует только в интересах создания благоприятных условий для китайского присутствия в Афганистане. В настоящее время на территории ИРА уже реализуются около 30 китайских проектов(!). Пекин подписал с Кабулом ряд экономических договоров, касающихся освоения Китаем афганских запасов нефти и газа, а также добычи других полезных ископаемых³². Так, например, китайские нефтяные компании в течение 25 лет будут иметь право добывать нефть в бассейне реки Аму в провинции Сари-Пуль³³. А компания China Metallurgical Group планирует инвестировать в месторождение Айнак \$ 3,5 млрд.

Пекин и Кабул также подписали соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом в интересах укрепления безопасности в регионе. В 2012 г. для стабилизации обстановки в Афганистане Китай оказал помощь правительству ИРА в размере \$ 23,8 млн на реализацию различных проектов. Указанные средства несравнимы с \$4 млрд, которые Кабул получит от НАТО в качестве "платы за мир" либо "инвестиций в сохра-

нении мира”, но в отличие от США и НАТО на Китае не лежит ответственность за ситуацию, которая складывается в Афганистане.

Ряд китайских экспертов не выражают опасений в связи с выводом войск альянса из ИРА. Они продолжают винить США и НАТО в неудаче попыток разгрома талибов и критически оценивают их способность решить проблему гигантского роста экспорта наркотиков из Афганистана. Они выражают опасения в связи с возможным продолжением пребывания США в регионе в “тылу” Китая. Более того, Вашингтон начал проводить в АТР политику регионального сдерживания КНР, вовлекая в это Австралию, Индию, Японию, Вьетнам и другие страны. Поэтому многие китайские специалисты высказываются за полный вывод американских войск из Афганистана и всей Центральной Азии.

Другие представители правительственных и научных кругов обеспокоены тем, что вывод войск альянса может оказаться преждевременным. Они учитывают, что силы коалиции борются против боевиков «Талибана», «Аль-Каиды» и других движений, которые, в частности, поддерживают уйгурских сепаратистов, выступающих за отделение Синьцзяна от КНР. Так что их уход из Афганистана вызовет рост религиозного фундаментализма и террористической угрозы в СУАР.

Вызывает беспокойство и то, что нынешние потрясения на Ближнем Востоке, названные «арабской весной», могут распространиться на страны ЦА — регион, важный для Пекина в связи с его территориальной близостью к Китаю. Это создает опасность для растущего импорта энергии в КНР через ЦФ. Наконец, вывод войск коалиции из Афганистана может сделать китайские инвестиции в этой стране более уязвимыми из-за атак талибов или иных экстремистских групп.

Существует мнение, что угрозы региональной безопасности и стабильности, включая увеличение рисков для китайских энергетических и экономических интересов, побудят Пекин к прагматичному сотрудничеству с правительством талибов в случае их прихода к власти в Кабуле, но при условии, что те не будут мешать растущему экономическому присутствию КНР в регионе и не станут поддерживать уйгурский сепаратизм в Синьцзяне. Такая политика покажет готовность Пекина действовать самостоятельно на афганском направлении. Китайское руководство располагает возможностями использовать для решения указанных проблем влияние на талибов из Пакистана — своего традиционного партнера. Нельзя исключить, что такие действия Пекина могут быть встречены с пониманием и в некоторых странах Запада, при условии, что Китай сможет добиться от Пакистана ограничения поддержки, которую «Талибан» оказывает международным террористическим группировкам³⁴.

В свете предстоящего вывода войск коалиции из Афганистана китайские официальные лица высказывают пожелание о расширении сотрудничества России, НАТО и других стран с целью политической стабилизации, общественного прогресса и экономического развития Афганистана. Представители КНР подчеркивают, что китайское правительство выступает против всех форм терроризма и поддерживает стратегию национального развития Афганистана, которая направлена на искоренение социально-экономических причин терроризма. Одновременно они хотят, чтобы китайские компании сохранили доступ к природным ресурсам и экономической инфраструктуре Афганистана.

Учитывая возможность «балканизации» Афганистана, Китай дает понять Западу, что он готов прийти ему на помощь, так как ныне китайские предприятия в стране находятся в условиях безопасности, которую обеспечивает им западная коалиция. Взаимодействуя с Вашингтоном, Пекин стремится защитить свои интересы с помощью минимальных экономических и военных усилий. При этом нельзя исключать того, что Китай может отдать предпочтение развитию диалога по афганской проблеме напрямую с США. Так как за рамками рассмотрения усилий Китая в ИРА остается взаимодействие КНР с США и Западом, свидетельствующее о принципиально высокой важности для Пекина этого сотрудничества. Китай считает важным для себя поддержание позитивных отношений с Западом и

старается избегать всего, что может осложнить эти отношения. Он придает большое значение и финансово-экономическим связям с США, достигшим беспрецедентных объемов — объем торговли между Китаем и США составляет почти \$ 450 млрд в год³⁵.

В России также существует несколько противоположных точек зрения на ситуацию в Афганистане в связи с выводом войск западной коалиции из страны. Одна из них заключается в том, что возможность сотрудничества по афганской проблематике серьезно осложняется геополитическим соперничеством за влияние в ЦА и ценностно-идеологическими разногласиями. Это находит отражение даже в таких вопросах, как поддержание либо свертывание «северного маршрута» снабжения войск коалиции в ИРА и осуществление военно-технического сотрудничества с центрально-азиатскими странами, не говоря уже о разногласиях в таких ключевых вопросах, как демократизация общества и установление более либеральной власти в Республиках ЦА. Деятельность Запада в этом направлении воспринимается рядом российских экспертов как направленная на заведомую дестабилизацию региона с целью нанесения ущерба РФ и КНР.

Присутствие США в ЦА опасно и с точки зрения интересов РФ в регионе, так как оно может привести к понижению общего уровня сотрудничества с центрально-азиатскими государствами³⁶. В отличие от Китая, которому есть что терять в Афганистане, у России в ИРА нет экономических проектов. Кроме того, несмотря на неоднократные обращения Москвы к Вашингтону, реальная борьба с наркопроизводством в Афганистане и его трафиком в Россию не ведется. Поэтому, по мнению ряда экспертов, следует вывести все войска западной коалиции как из Афганистана, так и из ЦА. По существу, такая позиция — скатывание к периоду “холодной войны”, сторонников чего в России практически нет. К тому же состояние армии и флота РФ, особенно после реформ последних лет несравнимо с тем, каким оно было во времена Советского Союза.

Есть и другая точка зрения. Она заключается в том, что вывод войск западной коалиции из Афганистана создаст проблемы для безопасности России, так как действия коалиции в определенной степени противодействуют нарастанию угрозы на афганско-центральноазиатском направлении.

Вывод же американских войск из Афганистана потребует новых усилий и затрат по противодействию вызовам и угрозам оттуда, прежде всего терроризму, росту нестабильности и наркоторговле. Эта точка зрения была высказана В. Путиным летом 2012 г. в Ульяновске³⁷ и еще раньше в 2010 г. обозначена в статье Д. Рогозина и Д. Громова, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс». Схожей позиции придерживаются и центрально-азиатские государства-члены ШОС, поскольку стабильность в них тесно связана с безопасностью России. Следовательно, наличие войск антитеррористической коалиции в Афганистане, так или иначе, служит интересам России и нужно сохранять северную линию снабжения войск НАТО и не допустить развязывания гражданской войны в Афганистане.

При этом в правительственных кругах России полагают, что в вопросах региональной безопасности, включая афганскую проблематику, администрация президента Б. Обамы продолжит не совсем успешную “перезагрузку отношений” с Москвой. В этом плане вопросы транзита имущества и военных сил США и ISAF через Россию по СРС станут той сферой взаимодействия, которая позволит поддерживать позитивные отношения с США, несмотря на принятие «закона Магнитского», который существенно осложнил российско-американские отношения.

В целом позиция Китая и России по афганской проблематике свидетельствует о том, что Пекин и Москва проявляют озабоченность в отношении угроз, исходящих из нестабильного Афганистана, и считают, что при неблагоприятном развитии событий в стране после 2014 г. они могут негативно повлиять на обстановку в странах ШОС и на состояние безопасности в регионе.

Перспективные шаги в интересах поддержания стабильности в Афганистане и региональной безопасности совместными усилиями

Несмотря на несовпадение оценок России и Китая, с одной стороны, и западного сообщества — с другой, по поводу ситуации, складывающейся в Афганистане, и исходящих отсюда угроз, имеется сходство позиций относительно направлений деятельности по противостоению ее негативному развитию в связи с грядущими переменами в регионе:

- в политической области — необходимо сохранить стабильность в Афганистане после вывода оттуда основной группировки иностранных войск, предотвратить осложнения межнациональных отношений с учетом фактора исламского экстремизма и превращения Афганистана в зону подготовки радикально настроенных боевиков на юге и востоке страны, поддерживать меры безопасности в ЦАР;

- в военной области — обеспечить безопасный вывод сил коалиции из Афганистана по маршруту СРС, укрепить позиции афганской армии и не допустить развязывания гражданской войны, предотвратить проникновение в Республики ЦА радикальных группировок, контрабанду оружия, установить действенный контроль над производством наркотиков и их нелегальным провозом в другие страны;

- в экономической области — содействовать восстановлению афганской экономики, повысить приток иностранных инвестиций в ИРА, реализовать энергетические и транспортные проекты в регионе.

Исходя из этого, странам ШОС и западному сообществу уже сейчас целесообразно начать выработку мер, способных обеспечить безопасность Афганистана и стран ЦА после 2014 г. При этом недопущение негативных сценариев в ИРА и на пространстве ЦАР требует консолидации общих усилий, которые должны приложить заинтересованные страны и организации западного сообщества во главе с США, а также государства ШОС во главе с Китаем и Россией при активном участии ООН и самого Афганистана. Вполне очевидно, что в одиночку Афганистан не сможет достичь мира и согласия в стране после 2014 г. Есть и другие аргументы, свидетельствующие в пользу такой консолидации.

В отличие от НАТО, имеющего североатлантическую направленность, географическую ориентацию деятельности ШОС можно определить как центрально-азиатскую. Ключевые программы ШОС в сфере безопасности (борьба против «трех зол» — сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма), а также по экономическому и гуманитарному сотрудничеству связаны в основном с этим регионом. Причем на положение во всех государствах-членах организации заметно влияют связанные с Афганистаном проблемы. Поэтому после ухода основной группировки западных сил из Афганистана именно странам ЦА придется усилить меры безопасности, из опасения, что у их границ или в зоне их интересов утвердятся «Талибан», особенно, если им будут верховодить исламские экстремисты. Страны-наблюдатели при организации (Индия, Пакистан, Иран) также заинтересованы в усилении мер безопасности.

Уже сегодня имеются предпосылки для сотрудничества в рамках такого расширенного альянса. Если говорить об Афганистане, то его глава почти постоянно присутствует на саммитах ШОС, а его сотрудники деятельно работают в контактной группе «ШОС — Афганистан». Кроме того, по вопросам борьбы с трафиком наркотиков и терроризмом ШОС активно сотрудничает с правительством Х. Карзая и косвенно с НАТО и США³⁸. По этим же проблемам ШОС уже заключила соглашения о партнерстве с ООН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и АСЕАН.

Между тем, среди представителей западного истеблишмента бытовало мнение, что ШОС имеет антиамериканскую направленность и создавалась как противовес НАТО. Поэтому Вашингтон предпочитал развивать двусторонние отношения с центрально-азиатскими государствами, игнорируя ШОС как региональную структуру. Однако ошибочность этого мнения очевидна, ибо и Россия, и Китай настолько заинтересованы в

нормальных отношениях с США, что не намерены ставить их под удар, реализуя некий вариант военно-политического альянса-антагониста НАТО.

Поэтому отношение Вашингтона к ШОС стало постепенно изменяться: от нейтрального наблюдения за ее деятельностью до зондирования возможности в том или ином качестве войти в эту структуру. Такая перемена дает шанс США и странам западного сообщества предпринимать совместные усилия с ШОС по нейтрализации негативных явлений, которые ожидаются в ИРА и ЦАР после 2014 г.

Исходя из того, что интересы участников возможной коалиции совпадают, ее основной целью может стать совместная выработка стратегии в Афганистане, которая может быть сформулирована следующим образом: *приоритетной задачей должно стать достижение стабильности в Афганистане и укрепление связей как с западным сообществом, так и со странами Центральной и Южной Азии*. Направления же такой стратегии могли бы быть следующими.

В политической области главным является недопущение развязывания гражданской войны в Афганистане. Поэтому представляется целесообразным продолжать переговоры с умеренным крылом «Талибана» о будущем политическом обустройстве страны. Правда, поиск путей конструктивного диалога с талибами — сложный процесс, и его удачное завершение гарантировать трудно. Но, очевидно, иного пути, кроме диалога с лидерами «Талибана» нет, равно как и поиска путей вовлечения их в органы управления страной путем создания коалиционного правительства, и интегрирования их в силовые структуры.

Успешная реализация процесса переговоров во многом зависит от позиций государств-участников коалиции. Россия склонна к поддержке диалога, однако выдвигает, по сравнению с США, более жесткие условия. Она считает возможным переговоры только с теми, кто «не запятнал себя преступлениями». Важным шагом в достижении стабильности в Афганистане может стать убеждение Китая и Пакистана добиться искоренения сети баз боевиков на своей территории. Как максимум, это может привести к лишению талибов «тыла», а как минимум, заставить «Талибан» пойти на переговоры с афганским правительством. Следует признать, что для решения главной задачи с талибами придется договариваться, да и власть в стране требуется модернизировать, а рассуждения о миростроительстве пока следует отложить до тех пор, пока в государстве не будет преодолено противостояние его главных политических сил³⁹.

В вопросе поддержки политических процессов, ведущих к примирению в Афганистане, можно использовать опыт национального примирения в Таджикистане, полученный в 1990-х гг., благодаря которому в Республике постепенно воцарился мир, давший стабильность и возможность созидательной работы по развитию страны. «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане» (Москва, 23 декабря 1996 г.), подписанное при активном содействии России правительством Таджикистана и «Объединенной таджикской оппозицией» прекратило кровопролитную войну в стране, которая, как и в Афганистане, являлась продолжением политического, религиозного и этнического конфликта. В ходе примирения сторон в Таджикистане появились такие юридические документы и институты, которые не имеют аналога на постсоветском пространстве. Это — «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане», «Комиссия национального согласия», «Консенсуальная демократия», «Интеграция вооруженных формирований» и ряд других. Они способствовали объединению политических сил и общественных движений в республике⁴⁰.

Разумеется, есть отличия между ситуацией в Таджикистане тех лет и нынешней ситуацией в Афганистане. Но та концепция и те подходы к национальному согласию, которые были применены в Таджикистане, могут лечь в основу примирения и в случае с Афганистаном. Использование этой модели как варианта может открыть путь для взаимных уступок и поиска компромиссов, особенно когда это будет подкреплено использова-

нием политических и экономических рычагов воздействия на договаривающиеся стороны. Тогда можно надеяться, что эти усилия приведут афганское общество к выбору стабильного пути развития страны. И наконец, в деле примирения в Афганистане нужно больше опираться на силы, которым продолжает доверять и которые уважает весь афганский народ, включая противоборствующие стороны. Это — главы племен и та политическая элита, из которых состоит "Лойя Джирга". Именно в их руки должно быть отдано решение судьбы страны⁴¹.

В области укрепления стабильности Афганистана видится необходимым продолжить укрепление афганской армии и ее способности к самостоятельному выполнению боевых задач. Пока в ИРА достижение превосходства над вооруженной оппозицией, поддерживаемой Пакистаном — невозможно. Поэтому целесообразно выработать такую тактику, при которой силовые структуры обладали бы локальным преимуществом перед военной оппозицией в Афганистане, что позволило бы предотвратить их переход в сопредельные страны.

В случае предоставления ООН нового Мандата для международной миссии в ИРА было бы целесообразно направить в эту миссию военных наблюдателей и представителей полиции из РФ, КНР и других стран ШОС, но ни о каком военном контингенте ШОС в миссии не может быть и речи, поскольку организация не является военно-политической структурой.

Необходимо также налаживание контактов с племенами, контролирующими Северный Афганистан.

Для технического оснащения армии ИРА требуются запасные части для вертолетов советского производства, которые в настоящее время продолжают использоваться. Представляется целесообразным поставлять их из России. РФ также может предоставить услуги своих специалистов для модернизации этих вертолетов и обучения афганских военнослужащих в вузах страны. А для снижения потерь войск, выводимых из страны, можно использовать российский опыт вывода сил 40-й армии из Афганистана.

Необходима и интенсификация обмена разведанными о террористической активности в регионе, развитие международной базы данных о наркотрафике — основном финансовом источнике терроризма, обмен опытом между ШОС и альянсом по проблемам и достижениям в борьбе с этими угрозами. Страны коалиции могут также работать над отдельными проектами, например, над укреплением барьеров, ограничивающих контрабанду наркотиков через границу Афганистана в сопредельные страны. Для этого необходимо укрепление афганской границы, в том числе с помощью новейших технических средств. В решении этой задачи заинтересованы не только страны ШОС, но и европейские государства НАТО, которые могли бы оказать приграничным с ИРА странам соответствующую помощь. Следует и далее развивать подготовку специалистов из Афганистана по борьбе с наркоугрозой в рамках структур ШОС и НАТО под эгидой ООН.

Целесообразна разработка «дорожной карты», которая предусматривала бы поэтапное продвижение к решению проблемы афганских наркотиков, содействие правительству не только в уничтожении плантаций опийного мака, но и в создании полноценной социально-экономической инфраструктуры страны, формирование «наблюдательного совета» коалиции для координации и повышения эффективности помощи Афганистану.

Целесообразна организация совместных действий по противодействию проникновению боевиков на территорию ЦА. Можно изучить возможность взаимодействия погранвойск и сил специального назначения государств ШОС, Афганистана и НАТО для оперативного пресечения потока боевиков и наркотиков из страны, первоначально в рамках совместных учений, а в последующем — и на практике. Не следует недооценивать также выгоды взаимодействия с антитеррористическими структурами других международных организаций, прежде всего с ООН, а также национальными антитеррористическими органами отдельных стран.

В экономической области целесообразно выработать систему взаимоотношений Афганистана с коалицией, для чего перейти к иной системе отношений со странами, участвующими в восстановлении Афганистана. Вместо концепции «оказание помощи Афганистану» следует перейти к развитию «сотрудничества и взаимного учета интересов». Они должны базироваться на экономическом взаимодействии, при котором формируются устойчивые экономические интересы сторон. Для достижения этого потребуются расширение торгово-экономических связей с возможно большим числом государств мира, что позволит привлекать в страну их инвестиции и технологии. При этом прежде всего такие связи для афганской экономики важны с государствами Центральной и Южной Азии, как непосредственно окружающие ИРА.

Нужно создавать условия для вовлечения в этот процесс мировые державы, обладающие реальным капиталом и современными технологиями, с целью использования их в наиболее значимых региональных проектах, таких как, например, CASA, с участием российских и китайских специалистов и инвестиций¹². Среди других направлений развития экономического взаимодействия Афганистана с государствами и международными организациями можно назвать:

- стабилизацию обстановки в области обеспечения водными ресурсами, что необходимо для восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства Афганистана. Есть несколько вариантов развития системы водопользования в регионе, включая в нее и воды Аму-Дарьи. Все они предполагают инвестирование в развитие водной инфраструктуры ИРА, что, на наш взгляд, должно стать одним из приоритетов не только для Узбекистана и Таджикистана, но и для РФ, КНР и США, а также ШОС и ЕС;

- улучшение энергоснабжения как важного фактора восстановления мирной жизни в Афганистане и устойчивого развития всего региона. Инвестирование в строительство Индией линии электропередачи Термез — Пули — Кабул по силам международным организациям и транснациональным корпорациям, а также российским компаниям;

- развитие ИРА связано с необходимостью восстановления работы объектов инфраструктуры страны, в том числе построенных в свое время Советским Союзом — порядка 140 объектов государственного значения. Здесь Российская Федерация может сыграть одну из ведущих ролей, ибо документация по этим объектам и опыт их строительства принадлежат российским специалистам;

- развитие логистики путем строительства дорожно-транспортной сети Афганистана, особенно железнодорожной системы ИРА и ее соединение с системами Узбекистана, Таджикистана, Ирана и Пакистана. Это дало бы дополнительные возможности увеличения товарооборота Афганистана с сопредельными странами региона. В этой области есть ряд других перспективных направлений сотрудничества.

И еще одно направление, которое способствовало бы стабилизации обстановки в Афганистане — *идеологическое*. Необходима нейтрализация основ негативного влияния радикальных исламских течений и привлечение на свою сторону в борьбе с ними легальные мусульманские организации.

Правовая и религиозная непросвещенность, политическая незрелость части населения ИРА, наличие безграмотных и незанятых слоев молодежи, численность которой увеличивается по причине сложности социально-экономической обстановки в стране, не благоприятствуют стабильности. Очевидно, коалиции было бы целесообразно рассмотреть возможность выработки совместной исследовательской программы по изучению истоков, причин и стимулов расширения религиозного экстремизма, каналов его проникновения и финансирования на территории стран ИРА и ЦАР.

Представляется целесообразным в рамках гуманитарной кооперации разработать религиозно-образовательный проект, направленный на активную пропаганду светского ислама, осуществляемого силами легальных богословских учреждений. В условиях возрождения традиционных религиозных институтов в странах ШОС достижение до-

говоренностей о делегировании их богословам в Афганистан представляется также вполне вероятным.

Это далеко не полный перечень тех направлений в политической, экономической, идеологической и военной областях, которые могут стабилизировать обстановку в Афганистане и в регионе в свете вывода западных войск из ИРА. Восстановление мира в Афганистане невозможно без всесторонней заинтересованности и участия в этом процессе и западных стран, и государств ШОС.

* * *

В целом и Россия, и Китай уже сегодня обеспокоены созданием условий для сохранения стабильности в Афганистане после вывода оттуда в 2014 г. иностранных войск. Ситуация в сфере безопасности стран ШОС может оказаться нарушенной из-за нестабильности в Афганистане. И если заинтересованными сторонами заранее не будут приняты совместные шаги в области укрепления региональной стабильности, последствия могут быть самыми серьезными и для Афганистана, и для региона в целом, в котором намечается тенденция к расширению взаимодействия между США/НАТО, с одной стороны, Китая, России/ШОС — с другой. К этому Запад подталкивают отсутствие прогресса в деле нормализации обстановки в Афганистане, нарастание активности исламистов в Афганистане и Пакистане, усиливающаяся сложность в снабжении группировки войск США и сил ISAF, усугубляемая их выводом из страны. С другой стороны, Россия заинтересована в сохранении региональной безопасности и на ее южных границах, а также сокращения наркотрафика в страну. У Китая — те же интересы, плюс желание сохранить свои инвестиции в Афганистане.

У Китая, России и Запада немало разногласий по афганско-центральноазиатской повестке, что вызывает сомнения у существенной части российских и китайских экспертов относительно необходимости расширения сотрудничества с США на этом направлении. Тем не менее, складывающаяся ситуация в регионе объективно свидетельствует о необходимости наращивания позитивного взаимодействия по афганской проблематике. Идея регионального сотрудничества в рамках возможной коалиции заинтересованных сторон не противоречит интересам как противников, так и сторонников такого партнерства, так как в этой коалиции учитываются их совпадающие интересы. И его целесообразно осуществлять независимо от того, какой курс изберет для себя будущее правительство Афганистана.

В интересах стабилизации обстановки в Афганистане и поддержания региональной безопасности, возможной коалиции было бы целесообразно учитывать те особенности, которые присущи именно афганскому обществу, не навязывать ему своих взглядов и моделей развития, предоставить афганцам самим решать свою судьбу, больше привлекать к работе над «афганской проблемой» соседние страны, извлекать уроки из недавней истории постсоветского пространства и присутствия СССР в Афганистане.

-
1. 9 октября 2012 г. СБ ООН продлил пребывание сил ISAF в Афганистане. Согласно принятой резолюции, они могут находиться там до 13 октября 2013 г.
 2. До сих пор многие аналитики сомневаются в способности «Аль-Каиды» нанести удар по американским объектам самостоятельно, а реакция США на события 11 сентября расцениваются ими как повод вмешательства Вашингтона в Афганистан с целью закрепления своего присутствия в Центральной Азии.
 3. В 2012 г. в органах местной власти Афганистана в той или иной степени присутствовали представители международных и неправительственных организаций из более чем 70 стран.
 4. *Морозов Ю.* Влияние военной политики США на обеспечение стабильности в Центральной Азии и на национальные интересы России в регионе // *Россия и Америка в XXI веке.* М., 2011. № 3.

5. Неконтактные боевые действия включают в себя нанесение поражения противнику дистанционными ударами авиацией, артиллерией и иным высокоточным оружием. При этом свои войска находятся вне зоны средств поражения противника.
6. URL: <http://etoruskiy.livejournal.com/25634.html>.
7. NATO Missiles In Turkey: Libyan Scenario, Part of Broader System. URL: http://english.ruvr.ru/2012_11_23/NATO-shows-great-interest-in-deployment-of-Patriot-missile-air-defence-systems. 23.11. 2012.
8. Морозов Ю. Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС // ПДВ. 2012. № 4. С. 27–41.
9. Нессар О. Афганистан: от экономики войны к экономике добрососедства. URL: <http://af@afghanistan.ru>.
10. Проект ТАПИ предусматривает строительства газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия, протяженностью 1380 км, для транспортировки газа из туркменского месторождения Довлетабад в Пакистан и Индию.
11. В январе 2011 г. В.В. Путин на встрече с президентом ИРА Х. Карзаем заявил о готовности выделить на реализацию этой энергетической транзитной системы российские инвестиции.
12. В составе сил НАТО в Афганистане находятся более 1800 турецких военнослужащих.
13. Куликов А. Тезисы выступления на международном круглом столе «Военно-политическая обстановка вокруг Афганистана и прогноз ее развития после вывода войск НАТО». Москва, 20 дек. 2012 г.
14. Афганистан.Ру. URL: <http://afghanistan.ru/doc/21471.html>.
15. ИРА вышла на второе место в мире после Марокко по производству марихуаны и гашиша. Согласно данным ООН, на складах в Афганистане на случай неурожая мака хранится свыше тысячи тонн героина.
16. 18 марта 2012 г. министр иностранных дел России С. Лавров заявил: "Мы считаем, что Мандат должен быть выполнен в полной мере, а СБ ООН необходимо представить доклад о том, как он был выполнен".
17. 12 декабря 2012 г. министр обороны США Леон Панетта прибыл в Афганистан, где встретился с американским командованием и президентом страны, обсудив варианты численности американских войск и места их дислокации в Афганистане после 2014 г.
18. US troops to stay in Afghanistan // Voice of Russia. 2012. 26 Nov.
19. Volkhonsky B. How Many U.S. Troops To Stay In Afghanistan And For How Long? Voice of Russia. URL: Rick Rozoff" http://english.ruvr.ru/2012_12_13/ Dec 13, 2012.
20. Комсомольская правда. 2012. 13–20 дек. URL: <http://www.kr.ru>.
21. Оставшиеся 30% американского транзита, в основном бронетехнику, артиллерия и боеприпасы, Пентагон перебрасывал в Афганистан по воздуху.
22. Ранее в Астане министры обороны Великобритании и Казахстана подписали «Соглашение между правительствами Казахстана и Великобритании об обеспечении транзита военного имущества и персонала через территорию Казахстана».
23. Afghanistan: Der Abzug wird teuer. URL: <http://inosmi.ru/world/20120704/194483256.html> 20/05/2012.
24. Из них 400 единиц предполагается транспортировать по железной дороге через Узбекистан, Казахстан и Россию, а оставшиеся 100 — грузовым автотранспортом по территории Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Кавказа.
25. В ноябре 2012 г. госсекретарь США Х. Клинтон позвонила своей пакистанской коллеге Хине, извинившись за ноябрьский инцидент.
26. Pakistan opens NATO supply line in boon to US forces in Afghanistan. URL: <http://inosmi.ru/world/20120704/194483256.html> 03/07/2012.
27. Northern land routes to be crucial in U.S. withdrawal from Afghanistan. URL: <http://inosmi.ru/world/20120704/194483256.html>.
28. Корнев Е. Вывод войск США из Афганистана. Что будет с регионом? URL: <http://modernpolitics.ru/2012/09/>
29. Куликов А. Тезисы выступления на международном круглом столе «Военно-политическая обстановка вокруг Афганистана и прогноз ее развития после вывода войск НАТО». Москва, 20 дек. 2012 г.

30. *Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // ПДВ. 2012. № 5. С. 25.
31. Генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао, выступая на 9-м заседании Совета глав государств-членов ШОС заявил, что "китайская сторона неизменно придерживается той точки зрения, что урегулировать проблему Афганистана необходимо комплексными средствами, лежащими в сфере политики и экономики, но никак не военным вмешательством", тем самым подтвердив нежелание Китая повторить судьбу СССР и США в Афганистане.
32. Одной из самых крупных китайско-афганских программ является проект по разработке медного месторождения "Айнак" в северном Афганистане. Ожидается, что с 2014 г. месторождение начнет работать на полную мощность, обеспечивая работой около 10 тыс. афганских граждан.
33. *Спера Л.* Китай протягивает руку НАТО в Афганистане // Limes (Италия). 2012. 3 oct.
34. *Вайц Р.* Афганистан, вывод войск, Китай, НАТО, США. URL: <http://blogs.voanews.com/russian/us-russia>. 09.07.2011.
35. Russia-China rapport can be pillar of international stability // Global Times. 2012. 28 Nov. URL: <http://rickrozoff.wordpress.com>.
36. *Фроман-Мерис А.* Афганистан: возвращение России // Le Figaro. 2012. 4 сент.
37. 1 августа 2012 г. на базе в Ульяновске В. Путин отметил: "Жаль только, что все государства, которые участвуют в событиях в Афганистане, думают, как ноги оттуда унести. Взяли на себя обязательства — пусть доводят их до конца".
38. *Морозов Ю., Лузянин С.* ШОС: возможные пути развития // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4.
39. По мнению Константина Сыроежкина, главного научного сотрудника Казахстанского Института стратегических исследований.
40. *Морозов Ю.* Миротворческая деятельность России на постсоветском пространстве (Доклад ИЕ РАН № 185, 2007 г.).
41. "Лойя Джирга" — всеафганский совет старейшин, состоящий из представителей различных этно-племенных групп и созываемый для решения кризисных ситуаций в Афганистане.
42. Россия выразила готовность вложить в проект CASA-1000 500 млн \$. при условии, если российская компания «Интер РАО ЕЭС» выступит в качестве оператора проекта.

Новая смена власти в Японии

© 2013

Д. Стрельцов

В статье рассматриваются итоги внеочередных парламентских выборов в Японии. Приводятся основные положения предвыборных программ политических партий, подробно анализируются причины сокрушительного поражения Демократической партии и победы ЛДП.

Ключевые слова: Япония, парламентские выборы, предвыборная программа, «третий полюс», «плавающие голоса», абсентеизм, популизм.

16 декабря 2012 г. в Японии состоялись выборы в нижнюю палату парламента. Они привели к резкому изменению баланса политических сил в стране. Смена власти стала, по крайней мере внешне, не менее сокрушительной, а в чем-то даже и более эффективной, что и три с лишним года назад.

Избирательная кампания по выборам в палату представителей официально началась 4 декабря и продолжалась 12 дней. В борьбе за 480 мест сошлись почти полторы тысячи кандидатов, представлявших двенадцать политических партий. В числе последних были как хорошо всем известные партии, имеющие богатую историю и солидный опыт парламентской деятельности, так и новые партии, которые позиционировали себя в качестве «третьей силы», представляющей альтернативу двум основным политическим силам страны — Либерально-демократической партии (ЛДП) и Демократической партии Японии (ДПЯ). Из числа таковых наибольшее внимание привлекали к себе Общество реставрации (*Исин-но кай*), возглавляемое губернатором Токио Синтаро Исихара. Партия всех, а также Партия будущего Японии (*Ниттон мирай-но то*) во главе с губернатором префектуры Сига Юкико Када.

Главными на повестке дня выборов стали следующие вопросы: 1) как обеспечить экономический рост и стабилизировать процесс углубления дефицита государственных финансов, достигшего более 200% ВВП страны; 2) каким будет будущее японской энергетики и что станет с АЭС страны в постфукусимскую эпоху; 3) должна ли Япония вступать в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), а если да, то на каких условиях; 4) каким образом Японии следует решать вопросы обеспечения национальной безопасности, особенно в связи с наблюдавшимся с лета 2012 г. нарастанием напряженности вокруг островов Сэнкаку, а также очередным запуском северокорейской ракеты.

В соответствии с устоявшейся практикой все японские политические партии опубликовали перед началом избирательной кампании свои политические программы — манифесты¹. Большой интерес представляла предвыборная программа ЛДП, которая, как многие предполагали, возьмет реванш за сокрушительное поражение 2009 г.² ЛДП вы-

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru. Тел.(495)433-2555.

ступила за то, чтобы сократить государственные ассигнования в социальной сфере, а основным источником экономического роста страны сделать масштабное инфраструктурное строительство, обеспеченное массивными бюджетными инвестициями. Экономическая программа ЛДП — это новые государственные долговые обязательства, которые должен будет выкупать Банк Японии, продолжение политики сверхнизких ставок банковского кредитования, а также контролируемая (до 2% в год) инфляция.

По вопросу о развитии энергетики ЛДП, признавая необходимость «устранять зависимость» от атома, предложила, чтобы правительство в течение трех лет приняло решение о том, что делать с остановленными реакторами, а в течение десяти ближайших лет определило оптимальную структуру энергобаланса страны. Что касается Транстихоокеанского партнерства, партия выступила против участия Японии в переговорах, если это противоречит национальным интересам Японии.

В положениях манифестов, касающихся области внешней политики, в полной мере были отражены умеренно националистические взгляды партийного руководства либерал-демократов. Так, ЛДП предлагала изменить статью 96 Конституции страны, облегчив процесс внесения в нее поправок, переписать статью 9, что позволило бы легитимизировать статус «сил самообороны» в качестве полноценной армии, признать «право на коллективную самооборону», позволяющее направлять воинские контингенты за пределы страны без принятия на этот счет специальных законодательных норм, разместить на постоянной основе персонал «сил самообороны» на островах Сэнкаку, дезавуировать заявление о признании японским правительством фактов насильственной сексуальной эксплуатации корейнок японскими военнослужащими в период Второй мировой войны, сделанное в 1993 г. тогдашним генсеком кабинета министров Ё. Коно.

Свои манифесты опубликовала накануне выборов и Демократическая партия. Ее программа была обозначена в пяти областях — социальные гарантии, экономика, энергетика, внешняя политика и безопасность, политическая реформа. Обращала на себя внимание крайняя степень абстрактности и расплывчатости многих манифестов ДПЯ. Так, по отношению к атомной энергетике была просто декларирована необходимость покончить с АЭС к 2030 г., хотя конкретных путей для достижения этой цели обозначено не было. По вопросу об участии Японии в ТТП в манифесте ДПЯ было указано, что страна присоединится к переговорам «после обсуждения данного вопроса» в увязке с вопросом о подписании трехстороннего соглашения о свободной торговле с КНР и РК и комплексного соглашения об экономическом партнерстве в Восточной Азии¹. По вопросам безопасности и внешней политики программа ДПЯ, критикуя манифесты ЛДП за чрезмерный национализм, который «может вывести Японию и ее народ на опасный путь», предлагала продолжить курс на «углубление» союза с Америкой, не конкретизируя, что подразумевается за данным термином. Следует отметить также практически полное отсутствие в предвыборной программе ДПЯ какой-либо конкретики, выраженной в виде цифровых и временных ориентиров — т.е. всего того, на чем партия «обожглась» на выборах 2009 г.

Что касается Общества реставрации, то манифесты этой партии оставляли двойственное впечатление. С одной стороны, в них остались характерные для ее лидера Т. Хасимото популистские лозунги: «покончить с неограниченной властью центральной бюрократии», «положить конец зависимости от атомной энергетики», «передать право распоряжаться потребительским налогом на местный уровень» и т.д. Декларировалась необходимость проведения кардинальной конституционной реформы, включая упразднение верхней палаты парламента и введение прямых выборов главы исполнительной власти. С другой стороны, в глаза бросалось отсутствие конкретных рецептов для достижения той или иной цели, особенно в экономической и социальной областях, а также нарочитая округлость и расплывчатость формулировок, допускающая самое разное их толкование. Партия отошла от радикализма по вопросам о необходимости участия Япо-

нии в ТТП и о немедленном закрытии всех атомных станций: все действующие АЭС, по ее мнению, должны «естественным образом» выйти из эксплуатации к 2030 г.

Новым игроком на политической арене страны стала Партия будущего Японии, образованная накануне выборов путем слияния партии «Жизнь народа прежде всего» во главе с И. Одава и группы сторонников губернатора преф. Сига Ю. Када. Партия провозгласила лозунги «покончить с повышением налогов», «отобрать у бюрократов право принятия решений», «проводить внешнюю политику с чувством собственного достоинства»⁵. Наиболее бескомпромиссно Партия будущего высказывалась против атомной энергетики, против участия страны в ТТП, против повышения налогов как средства реализации государственной политики в социальной сфере и т.д.

В целом можно заключить, что практически все политические партии, озабоченные риском оттолкнуть от себя умеренно настроенные слои электората, в преддверии выборов проявляли явную склонность к компромиссам и паллиативным решениям. Пожалуй, только Партия будущего не опасалась проявлять неуступчивость, строя на этом всю свою предвыборную стратегию. Прочие же партии фактически сошлись по основным пунктам электоральной повестки дня. Так, по вопросу о развитии энергетики практически все они заявляли о том, что страна с учетом уроков Фукусимы должна постепенно отходить от АЭС, разница наблюдалась лишь в сроках и методах. Аналогичным образом ни одна из партий не рискнула безоговорочно поддержать идею присоединения Японии к ТТП, включая ДПЯ и Общество реставрации, которые выступали за нее еще совсем недавно. Размывание программно-идеологических различий усложняло для избирателей задачу принятия осознанного выбора, поскольку было крайне трудно нащупать точки противостояния между партиями.

Чувствуя, что идеология пока еще не стала главным фактором электоральной мотивации, многие партии стремились повысить свои рейтинги за счет личной репутации собственных лидеров. Рост значения популизма проявляется в том, что избиратели все чаще голосуют в своем округе под имиджевым влиянием популярного лидера той или партии. В этой связи огромное значение приобретает моральная репутация лидеров ведущих политических партий, их личная незапятнанность, непричастность не только к явной коррупции, но и к относительно небольшим нарушениям действующего законодательства, например, несоблюдению правил в сферах налогообложения, пенсионного обеспечения, политических пожертвований и проч. Знаменательным было использование образа «чистой» Ю. Када из Партии будущего, равно как и намеренное выдвижение на первый план в Обществе реставрации губернатора Токио Н. Исихара, который по популярности выигрывал у его фактического лидера Т. Хасимото.

На основании опросов общественного мнения можно было заранее предугадать, что правящая Демократическая партия Японии потерпит на выборах поражение, а на смену придут ее давние соперники либерал-демократы. Предсказуемо было и то, что ЛДП получит в новом составе нижней палаты «комфортабельное большинство». Тем не менее, итоги голосования 16 декабря были неожиданными и даже в чем-то шокирующими⁶.

Во-первых, поражал воображение масштаб перемен. ДПЯ из 230 мест, которыми она располагала в палате представителей до выборов, сохранила за собой менее четверти — 57. Провалились не только рядовые депутаты, но и члены партийного руководства демократов. Так, из двенадцати членов кабинета, являвшихся до выборов депутатами парламента, потерпели поражение сразу восемь, включая министра финансов К. Дзэйдзима и министра общих дел С. Тарутоко. В Нингате в «вотчине» своего отца, одного из самых известных послевоенных премьеров Какуэя Танаки, не набрала нужного числа голосов министр образования и науки Макико Танака. Падение ДПЯ было стремительным не только в малых округах, что можно было ожидать заранее, но и в округах пропорционального представительства, где партия традиционно чувствует себя очень уверенно: там

демократы получили лишь 30 мест, уступив вторую после ЛДП строчку Обществу реставрации (40 мест).

Во-вторых, более чем убедительной выглядела победа ЛДП, которая увеличила свое представительство с 119 до 294 мест. ЛДП одержала «чистую победу», завоевав мандаты во всех без исключения малых округах сразу девятнадцати префектур (три года назад подобный результат ДПЯ смогла продемонстрировать лишь в двух префектурах). В коалиции со своим традиционным союзником партией Комэйто либерал-демократы завоевали в нижней палате 325 мест. Иными словами, правящая коалиция обрела квалифицированное большинство, которое формально позволяет принимать любые законы, преодолевая вето палаты советников.

В-третьих, существенно меньше, чем ожидалось, получили прочие политические партии. Так, у социал-демократов осталось два депутатских мандата (до выборов пять), у коммунистов — восемь (до выборов девять). Не добились впечатляющих успехов и основные партии, позиционировавшие себя в качестве «третьей силы». Общество реставрации завоевало 53 места, заняв, таким образом, третью строчку после ДПЯ. Что касается одзавовской Партии будущего, имевшей до выборов в нижней палате 61 мандат, то полученные ей 9 мест трудно назвать иначе как полным провалом. Из числа прогнозируемых можно назвать лишь успех Партии всех, которая более чем удвоила свое представительство в нижней палате (18 мест против 8 до выборов).

В-четвертых, беспрецедентным был и уровень неучастия в выборах — явка избирателей составила менее 60%, что примерно на 10% ниже, чем на прошлых выборах. Такой низкий процент электорального участия был показан впервые с момента введения в 1994 г. системы «малых округов». Многие японцы до самого последнего момента не могли сделать свой окончательный выбор — по опросам газеты «Йомиури», еще 7 декабря, т.е. за десять дней до голосования, более четверти избирателей не определились, за кого они будут голосовать. Выборы характеризовала массовая общественная апатия, аполитизм избирателей, утрата ими ясных ориентиров.

Итоги выборов порождают целый ряд вопросов. Почему японцы проголосовали в пользу политической силы, которой они относительно недавно отказывали в доверии и которая даже накануне выборов имела не более 20% поддержки в обществе? Почему неизрасходованный запал неудовлетворенности действующим порядком, накопившийся среди «плавающих голосов», с недавних пор выступающих в современной Японии решающим для итогов выборов электоральным сегментом, сработал именно в пользу либерал-демократов?

Безусловно, одним из главных мотивов было острое желание «показать фигу в кармане» правящей партии. В эмоциях по отношению к демократам среди большинства избирателей превалировало чувство разочарования и даже раздражения.

ДПЯ не справилась с большинством своих предвыборных обещаний, которые в 2009 г. привели ее к победе — они не ввели в полном объеме детские пособия, не создали системы адресной поддержки фермеров, не отменили плату за пользование скоростными автомагистралями, нарушили обещание не повышать потребительский налог (впрочем, следует признать, что последний пункт был признан несостоятельным в программе ДПЯ еще два года назад). С аптекарской точностью было подсчитано, что из 170 пунктов манифестов 2009 г. реализовано было лишь 53, или около 30%⁷.

В области финансов несостоятельным оказалось обещание ДПЯ улучшить катастрофическое положение в сфере государственных финансов путем сокращения расходной части бюджета на 16,8 трлн иен. Провозгласив броский лозунг «От бетона к людям!», правительство ДПЯ проводило масштабное сокращение государственных инфраструктурных проектов, которое только в 2009 г. составило 7,1 трлн иен. Однако непродуманная политика ужесточения бюджета «резала по живому» экономику многих регионов страны, зависимую от государственных заказов, настраивая население против дейст-

вующей власти. Эффект от сокращения был «съеден» новыми расходами на масштабные социальные программы, связанными с введением новых детских пособий, отменой платы за обучение в старших классах средней школы и т.д. С учетом огромных средств, выделенных на ликвидацию последствий катастрофы 11 марта, расходная часть государственного бюджета выросла в период власти ДПЯ с 88,5 трлн иен в 2009 фин.г. до 96,7 трлн. иен в 2012 фин.г.⁸ В результате совокупный государственный долг Японии не только не сократился, но и увеличился, составив более 200% ВВП — наихудший показатель среди развитых стран.

Все это было бы не так плохо, если бы в стране продолжался экономический рост, который бы позволил правительству наращивать налоговые поступления. Однако экономическая ситуация была безрадостной: ВВП продолжал топтаться на месте, а в последний квартал перед выборами и вовсе показал отрицательную динамику.

По меньшей мере, неоднозначными, если не сказать откровенно провальными, были попытки демократов внедрить в практику принцип «политического руководства», усилив за счет ослабления полномочий профессиональной бюрократии право голоса в деле выработки государственной политики со стороны членов политической номенклатуры правительства, представлявших высших руководителей правящей партии. Развернутая ДПЯ кампания «публичной порки» бюрократии не привела ни к повышению финансовой эффективности работы правительства, ни к улучшению качества принимаемых им решений. Наоборот, на отдельных участках ее результатом стал паралич власти, вызванный искусственно созданным противостоянием политиков и чиновников, откровенной враждебностью между ними, а в некоторых случаях — и явным бойкотом бюрократами спускаемых им с политического олимпа решений. Запущенная ДПЯ реформа приводила и к безынициативности технократического звена управления: запуганные чиновники просто ждали руководящих указаний сверху, которых политики не могли представить в силу собственной некомпетентности или недостаточной информированности. Особенно это было заметно там, где требовалась сложная работа правительства, например, при преодолении последствий природно-техногенной катастрофы 11 марта. Фактическое бездействие кабинета в период сразу после аварии на АЭС Фукусима-1 не без оснований критиковалось как «преступное» — во всяком случае, именно оно, по оценкам экспертов, привело к запаздыванию в меру экстренного реагирования и к дополнительному многомиллиардному ущербу.

Откровенно неуспешными можно назвать попытки руководства демократов покончить с феноменом политического лоббирования: предпринятый немедленно после прихода ДПЯ к власти и шумно разрекламированный роспуск партийного Совета по политическим вопросам, который считается главным оплотом депутатских кланов, вызвал массовое недовольство среди депутатов-заднескамеечников, отстраненных от процесса принятия политических решений. Это вынудило партийное руководство воссоздать данную структуру фактически в прежнем виде уже через год после ее ликвидации.

Неудачи преследовали демократов и на дипломатическом фронте. Невыполнение обещания перевести американскую базу Футэмма за пределы Окинавы, найдя в Японии альтернативный вариант ее дислокации, стоило места первому главе кабинета ДПЯ Ю.Хатояме, политика которого привела к сильнейшему кризису в японо-американских отношениях. Прямую ответственность на демократов многие возлагали и за охлаждение в отношениях с Китаем, Южной Кореей и Россией. При демократах Япония, пожалуй, впервые за несколько послевоенных десятилетий почувствовала себя в положении «осажденной крепости». Не случайно новый министр иностранных дел Японии Ф. Кисида в составе пришедшего в декабре 2012 г. правительства ЛДП во время вступления в должность особенно выделил первоочередную задачу улучшения отношений со странами-соседями⁹.

Ударили по имиджу партии и коррупционные скандалы, в которые оказались вовлеченными многие члены руководства ДПЯ, включая ее бывшего председателя Ю.

Хатояма, а также генерального секретаря И. Одзава, который отказался взять на себя ответственность за допущенные нарушения Закона о политических фондах даже после того, как в сентябре 2011 г. виновными были признаны несколько его личных секретарей и помощников.

Против ДПЯ играла также неспособность ее лидеров обеспечить единство в партийных рядах. Многим японцам претила неспособность ДПЯ выглядеть консолидированной силой с ясными программными установками. В партии все время наблюдалось открытое противостояние различных группировок по фундаментальным вопросам государственной политики, результатом которого стала неспособность ДПЯ принимать четкие и однозначные решения. Долгое время партию раздирали распри между сторонниками и противниками И. Одзавы, которые не просто вышли на поверхность, но и стали своего рода знаковым явлением, определявшим в глазах избирателей партийный имидж в течение практически всего срока пребывания демократов у власти. Развернувшаяся в партии борьба по вопросу о повышении потребительского налога в конечном счете привела к партийному расколу и выходу из рядов партии «группы Одзавы» в августе 2012 г. Процесс самораспада партии на этом не закончился: за последующие несколько месяцев, несмотря на все увещевания со стороны председателя ДПЯ Ё.Нода, партию покинули еще более двух десятков депутатов. При этом многие из остающихся в партии депутатов, пренебрегая требованиями партийной дисциплины, продолжали открыто выступать против уже официально принятых партийных решений.

Не добавляла доверия к партии и непоследовательность политических заявлений Нода, касающихся, например, будущего атомной энергетики, членства Японии в Транстихоокеанском партнерстве и др. Хотя было ясно, что лидер ДПЯ вынужден заниматься политическим лавированием и с помощью досрочных выборов пытается предотвратить дальнейший распад партии, многие политически ангажированные избиратели справедливо усматривали в таком поведении лидера ДПЯ предательство собственных принципов. Отсутствие цельной «дорожной карты» по многим животрепещущим вопросам государственной политики привело к тому, что манифесты ДПЯ представляли собой, по выражению газеты «Асахи», «не более чем длинный список обещаний»¹⁰, утратив притягательную силу в качестве полноценной политической программы.

По проведенному газетой «Йомиури» опросу после выборов, в качестве причины поражения ДПЯ наибольшее число респондентов назвало «недостаток единства в рядах ДПЯ» (51% опрошенных), далее следовало «разочарование результатами правления ДПЯ» (21%) и, наконец, «неудовлетворенность деятельностью премьер-министра Ё. Нода» (4%)¹¹. Таким образом, решающую роль в позиции избирателей сыграло восприятие ДПЯ как не вполне состоятельной и недостаточно зрелой политической силы, которой следует «отдохнуть» на скамейке запасных. Иными словами, неголосование за ДПЯ явилось, скорее, формой эмоциональной реакции избирателей на «неподобающий стиль поведения» демократов, нежели проявлением ими осознанной и идеологически мотивированной позиции.

Не сыграл на выборах в той степени, как это ожидалось, и фактор «третьей силы». Казалось бы, Общество реставрации сделало все, чтобы разочарованные в демократах избиратели ринулись к ним в объятия. Еще в феврале 2012 г. Общество провело амбициозную «политическую школу» для своего политического резерва, а ее лидер неоднократно заявлял о намерении выставить кандидатов во всех без исключения «малых округах». Однако в реальности партия Т. Хасимото в течение нескольких месяцев перед выборами катастрофически теряла популярность, а радикальные идеи ее лидера не производили должного впечатления. Хорошим шансом для обновления партийного имиджа стало то, что выборы были объявлены в момент после слияния Общества реставрации с партией относительно популярного мэра Токио. На Общество играло и то, что избиратели находились под впечатлением от недавних пикировок Японии с Китаем и Южной Кореей по территории

альным проблемам. Предвыборные лозунги нового лидера Общества С. Исихара, призывающие к «возрождению японского духа» и «возвращению к истокам», попадали на благодатную почву. Тем не менее, успех Общества реставрации можно назвать весьма относительным. Даже в Токио, мэром которого до недавнего времени был глава Общества С. Исихара, партия не смогла набрать в малых округах ни одного голоса.

В целом «третий полюс» оказался плохо подготовленным политическим проектом, преследующим эгоистическую задачу перешедших в новые партии депутатов — пробиться в парламент, эксплуатируя массовое недовольство обеими «системными» партиями. В глаза бросались соревнование их лидеров в популистских обещаниях (чего стоило только предложение Ю. Када «немедленно» покончить с атомной энергетикой), «разброд и шатания», а то и откровенная взаимная грызня. Трудно было отделаться и от впечатления какого-то хаотического толкания локтями с целью застолбить себе место «единственно правильной» «третьей силы», способной указать народу верный путь. Такую ситуацию очень хорошо почувствовали избиратели, которые, уже обжегшись на популизме ДПЯ, в массе своей предпочли не рисковать, проголосовав за «проверенных» либерал-демократов. Это признали даже представители самих «третьих сил». Например, лидер Новой партии Реформа Ё. Масудзоэ заявил: «В пользу ЛДП сыграло то, что «третий полюс» оказался в состоянии полного хаоса»¹².

Что касается Либерально-демократической партии, голосование за нее можно сравнить с манифестацией протестных настроений избирателей, разочаровавшихся в броских лозунгах популистов новой волны. Безусловно, нельзя отрицать, что часть электората голосовала за ЛДП сознательно, «купившись» на некоторые из ее манифестов. Многим импонировала националистическая риторика С. Абэ, который обещал поменять конституцию, создать «оборонительную армию», разместить на постоянной основе военный персонал на островах Сэнкаку — словом, сделать все возможное для отстаивания национальных интересов страны, особенно в контексте обострения территориальных споров с Китаем и Южной Кореей. Другим тезисом, который привлек внимание электората, особенно в регионах с депрессивной экономикой и традиционно зависимых от государственных заказов — обещание ЛДП стимулировать экономику бюджетными деньгами, продолжая политику массивованного накачивания ее инфраструктурными заказами. Однако непроясненным оставался вопрос, каковы должны быть финансовые источники для такой политики в условиях тяжелейшего кризиса государственных финансов.

Однако гораздо большую роль в победе ЛДП, как представляется, сыграл на выборах фактор неявки на выборы, ставший следствием усиления настроений аполитизма в среде избирателей. Низкий порог явки стал сильным аргументом против ДПЯ, которую поддерживают в основном волатильные «городские слоны», сыгравшие наибольшую роль в бойкоте выборов. В свою очередь, для ЛДП, сохранившей в регионах мощную систему электоральной поддержки «организованных голосов», низкая явка традиционно дает лучший результат. За ЛДП в малых округах голосовали по традиции и избиратели Ко-мэйто, представляющие один из наиболее структурированных сегментов «организованных голосов».

Существенный вклад в результаты выборов внесли и особенности электоральной системы Японии. В малых (мажоритарных) округах основной накал борьбы традиционно наблюдается между двумя крупнейшими партиями — ЛДП и ДПЯ, которые, в отличие от прочих партий, способны выдвинуть кандидатов на всем политическом пространстве страны. Однако после раскола ДПЯ уже не смогла представлять либерал-демократам действенную альтернативу во всех без исключения малых округах, в результате чего планка для победы на выборах существенно снизилась. В малых округах представители ЛДП побеждали с гораздо меньшим уровнем электоральной поддержки, чем это было, например, на предыдущих выборах. ЛДП получила там рекордные 237 мест из 300 (79% мандатов), при том, что партия собрала в них лишь около 43% голосов. Крас-

норечиво выглядят следующие цифры: ЛДП получила в малых округах лишь в 1,9 раз больше голосов избирателей, чем ДПЯ, однако завоеванное ею в них число депутатских мандатов превышает показатель ДПЯ в 8,8 раз¹³. Вместе с тем, к числу «мертвых», т.е. потерянных, относится около 53%, т.е. больше половины голосов, поданных в малых округах за иные, помимо ЛДП, партии.

Следует отметить усиление на выборах в малых округах фактора «плавающих голосов», ставшее в последние годы знаковым явлением в политической жизни страны. В отличие от «традиционных» избирателей, политический выбор которых в большей степени детерминируется их происхождением, статусом, принадлежностью к традиционным социальным институтам, эти электоральные слои более волатильны в своих политических предпочтениях, являясь, скорее, продуктом постиндустриальной цивилизации. Даже с учетом того обстоятельства, что общая доля таких голосов относительно невелика, именно их поддержка была решающей для сокрушительной победы демократов на выборах в нижнюю палату в 2009 г., а утрата этой поддержки предопределила поражение ДПЯ на выборах в палату советников летом 2010 г. Поскольку политически мотивированный избиратель делает свой выбор в последний момент на основе собственных субъективных ощущений, общий исход голосования оказывается все более труднопредсказуемым¹⁴.

Что касается округов пропорционального представительства, там либерал-демократы набрали лишь 27,6% голосов, что даже меньше, чем это было в 2009 г. (27,73%), когда ЛДП потерпела сокрушительное поражение¹⁵. Здесь за нее сыграл фактор «третьей силы», которого не было три с лишним года назад: новые партии (Общество реставрации и Партия всех) оттянули на себя значительную часть «плавающих голосов», которые были поданы на прошлых выборах в пользу ДПЯ. Фактически реальная борьба шла не между ЛДП и ДПЯ, а между ДПЯ и партиями «третьего полюса», усилиями которых поражение демократов стало столь сокрушительным. Таким образом, тезис о «безоговорочной» победе ЛДП, которой японские избиратели единодушно доверили бразды правления страной, вызывает обоснованные сомнения.

Результаты выборов привлекают повышенное внимание к вопросам избирательной системы, реформа которой становится одним из главных пунктов в политической повестке дня нового правительства. Применение мажоритарного принципа практически детерминирует сокрушительный характер смены власти на каждых последующих выборах. Так, на выборах в палату представителей 2005, 2009 и 2012 гг. победившая партия одерживала сокрушительную победу, набирая в каждом случае около 300 мест, т.е. количество мандатов, близкое к квалифицированному большинству.

Некоторые моменты, связанные с применением мажоритарного принципа при выборах в нижнюю палату парламента, вызывают в Японии обоснованную критику. К их числу относят, например, приход в парламент на гребне общественных настроений большого количества неопытных и малоискушенных в политической деятельности новичков, пользующихся протекцией одного из влиятельных лидеров победившей партии. Речь идет о т.н. феномене «детей» — депутатов, связанных со своим покровителем отношениями личной преданности. Такими были «дети Коидзуми» в 2005–2009 гг., «дети Одава» и в 2009–2012 гг. Как правило, они оказываются неспособными удержаться в парламентском кресле более одного срока. Их приход в политический мир означает снижение качества депутатского корпуса, что в свою очередь порождает еще больший уровень общественного разочарования в отношении действующей власти.

Другой момент — боязнь партий выступать с четкими программными установками, которые могут «отпугнуть» часть несогласных с ними избирателей, проявляющаяся на фоне того, что даже небольшие колебания избирательного сознания могут, как показывает практика, оказать решающее воздействие на итоги голосования. «Системные» партии, кроме того, опасаются, что выражение в манифестах четкой политической линии, ущемляющей интересы определенных электоральных слоев, приведет к снижению

финансовой поддержки со стороны влиятельных организаций-спонсоров. Так, например, опасение лишиться политических пожертвований от Всеяпонского совета сельскохозяйственных кооперативов (*Дзэнно*), а также Японской ассоциации врачей (*Исикай*) заставили обе главные партии страны отказаться от того, чтобы однозначно зафиксировать в предвыборных манифестах курс на участие Японии в Транстихоокеанском партнерстве. В результате партии оказываются неспособными определить четкую политическую позицию по важным вопросам государственного управления, программные различия между ними стираются, что не позволяет избирателям сделать сознательный выбор, основанный на идеологических, а не личностных предпочтениях.

Прошедшие выборы в очередной раз наглядно продемонстрировали, что реальную возможность выжить по действующим правилам имеют лишь достаточно крупные политические партии. Фактически речь идет о двух «системных» партиях, которые способны составить друг другу политическую альтернативу во всех избирательных округах страны. Прочие же партии могут рассматриваться, скорее, в качестве потенциальных кандидатов для формирования коалиций с одной из двух крупнейших партий. Таким образом, на политическом поле доминирует эффект поляризации, который заставляет любые партии «третьего», «четвертого» и иных полюсов тяготеть к одной из двух главных сил.

Эффекту поляризации способствует и большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для малых партий. В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не происходило и политической институализации интересов таких меньшинств. К тому же японское общество относительно гомогенно в экономическом отношении, его основу составляет сильный средний класс, а противоречия между трудом и капиталом не носят непримиримого характера.

Свою роль в процесс поляризации партийно-политического пространства вносит также то, что японские избиратели, имеющие более протекционистски ориентированный, чем в других странах, тип сознания, склонны поддерживать в первую очередь те партии, которые имеют реальную перспективу прихода к власти. В общественном сознании сложился стереотип, согласно которому вхождение во власть представляет собой высшую цель политических партий, ради которой они могут даже пожертвовать своими идейными принципами. С этой точки зрения, партии «третьего полюса» сохраняют свой потенциал в первую очередь как политические акторы, обеспечивающие после своего вхождения во власть корректировку курса правящей коалиции в направлении лучшего учета позиции специфических интересов отдельных социальных групп и слоев. Типичным примером, с этой точки зрения, выступает давний союзник ЛДП партия Комэйто, которую многие рассматривают в качестве «пауцифистского крыла» ЛДП.

Безусловно, трудно отрицать, что в перспективе малые партии сохраняют свою, во многих случаях существенную роль в политических процессах Японии. В этом им помогают особенности избирательной системы страны, в частности, принципиальные различия в порядке выборов в палату советников и палату представителей, а также наличие в нижней палате большого блока мест, избираемых в округах пропорционального представительства. Малые партии, безусловно, будут и впредь возникать из осколков «системных» партий, объединяться между собой и с крупными партиями, самораспускаться. Им на руку играет рост популизма в политике, заставляющего амбициозных политических деятелей, по какой-то причине неудовлетворенных своим положением в «системной партии», решительно порывать с ней, организуя собственную партию. Харизматические лидеры, безусловно, будут продолжать напрямую апеллировать к народным массам и даже на ограниченное время пользоваться существенной общественной поддержкой. Вместе с тем, нельзя не видеть и общую тенденцию — на фоне феномена поляризации малым

партиям суждено либо блокироваться с крупными партиями, либо вообще уходить с политической сцены.

-
1. <http://senkyo.yahoo.co.jp/manifesto/party>.
 2. <http://www.jimin.jp/policy/pamphlet/>
 3. Санкэй симбун 2012. 2 дек.
 4. Йомнури симбун 2012. 28 нояб.
 5. Йомнури симбун 2012. 29 нояб.
 6. <http://senkyo.yahoo.co.jp/>
 7. Йомнури симбун 2012. 18 нояб.
 8. Йомнури симбун 2012. 18 нояб.
 9. http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1212.html#8.
 10. Асахи симбун 2012. 28 нояб.
 11. Йомнури симбун 2012. 20 дек.
 12. <http://www3.nhk.or.jp/news/html/20121217/k10014228681000.html>.
 13. Йомнури симбун 2012. 24 дек.
 14. *Стрельцов Д.В.* Избирательная система в современной Японии // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 64.
 15. http://nihon-kokumin.blogspot.ru/2012/12/blog-post_24.html.

Экономика

Особенности развития трубопроводного транспорта Китая

© 2013

Л. Эдер, И. Филимонова

Авторы рассматривают современное состояние и перспективы развития трубопроводного транспорта Китая. Представлена его общая характеристика, проанализирована история формирования, показана организационная и региональная структура трубопроводной инфраструктуры КНР.

Ключевые слова: Владивосток, Сковородино, нефтепроводы, газопроводы, продуктопроводы, Роснефть, PetroChina (CNPC), Sinorec, CNOOC.

Саммит АТЭС во Владивостоке отметил необходимость расширения и развития транспортной инфраструктуры между Россией и странами Тихоокеанского региона. В части развития инфраструктуры по транспорту энергоносителей было подписано несколько ключевых для России соглашений. Во-первых — с японскими газовыми компаниями о строительстве завода СПГ во Владивостоке мощностью около 10 млн т в год с возможностью последующего расширения. Во-вторых, «Роснефти» удалось договориться в ходе саммита с китайской компанией CNPC по строительству нового НПЗ в Тяньцзине.

В рамках соглашения китайская сторона уполномочила российско-китайское СП на операции по импорту нефти с последующей торговлей нефтепродуктами нефтеперерабатывающего завода как внутри КНР, так и за ее пределами, что в настоящее время является эксклюзивным правом среди компаний с участием иностранного капитала на территории Китая¹.

Развитие транспортной инфраструктуры между Россией и Китаем является одним из приоритетов в энергетической сфере АТР. Реализация проекта ВСТО по маршруту «Тайшет—Сковородино» яркий тому пример. Естественно, что при реализации таких проектов приходится самым серьезным образом принимать во внимание специфику китайского рынка трубопроводных поставок углеводородов.

Китай — один из крупнейших рынков энергетических ресурсов в мире, потенциал которого в ближайшие десятилетия будет существенно возрастать. Для обеспечения

Эдер Леонтий Викторович, кандидат экономических наук, заведующий отделом в Институте нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН. Тел.: 8 (383) 333-28-14, e-mail: EderLV@yandex.ru.

Филимонова Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН. Тел.: 8 (383) 333-28-14, E-mail: FilimonovaIV@list.ru.

растущего потребления энергоресурсов Китай осуществляет формирование крупномасштабной сети трубопроводного транспорта как внутри страны, так и с учетом интеграции с международными системами энергообеспечения.

Одной из причин того, что на протяжении 2000-х гг. не было начато строительство газопроводов из России, явилось отсутствие собственной развитой трубопроводной инфраструктуры и рынка сбыта природного газа в КНР, способного принимать его значительные объемы из РФ. Но за последнее десятилетие длина трубопроводной системы нефте-, газо- и продуктопроводов КНР увеличилась более чем втрое².

Общая характеристика трубопроводного транспорта Китая

В течение последних нескольких лет была сформирована система транскитайских трубопроводов (Запад—Восток-1, Запад—Восток-2 и др.), позволившая доставлять газ и нефтепродукты из северо-западных районов Китая, а также из Туркменистана и Казахстана в промышленно развитые регионы на востоке страны с высоким уровнем жизни и активным энергопотреблением. Одновременно для приема сжиженного природного газа (СПГ), сырой нефти и нефтепродуктов была существенно оптимизирована и расширена система трубопроводов на востоке страны (в сыром виде — на НПЗ в Синьцзян-Уйгурский АО).

Общая длина трубопроводной инфраструктуры в Китае составляет около 3% от общемирового показателя. При этом по развитости нефте-, газо- и продуктопроводов Китай занимает первое место среди стран АТР (рис. 1).

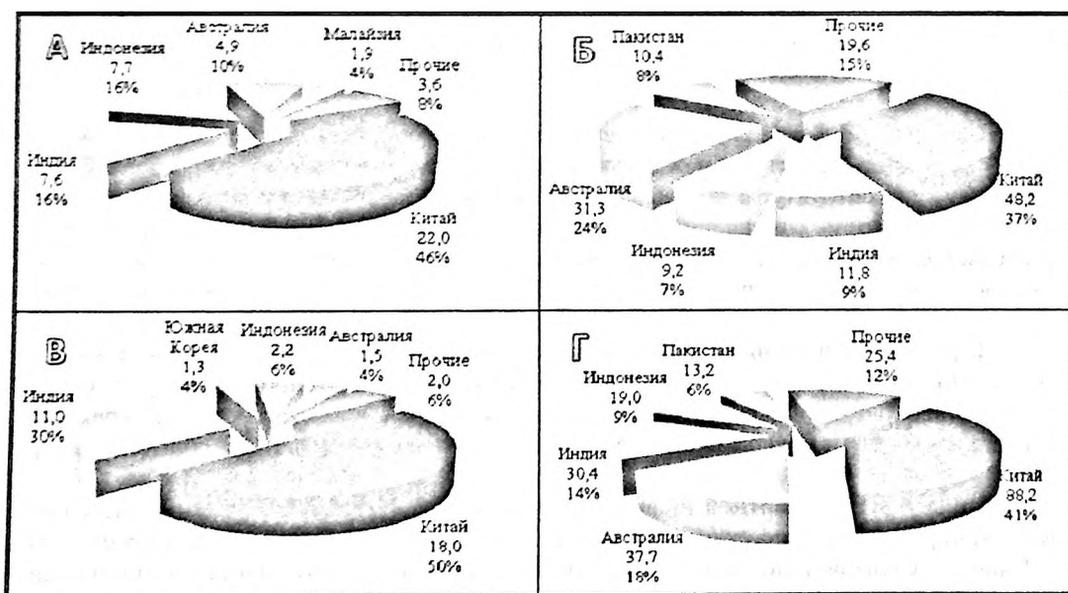

Рис. 1. Структура протяженности трубопроводов стран АТР:

А) нефтепроводы, Б) газопроводы, В) продуктопроводы, Г) трубопроводы в целом

Китай — крупнейшая по численности населения и энергопотреблению страна в мире с высоким уровнем государственного участия в отраслях ТЭК, прежде всего, в секторе добычи нефти и газа. Быстрое экономическое развитие и моторизация экономики и населения привели в последние десятилетия к ускоренному росту спроса на все виды энергетических ресурсов.

В результате быстрого увеличения потребления энергии, прежде всего, углеводородного сырья, Китай планомерно выстраивает полную и замкнутую структуру трубопроводного транспорта. Развитая трубопроводная инфраструктура гарантирует увеличение поставок импортного сырья как по международным трубопроводам, так и от морских нефтеналивных портов и терминалов. Внутри страны расширение географии собственной добычи и объема потребления углеводородов обуславливает высокие темпы строительства магистральной и распределительной трубопроводной инфраструктуры.

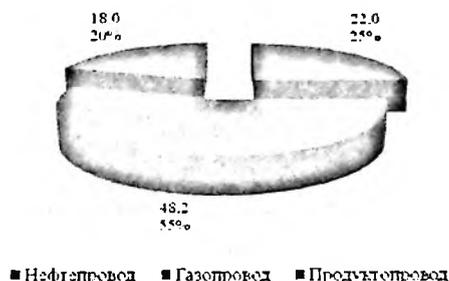

Рис. 2. Структура трубопроводного транспорта Китая (тыс. км, %)

В настоящее время в Китае газопроводная система превышает по протяженности трубопроводы по прокачке жидких углеводородов. Так, общая протяженность инфраструктуры по транспорту природного газа составляет 48.2 тыс. км (около 55% всей трубопроводной системы), в то время как длина нефтепроводов — лишь около 22 тыс. км (25%), продуктопроводов — 18 тыс. км (20%) (рис. 2).

Учитывая быстрые темпы экономического роста и энергопотребления, следует признать, что перспективы роста трубопроводной сети в Китае значительны. Только за последнее десятилетие трубопроводная инфраструктура нефте-, газо- и продуктопроводов КНР увеличилась более чем втрое с 29 тыс. км до 88.2 тыс. км (табл. 1).

Таблица 1

Динамика строительства трубопроводов в Китае в 2000–2011 гг., тыс. км

Типы трубопроводов	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Нефтепроводы	9.8	14.7	19.5	20.3	20.7	21.3	22
Газопроводы	18	25	30	35	37	39	48.2
Продуктопроводы	1.5	2.9	7.1	8.9	12.3	14.1	18
Всего	29.3	42.6	56.6	64	67.4	71.2	88.2

Источники: CNPC Annual Report 2011 // China National Petroleum Corporation, 2012; Sinopec Annual Report 2011 // Sinopec Corp., 2012; CNOOC Annual Report 2011 // China National Offshore Corporation, 2012.

По ежегодным темпам роста протяженности магистральных трубопроводов лидируют продуктопроводы. С начала 2000-х гг. их протяженность в Китае увеличилась в 12 раз, что обусловлено сокращением затрат на транспортировку продуктов переработки нефти посредством замещения железнодорожного и водного транспорта — трубопроводным (рис. 3). Кроме того, относительно быстрыми темпами развиваются магистральные газо- и нефтепроводные сети, увеличившись за последние 11 лет в 2,7 и 2,4 раза соответственно. Существенная пересориентация поставок жидких углеводородов (нефти и нефтепродуктов) с железнодорожного на трубопроводный транспорт позволила высвободить дополнительные мощности для наращивания объема перевозки угля.

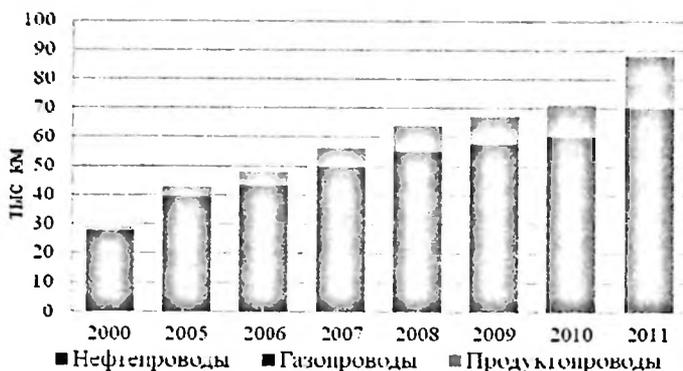

Рис. 3 Динамика строительства трубопроводов в Китае в 2000–2011 гг.

История формирования трубопроводной инфраструктуры

Нефтепроводы. Во второй половине 2000-х гг. в Китае происходило, как уже говорилось, активное строительство международных нефтепроводов. В 2006 г. закончилось формирование и введен в эксплуатацию первый международный нефтепровод, «Атасу — Алашанькоу», по которому нефть из Казахстана стала поступать в западные и центральные районы Китая. В 2011 г. в северо-восточные регионы КНР пошла первая нефть из России по трубопроводу «Сковородино—Дацин».

Дальнейшее расширение магистральной нефтепроводной сети в Китае связано с завершением строительства транскитайских линий нефтепроводов, оптимизацией нефтепроводной инфраструктуры на востоке и в центральных регионах. Кроме того, учитывая, что до настоящего времени значительный объем нефти внутри страны транспортируется по железной дороге, крупные национальные компании работают над созданием интегрированной сети нефтепроводов, которая бы всецело покрывала растущий спрос на жидкие углеводороды в Китае.

Газопроводы. Последнее десятилетие газовая промышленность Китая получила быстрое развитие, связанное с ростом спроса на энергоносители, а также с началом широкомасштабной разработки месторождений углеводородов в НГБ Тарим, Сычуань, Ордос и с началом импорта сетевого и сжиженного природного газа. В это время была интенсифицирована работа по строительству транскитайской газопроводной сети. В середине 2000-х гг. здесь была сформирована газопроводная сеть, имеющая стратегическое значение для развития газовой промышленности Китая — «Запад—Восток-1», вторая ветка «Шэньем—Пекин», «Чжунсянь—Ухань» и ряд других проектов.

К началу 2010-х гг. была достроена транскитайская магистральная линия «Запад-Восток—2», «Сычуань — Восточный Китай», «Юйлинь—Цзинань». В это же время из Туркменистана в Китай стали поступать первые объемы сетевого природного газа. Новый этап развития газопроводной сети Китая связан с перспективами строительства системы газопроводов «Россия—Китай».

Продуктопроводы. До 2000-х гг. основной объем перевозок нефтепродуктов осуществлялся железнодорожным и водным транспортом. Так, в начале 2000-х гг. общая протяженность продуктопроводов составляла не более 1,5 тыс. км, включая законсервированный продуктопровод в столицу Тибета (Голмуд — Лхаса).

Организационная структура трубопроводного транспорта Китая

В настоящее время в Китае трубопроводная инфраструктура, включая нефте-, газо- и продуктопроводы, принадлежит трем государственным компаниям — PetroChina, или CNPC (China National Petroleum Company), Sinopec, CNOOC (China National Offshore

Oil Company). Основная часть трубопроводных сетей (около 68%) контролируется первой из них, для остальных компаний этот показатель составляет сравнительно небольшую величину: Sinopec — 29%, CNOOC — 3%.

Трубопроводы компании PetroChina (CNPC)

Нефтепроводы.

Нефтепроводы компании PetroChina (CNPC) сконцентрированы в северо-западной части, а также на северо-востоке страны. Трубопроводные линии по прокачке нефти связывают такие крупные нефтегазоносные бассейны и регионы нефтедобычи как Тарим, Джунгарский бассейн, Цинхай, Сунляо, с крупными центрами переработки (Урумчи, Ланьчжоу, Душанцзы, Дацином, Фушунем Далянем.

Таблица 2.

Структура собственности нефтепроводов в Китае

Компания	Протяженность, тыс. км	%
CNPC	14.8	67
Sinopec	6.7	30
CNOOC	0.5	2
Всего	22	100

Источники: CNPC Annual Report 2011 // China National Petroleum Corporation, 2012; Sinopec Annual Report 2011 // Sinopec Corp., 2012; CNOOC Annual Report 2011 // China National Offshore Corporation, 2012

Газопроводы

Таблица 3

Структура собственности газопроводов в Китае в 2011 г.

Компания	Протяженность, тыс. км	%
CNPC	36.1	75
Sinopec	10.3	21
CNOOC	1.7	4
Всего	48.2	100

Источники: CNPC Annual Report 2011 // China National Petroleum Corporation, 2012; Sinopec Annual Report 2011 // Sinopec Corp., 2012; CNOOC Annual Report 2011 // China National Offshore Corporation, 2012.

Продуктопроводы.

Общая протяженность продуктопроводной сети CNPC составляет около 9,3 тыс. км (табл. 4) Компания контролирует крупнейшие и самые протяженные продуктопроводы в Китае — Запад («Урумчи — Ланьчжоу») и «Ланьчжоу — Чунцин»).

Таблица 4.

Структура собственности продуктопроводов в Китае в 2011 г.

Компания	Протяженность, тыс. км	%
CNPC	9,3	52
Sinopec	8,7	48
CNOOC	0	0
Всего	18	100

Источники: CNPC Annual Report 2011 // China National Petroleum Corporation, 2012; Sinopec Annual Report 2011 // Sinopec Corp., 2012; CNOOC Annual Report 2011 // China National Offshore Corporation, 2012.

Трубопроводы компании Sinopec. (PSTS)

Нефтепроводы.

PSTC имеет относительно протяженную сеть нефтепроводов, общая длина которой составляет около 6,7 тыс. км. В 2011 г. компания прокачала около 142 млн т сырой нефти, добываемой в стране и поставляемой из-за рубежа. Нефтепроводы PSTC получили распространение, преимущественно в центральной части Китая (район бассейна реки Янцзы) и на юго-восточном побережье. Трубопроводы в этих регионах связывают крупные районы нефтедобычи (Шэнли, Бохай, Ордос, Чжунюань, Хэнань, Цзянхэнь и др.) с 20 основными центрами нефтепереработки и нефтехимии, принадлежащими Sinopec (Яньшинь, Тяньцзинь, Циньцзинь, Циндао, Цзиньнин, Янцзы, Шанхай, Аньцин, Цюэцзян, Цзиньмэн, Лоян и др.).

Газопроводы

Протяженность газопроводов этой компании — около 10,3 тыс. км. В 2011 г. Sinopec прокачала потребителям около 10 млрд куб. м природного газа, добываемого в стране и поставляемого из-за рубежа (в виде сжиженного природного газа).

Основные газопроводы, которые она эксплуатирует, расположены в южной и центральной частях Китая. На юге протянулся газопровод «Сычуань — Шанхай». В центральной части газопровод «Юйлинь—Цзинань» имеет значительное количество магистральных отводов для снабжения газом внутри провинций («Цзинань — Циндао», «Цюйфу — Цзинань», «Аньпин — Цзинань», «Лайчжоу — Пинду — Цзяочжоу», «Цзяочжоу — Жичжао»).

В 2010 г. начал функционировать терминал по приему СПГ в Циндао. В результате источником поставок газа по трубопроводу «Юйлинь — Цзинань» стал, в том числе, сжиженный природный газ.

Трубопроводы компании CNOOC

Продуктопроводы.

CNOOC является оператором разработки шельфового месторождения Пинху в Восточно-Китайском море и поставок конденсата по нефтепроводу в Нинбо.

Газопроводы

Компания CNOOC поставляет газ по трубопроводу с месторождения Пинху в Шанхай. Общая протяженность газопроводной сети составляет около 1,7 тыс. км. В 2011 г. компания прокачала потребителям около 3,45 млрд куб. м природного газа.

Региональная структура трубопроводного транспорта Китая

Внутренние магистральные нефтепроводы

В настоящее время в Китае нет единой системы магистральных нефтепроводов. В связи с этим общую структуру трубопроводной сети страны можно разделить на два обширных макрорегиона: Западный и Восточный.

Крупнейшие НПЗ западного района тяготеют к основным центрам добычи, потребления и к магистральным линиям трубопроводов: к Душанцзы, Кармаю, Урумчи, Шаньшаню, Ланьчжоу.

В настоящее время условную границу между Западной и Восточной частями трубопроводных систем можно провести через город Ланьчжоу. В 2011 г. начато строительство важного стратегического нефтепровода Ланьчжоу — Чэнду, призванного связать западный и восточный макрорегионы. Каждый из них можно подразделить, в свою очередь, на ряд регионов нефтедобычи и переработки — узловых районов, которые связаны между собой нефтепроводами либо нефтепроводы от узловых районов до магистральных трубопроводов большего диаметра.

В Западном макрорегионе можно выделить магистральную линию «Шаньшань — Ланьчжоу» и четыре основных узловых района: Сычуаньский, Таримский, Цин-

хайский, Джунгарский. Магистральная линия «Шаньшань — Ланьчжоу» (нефтепровод «Западный Китай») связывает месторождения нефтегазоносных бассейнов Северо-Западных районов КНР (Джунгарский, Таримский и др.) с нефтеперерабатывающим комплексом в Ланьчжоу. По этому нефтепроводу осуществляются также и поставки нефти из Казахстана.

Первая линия нефтепровода была запущена в эксплуатацию в 2006 г., вторая — в 2007 г. (табл. 5).

Таблица 5.

**Основные внутренние магистральные нефтепроводы Китая
(в одностороннем исполнении)**

№	Направление	Диаметр, мм	Протяженность, км	Мощность, млн т/год
1	Шаньшань — Ланьчжоу	813	1842	10
2	Алашанькоу — Душаньцзы	813	246	10
3	Тачжун — Луньнань	426	440	6
4	Лэнху — Голмуд	436	439	5
5	Дацин — Фушунь	720	664	10
6	Телли — Циньхуандао	720	454	10
7	Телли — Далянь	720/529	460	10
8	Дунгин — Цзинань	720	290	10
9	Дунгин — Циндао	720	248	10
10	Ухань — Цзиньмин	356	76	4
11	Цзиньмин — Лоян	426	225	5
12	Ланьчжоу — Чэнду	219	1250	5
13	Пинху — Нинбо	254	310	3
14	Гуандун — Гуанчжоу	540	10	5

Источник: China — World Factbook // Central Intelligence Agency, 2012; China. Country Specific Information // U. S. Department of State Consular Information Sheet, 2012; China Country Energy Profile // Energy Information Administration, 2012.

Восточный макрорегион

В Восточном макрорегионе нет четко выраженных магистральных линий нефтепроводов, в то время как все существующие трубопроводы по перекачке нефти сконцентрированы в пределах шести основных узловых районов: Сычуаньского, Дацинского (Северного), Джиньханьского, Центрально-Восточного, Шанхайского, Южного.

Внутренние магистральные газопроводы

Система газопроводов КНР включает:

- два транскитайских магистральных газопровода («Запад—Восток-1» и «Запад—Восток-2»);
- газопроводы северного и южного узловых районов, имеющие ответвления к основным крупным центрам газодобычи и потребления;
- газопроводы-коннекторы, соединяющие магистральные линии.

Транскитайские магистральные газопроводы протянуты через всю территорию Китая с запада на восток. На западе сосредоточены крупные источники поставок, связанные как с собственной газодобычей, так и с импортом газа из стран Центральной Азии, тогда как на востоке расположены основные центры потребления энергоносителей.

Газопровод «Луньнань — Шанхай» («Запад—Восток»). Трубопровод пущен в эксплуатацию в 2004 г. Соединяет газодобывающие регионы в западной части Китая, прежде всего, месторождения одного из крупнейших и перспективных нефтегазоносных

бассейнов в Китае, Таримского — с потребителями в восточной части Китая (в Пекине и Шанхае). Общая протяженность газопровода составляет 5,8 тыс. км, включая центральную магистраль и 3 магистральных ответвления. Трубопровод проходит по территории 10 провинций, автономных округов и муниципалитетов Китая (табл. 7). Эксплуатирует его компания CNPC.

Газопровод «Хоргос — Гуанчжоу/Шанхай» («Запад—Восток-2») введен в эксплуатацию в середине 2011 г. Основным источником поставок являются газовые месторождения Туркменистана. Маршрут проходит по направлению Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай. Протяженность составила около 9,1 тыс. км, включая магистральную ветку и восемь магистральных ответвлений. Трубопровод проходит по территории 14 провинций. Мощность трубопроводной сети «Запад — Восток-2» составляет около 30 млрд куб.м в год. Эксплуатируется компанией CNPC.

Таблица 6.

Основные внутренние магистральные газопроводы Китая
(в одноконтурном исполнении)

№	Направление	Диаметр, мм	Протяженность, км	млрд куб. м/год
1	Луьнань — Шанхай	1016	5800	12
2	Хоргос — Гуанчжоу — Шанхай	1016	9100	30
3	Цзинбянь — Пекин	720	1105	3,6
4	Шэнь — Цзин	1016	935	12
5	Цзи — Нин	720	1242	9,8
6	Юйлинь — Пекин	720	970	5
7	Чжунсянь — Ухань	711	1375	3
8	Сычуань — Шанхай	720	2246	12
9	Пинху — Шанхай	355	390	3
10	Ячэн — Гонконг	720	775	4
11	Хуайян — Ухань	610	475	1,5

Источники: China — World Factbook // Central Intelligence Agency, 2012; China. Country Specific Information // U. S. Department of State Consular Information Sheet, 2012; China Country Energy Profile // Energy Information Administration, 2012.

Северный узловой район представлен трубопроводами «Цзинбянь — Пекин-1», «Цзинбянь — Пекин-2», «Цзи-Нин», «Юйлинь — Цзинань — Циндао» и др. Газопроводы связывают основные центры газопотребления Китая на северо-востоке страны, прежде всего, Пекин с районами газодобычи (НГБ Ордос), а также с транскитайским газопроводом («Запад — Восток-1»). Кроме того, к системе подключены терминалы по приему СПГ на северо-восточном побережье страны (Циндао и др.).

Южный узловой район представлен трубопроводами «Цзи-Нин», «Чжунсянь — Ухань», «Хуайян — Ухань», «Сычуань — Восточный Китай», «Пинху — Шанхай», «Ячэн — Гонконг» и др. Газопроводы связывают основные центры газопотребления, прежде всего Шанхай, с районами газодобычи (НГБ Сычуань и др.), через транскитайские газопроводы («Запад — Восток-1», «Запад — Восток-2»).

В западной части эти транскитайские газопроводы пролегают практически в одном коридоре, а на востоке расходятся в направлениях: «Цзинбянь — Хуайян — Шанхай» и «Чжунвэй — Ухань — Наньчан» и далее Гуанчжоу. В связи с этим ради стабильной работы газопроводной системы в целом и для расширения рынка потребления газа трубопроводы соединены магистральными коннекторами по направлениям «Хуайян — Ухань», «Наньчан — Шанхай» и др.

Продуктопроводы Китая

Основная часть продуктопроводной инфраструктуры в Китае была сформирована за последнее десятилетие. За это время поэтапно был введен стратегически важный продуктопровод Урумчи — Ланьчжоу, по которому транспортируется топливо от трех крупных НПЗ на западе Китая (Синьцзян — Урумчи, Карамай и Душанцзы) до нефтепродуктовой системы на юго-западе (Ланьчжоу — Чунцин — Чэнду) и на востоке (Ланьчжоу — Чжэнчжоу). Параллельно происходило развитие продуктопроводного транспорта на юге Китая. В 2005 г. введен в эксплуатацию самый протяженный продуктопровод (1,7 тыс. км), соединяющий нефтеперерабатывающий завод Маомин и город Куньмин.

Внутренние магистральные продуктопроводы. В последние годы Китай сформировал значительную по протяженности систему продуктопроводов. Основная трасса продуктопроводов пересекает практически всю территорию страны с запада на восток и состоит из двух основных участков «Урумчи — Ланьчжоу» на востоке и «Ланьчжоу — Чунцин — Чэнду» на западе. Кроме того, в южной части Китая расположено несколько продуктопроводов, которые соединяют районы добычи, переработки и импорта нефти с удаленными регионами страны — «Голмуд — Лхаса», «Маомин — Куньмин» и др.

Таблица 7.

Основные внутренние магистральные продуктопроводы Китая

№	Направление	Диаметр, мм	Длина, км	млн т/год
1	Голмуд — Лхаса	219	1080	3
2	Нинбо — Ханчжоу	273–356	210	3
3	Урумчи — Ланьчжоу	720	1858	10
4	Ланьчжоу — Чунцин — Чэнду	720	1250	5
5	Ланьчжоу — Чжэнчжоу — Чанша	720	2846	15
6	Нинбо — Шанхай	273–356	210	3
7	Маомин — Куньмин	720	1740	10

Источники: China — World Factbook // Central Intelligence Agency, 2012; China. Country Specific Information U. S. Department of State Consular Information Sheet, 2012; China Country Energy Profile // Energy Information Administration, 2012.

Международные магистральные трубопроводы

Нефтепроводы

Трубопровод «Атасу—Алашанькоу») связал принадлежащую «КазТрансОйл» нефтеперекладывающую станцию Атасу в Карагандинской области Казахстана с железнодорожной и нефтеперекачивающей станцией Алашанькоу на территории Китая. Источником поставок является Кумкольская группа месторождений. Протяженность магистральной линии составляет 962 км, диаметр — 813 км. Нефтепровод был введен в эксплуатацию в 2006 г. Пропускная способность на первом этапе составила 10 млн т в год (табл. 6). В 2011 г. пропускная способность нефтепровода увеличена до 12 млн т за счет строительства 11 нефтеперекачивающих станций (НПС). Оператором проекта является — Kazakhstan China Pipeline (КСП) — совместное предприятие, созданное на паритетной основе компаниями «КазТрансОйл» и CNPC.

Таблица 8.

Магистральные нефтепроводы, пересекающие границы Китая

Направление	Диаметр, мм	Мощность, млн т/год	Объем прокачки, млн т
Россия (Сковородино) — Китай (Дацин)	720	15	15
Казахстан (Атасу) — Китай (Алашанькоу)	813	12	8

По договоренности компанией «КазМунайГаз» и CNPC второй этап реализации проекта нефтепровода «Казахстан — Китай» предусматривает прокладку трубы на участке «Кенкияк — Аральск — Кумколь» с дальнейшим подключением в систему «Атасу — Алашанькоу». С вводом в эксплуатацию данного участка пропускная способность системы нефтепровода «Казахстан — Китай» будет доведена до 20 млн т в год транзита дополнительных объемов российской нефти.

Нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» с отводом на Китай. В январе 2011 г. Россия начала, как отмечалось выше, поставки нефти по трубопроводу от г. Сковородино в Амурской области до г. Дацин в провинции Хэйлунцзян. Общая протяженность линейной части нефтепровода составляет около 1030 км, в том числе по территории России — 72 км, по китайской — 958 км (диаметр — 813 мм). Граница нефтепровода расположена на середине реки Амур. Мощность отвода на Китай на первом этапе составляет 15 млн т/год, с расширением на втором этапе достигнет 30 млн т. Источником поставок являются месторождения Западной и Восточной Сибири. Оператор поставок на российской территории — компания «Транснефть», на китайской — CNPC.

Для разгрузки Малаккского залива Китай в 2010 г. начал строительство нефтепровода по территории Мьянмы от портового города Ситтве (Мьянма) до Куньмина (Китай). Общая протяженность нефтепровода составит 2,4 тыс. км, годовой объем транспортируемой нефти — 50 млн т.

Международные магистральные газопроводы

В 2009 г. запущен в эксплуатацию газопровод «Туркменистан — Китай», который связал крупнейшие центры газодобычи в СНГ — газовые месторождения Южный Иолотань — Осман и Довлетабад с потребителями в Китае. Газопровод проходит по территории Туркмении (188 км), Узбекистана (525 км), Казахстана (129 км), Китая (4860 км). Введение в строй первой очереди газопровода позволяет прокачивать свыше 10 млрд куб. м газа в год. По планам, в 2013 г. газопровод выйдет на проектируемый уровень добычи 40 млрд куб. м., при этом около 30 млрд куб. м должен составлять экспорт туркменского газа и 10 млрд куб. м — казахского (табл. 8).

В настоящее время ведется строительство газопровода от шельфовых газовых месторождений северо-запада Мьянмы до Куньмина. Протяженность трубопровода составит 1,7 тыс. км. Ожидается, что первые поставки природного газа начнутся в 2013 г. — одновременно с добычей газа на месторождениях.

Таблица 9.

Магистральные газопроводы, пересекающие границы Китая

№	Направление	Диаметр, м	Мощи, млрд куб. м/год	Прокачка, млрд куб. м	Загрузка трубопровода, %
1	Туркменистан — Китай	1067	10	8	80
2	Мьянма — Китай	1016	12	10	83

* * *

Согласно планам правительства КНР и ее нефтегазовых компаний, протяженность трубопроводного транспорта Китая в ближайшее десятилетие как минимум удвоится. Это в значительной мере снимает вопросы «неготовности» Китая принять российский газ. В этой связи для России важно завершить конструктивные переговоры и начать прокладку газопроводной системы в КНР, что позволит интенсифицировать разработку уникальных месторождений Восточной Сибири, газифицировать населенные пункты вдоль трассы газопровода, обеспечить сырьем существующие перерабатывающие и нефтегазохимические мощности на востоке страны, наладить новые производства продуктов газопереработки³.

-
1. Газпром. Роснефть: Итоги саммита АТЭС для российских госкомпаний // РБК daily. 2012. 10 сент.
 2. Эдер Л.В., Мишенин М.В., Проворная И.В. Развитие трубопроводных систем России, АТР и Америки и возможности их интеграции // Оборудование и технологии для нефтегазового комплекса. 2012. № 4. С. 14—19.
 3. См.: Коржубаев А.Г. Стратегия развития инфраструктуры транспорта углеводородов в России // Нефтяное хозяйство. 2009. № 1. С. 82—86.
В марте 2013 г. в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву было достигнуто, в частности, и взаимопонимание сторон о будущих поставках российского газа в КНР.

Российское китаеведение

Изучение моделей развития Китая в России в 1990-е годы*

© 2013

А. Виноградов

В статье рассматриваются основные направления изучения развития Китая в России после 3-го пленума ЦК КПК 1978 г. и пути их эволюции. прослеживается влияние реформ и общественно-политических процессов в России на оценку преобразований в КНР.

Ключевые слова: социализм с китайской спецификой, модернизация, экономические реформы в Китае, российское китаеведение.

Кризис европейского социализма на рубеже 1990-х гг. оказал решающее воздействие на ход мировой истории. Во-первых, положив конец биполярному миру, он дал толчок формированию многополярности и создал тем самым благоприятные предпосылки для роста разнообразия, диверсификации социально-экономических и культурных моделей. Во-вторых, направив общественное развитие большинства стран бывшего социалистического лагеря по новому руслу, он, по крайней мере на время, поставил под сомнение альтернативность исторического развития в Европе, задав импульс к универсализации в этой части света. В то же самое время социалистические страны Азии, не изменив свой общественный строй, дали еще один шанс социалистической альтернативе развития, но уже на Востоке. Ценой сохранения азиатской версии социализма стал ее отказ от некоторых фундаментальных положений марксизма. На протяжении более двадцати лет игравший роль последнего оплота мирового социализма Китай сегодня в очередной раз стоит перед серьезными вызовами и испытаниями, которые не исчерпываются экономическими трудностями, порожденными мировым кризисом, но связаны и с нарастанием социально-экономических проблем в китайском обществе и обострением идейно-политических дискуссий в КПК. В этой связи представляется обоснованным и полезным провести параллели между развитием событий в Восточной Европе, СССР и КНР четверть века назад и тем, что сейчас происходит в Китае, и оценить прошедший 25-летний период с точки зрения избранных моделей социально-экономического развития.

* * *

Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения»

К началу 1990-х гг. отечественное китаеведение не просто испытывало влияние протекавших в обществе идейно-политических процессов — в известной степени оно было их непосредственным объектом, а некоторые его представители — активными участниками. На протяжении трех десятилетий китаеведение, с середины 1950-х гг. находившееся на переднем плане идеологической борьбы между КПСС и КПК, международного коммунистического движения в целом, в полной мере претерпевало все трансформации, характерные для общественной мысли того периода. С началом «перестройки» официальные ориентиры, служившие руководством в его деятельности, были поставлены под сомнение, а затем в течение очень короткого промежутка времени после 1991 г. полностью отвергнуты. Одновременно радикальные реформы, которые уже набрали скорость, дали возможность по-новому посмотреть как на историю и сущность общественного строя в СССР, так и на внешний мир, пересмотреть или подвергнуть анализу фундаментальные представления о характере и содержании общественного развития.

Существовавшие и ранее в экспертном сообществе различия во взглядах на характер социально-экономического строя современного Китая получили дальнейшее развитие, впервые появилась возможность открытого соперничества различных научных школ и течений. Снятие идеологических ограничений быстро привело к поляризации мнений. На этот процесс с самого начала серьезное влияние оказывала интеллектуальная мода — Китай из недавнего принципиального оппонента превратился в важный аргумент в развернувшихся в российском обществе дискуссиях. Понятие «переключки реформ» стало не только частью официальной государственной пропаганды процессов обновления социализма во всем мире, но и поводом для критики и упреков в развернувшейся в СССР политической борьбе. Китаеведение вместе со всем обществом разделилось на два лагеря: на сторонников и противников социализма, а проводившиеся в обеих странах преобразования воспринимались как исторический выбор в пользу того или иного пути. Социально-политические и идеологические конфликты в СССР/России, а также бывших социалистических странах Восточной Европы прямо переносились на азиатские государства. Содержательный анализ их моделей развития часто подменялся откровенным неприятием и критиканством, которым, с другой стороны, противостояла не менее откровенная апологетика оставшихся верными социализму стран Азии. Основанием для обеих позиций служили яркие отличия в результатах реформ в Китае и в России.

Одной из характерных черт этих процессов стал повышенный интерес к Китаю со стороны широкого круга обществоведов-некитаистов, в т.ч. таких известных лидеров демократического движения в России, как Е. Гайдар, Г. Попов и др.¹ Являясь крупнейшей после СССР социалистической страной, Китай всегда представлял значимую альтернативу советскому пути, служил обязательной референтной точкой при анализе общественного развития и остался ею после смены общественного строя в России. Ссылки на него были почти такой же обязательной чертой дискуссий о выборе дальнейшего пути развития, как и ссылки на развитые западные страны с рыночной экономикой и демократической политической системой.

Обращение к Китаю и другим социалистическим странам Азии, помимо прочего, должно было помочь понять причины драматических изменений в Восточной Европе и СССР. «Каковы причины столь быстрого развала? Что будет его ближайшим результатом? Как это скажется на общих судьбах мирового социализма?»². Все эти формулировки предполагали, что даже кризис и поражение реформ не исключают нового этапа борьбы между капитализмом и социализмом. Однако к указанным событиям было и другое отношение. «Есть ли будущее у социализма вообще и как самостоятельной формации, и как особой ветви христианского учения о справедливости, равенстве, свободе», судьбы социализма, по-видимому, «сейчас решаются на Востоке, это последний шанс доказать его жизненную силу»³.

Отличительной особенностью изучения Китая в тот период было и то, что вне зависимости от политических симпатий, научное и экспертное сообщество пользовалось

марксистской методологией и категориальным аппаратом. Уйти от понятия «социализм» в этой системе координат было невозможно, что серьезно ограничивало проблемное поле дискуссий. Явным было желание вписать Китай в уже существующие модели. свести его специфику преимущественно к запаздыванию в развитии, обусловленную материально-технической отсталостью. Вместе с тем, фундаментальные преобразования в экономике при сохранении однопартийной политической системы заставляли искать промежуточные определения модели общественного развития Китая, такие как «постсоциалистическое», «посттоталитарное», «полутоталитарное» и т.п. Одновременно Китай воспринимался как азиатская страна с особым типом государства и общества, обладающая естественным правом на особый путь развития. Иногда этот путь рассматривался как временный, с неизбежным впоследствии переходом к «цивилизованному», «современному», «рыночному» и т.д. обществу, которое противостояло, как считалось, уже сошедшему с исторической сцены социализму и отождествлялось с либеральным, западным. Однако постепенно по мере успехов реформ Китай превращался в родовое понятие альтернативы универсальному, западному пути, будь-то в рамках социалистической парадигмы развития или моделей цивилизационного разнообразия.

После 1991 г. для значительной части китаеведов, особенно представителей старшего поколения, Китай стал последним и самым главным символом социализма в мире, что требовало его поддержки и защиты, а также поиска теоретической аргументации для обоснования проводимых им экономических преобразований. Последовательные сторонники социализма в России шли вслед за китайской практикой, за партийными документами и китайскими авторами. Из этого следовала реферативность изложения, марксистские концептуальные построения и категории, крен в сторону развития производительных сил, вытекавший из задач, поставленных КПК в тот период, недооценка на фоне экономической отсталости специфики китайской культуры и цивилизации. Их важным достоинством было желание выстроить единую линию развития Китая после 1949 г., показать объективную необходимость и историческую обусловленность реформ в рамках самого социалистического строя, что точно отражало направление и динамику социально-экономических процессов, показывая связь с предыдущим периодом. В целом, они неплохо ориентировались в изменениях китайской политики, которые, действительно, были продолжением споров в руководстве КПК относительно путей развития еще с 1950-х гг. Особенно это было справедливо на протяжении 1980-х гг., когда ведущую роль играли Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и другие представители старшего поколения. Эти отечественные авторы также в полной мере пользовались преимуществами, которые давал марксистский категориальный аппарат, довольно точно отражавший реальность китайской общественно-политической жизни. Для них начало реформ в Китае было не поворотом к социально-ориентированной политике, а восстановлением истинного облика марксизма-ленинизма, отказом от волюнтаризма и восстановлением экономического детерминизма. Причины предшествующих искривлений в период «большого скачка» и «культурной революции» объяснялись желанием перескочить через этап общественного развития и перейти к коммунизму в условиях бедности, осуществить «бедный социализм»⁴. Поэтому текущие экономические преобразования, развитие товарного, а затем и рыночного хозяйства воспринималось этими исследователями как обязательный урок у капитализма, восстановление естественно-исторического пути, аналогичное по своему смыслу периоду ленинского НЭПа.

В соответствии с ленинской теорией развитие социализма в Китае разделялось на два этапа: на первом — проведение социалистических преобразований, т.е. утверждение новых производственных отношений, на втором — всемерное развитие производительных сил. В соответствии с этим делением в 1956 г. Китай «вступил в социализм» и завершил первый этап, после чего начался второй этап, когда под существующие производственные отношения подводилась современная материально-техническая база. Вслед за китайскими партийными документами и трудами ученых современное состояние КНР

они называли «начальным этапом социализма» (НЭС), «неполным социализмом». Это состояние характеризовалось как переходное к полному социализму, когда уровень развития производственных отношений будет приведен в соответствие с уровнем производительных сил⁵.

В соответствии с этой периодизацией внутри НЭС выделялись две стадии: с 1956 г. — утверждение социалистических отношений и после 1978 г. — социалистическая модернизация, т.е. приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений, с акцентом на развитии производительных сил⁶. Длительность второго периода НЭС до середины XXI в. давала достаточно большие возможности для поиска новых переходных форм и экспериментов, но и, вероятно главное, надежду на ренессанс социалистической идеи в мировом масштабе. Социализм переставал выглядеть закостенелой догмой и вновь становился развивающейся системой не только в теории, но и на практике. Все это в совокупности служило основанием и для признания разнообразных моделей социализма⁷.

Однако необходимость возвращения к однажды уже пройденному этапу требовала особой исторической логики и соответствующего концептуального оформления. Именно это привело к созданию теории или, как тогда предпочитали называть, концепции «строительства социализма с китайской спецификой», которая в этой системе координат выглядела закономерной реакцией на ошибочные методы социалистического строительства, допущенные в предшествующие годы. Корректными представлялись и выбранные китайской стороной объяснения: экономическая отсталость — слабая материально-техническая база и специфика природно-демографических условий — большое население при небольшом количестве пахотной земли. Все эти объяснения выглядели вполне убедительными с марксистской точки зрения, поскольку не опровергали его «всеобщих истин». Концепция «начального этапа социализма», принятая на XIII съезде КПК, развивала и утверждала эту теоретическую линию, указывая на полуколониальный, полуфеодальный характер китайского общества, т.е. более четко определяя национальную специфику историческими и социально-экономическими причинами, и поэтому социализм, появившийся в этом обществе, «во многом отличается от социализма, появившегося в капиталистическом обществе»⁸.

В соответствии с этими представлениями решался вопрос о многообразии форм собственности, соотношении плана и рынка, товарной и даже рыночной экономики. В такой конфигурации оставалось место и для борьбы между социализмом и капитализмом, характерной для классических представлений о закономерностях строительства социалистического строя⁹. При этом власть КПК и ее бескомпромиссная борьба с «буржуазной либерализацией» выглядели надежной гарантией движения по социалистическому пути. В результате, несмотря на поражение социализма в СССР, социалистическая идея и социалистический строй продолжали существовать и развиваться, сохранялась и формационная модель истории с некоторыми несущественными дополнениями. Среди недостатков такого подхода был известный догматизм и недооценка глубины преобразований в Китае.

Но были и другие, прямо противоположные по выводам работы. Отдельно можно выделить группу обществоведов, специально не занимавшихся Китаем, для которых обращение к его опыту было продиктовано желанием найти дополнительные аргументы для обоснования своей логики рассуждений, включить Китай в общие закономерности, заставить его работать на универсальные, общесоциологические схемы. Общей чертой таких работ являлось слабое знание китайской истории и реалий и, как следствие, приоритет готовых схем над фактами, нацеленность не на изучение китайского опыта, а на подтверждение им западных, европейских теоретических моделей и объяснительных конструкций¹⁰. Эти авторы давали «свою проекцию» событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на развитие азиатских государств, в т.ч. Китая¹¹.

Так, М. Тригубенко была высказана мысль, что сталинская модель социализма нанесла странам Азии «еще больший вред», чем европейским странам, «замедлив их

движение от неразвитого общества к более прогрессивному»¹². Характеризуя общественный строй в Китае и других социалистических странах, она называла его «тоталитарным», «неадекватным понятию социализма», «феодално-бюрократическим социализмом», противостоящим «мировой цивилизации, которую достиг капитализм»¹³.

Автор предлагала свою трактовку периодизации переходного периода в странах Азии, сущности политической власти, причин отставания их лидерами идей социализма. Среди таких мер по отстаиванию социализма она выделила создание новой теории применительно к современным реалиям, в т.ч. теории социализма с китайской спецификой. Вместе с тем, она признавала, что популярность социализма на Востоке связана с антиимпериализмом, поскольку только социализм гарантирует «царство национальной свободы», и дает основание идеологам азиатских концепций оставлять за социализмом право быть самостоятельной формацией со своим способом производства и надстройкой¹⁴. Но, на самом деле, по ее мнению, «социализм — это утопия, и надо вливаться бескомпромиссно и не теряя времени в мировое сообщество»¹⁵. Препятствия для этого заключались в том, что руководство этих стран реализует концепцию планово-товарной экономики без политических реформ, «самореформирования политической системы»¹⁶.

Политические реформы были одной из ключевых точек при оценке модели общественного развития Китая. Сторонниками европоцентричных концепций отсутствие политических реформ связывалось с тем, что за 12 лет экономической реформы в Китае политические конфликты еще не созрели в отличие от Восточной Европы, где реформы «начались гораздо раньше», и успели созреть политические конфликты¹⁷. Китаисты придерживались прямо противоположной точки зрения: «К концу 70-х годов в Советском Союзе реформами еще не пахло: в ряде восточно-европейских стран... в той или иной мере проводились эксперименты рыночного характера», однако «общей картины это не меняло»¹⁸. Все это указывало, что различные группы ученых опираются на принципиально разный фактический материал и, как следствие, не могут проводить широкие сравнительные исследования и делать обоснованные и точные выводы.

Изучение различных концепций о социализме, по мнению М. Тригубенко, говорит о том, что «ничего «собственно» социалистического в этих учениях уже нет», в них есть «апробированные мировым опытом идеи продвижения стран бывшей соцсистемы к новому обществу, чтобы влиться в единый процесс перехода в новое качественное состояние мировой цивилизации, а именно постиндустриального мирового сообщества». Соцстраны должны стать «винтиками единой громадной машины перестройки», поскольку выбрав идею социализма, эти страны оказались «в хвосте мирового прогресса и мировой цивилизации»¹⁹. Автор не допускает мысли о конвергенции, речь может идти лишь о приобщении социализма «впервые за всю историю своего существования» к «общечивилизационным достижениям и ценностям»²⁰. Однако политический каркас старой экономической системы не может преобразоваться самостоятельно и «должен быть ниспровергнут революционным путем»²¹.

Следует, однако, признать, что авторы основной массы работ, посвященных Китаю, не занимали крайних позиций. Они хотели увидеть в проводимых преобразованиях свидетельство поступательного движения Китая, но часто на том этапе им не хватало теоретической смелости выйти из дихотомии «социализм—капитализм».

Говоря о начале трансформации модели развития в Китае, важно было зафиксировать характер начальной точки. Существовавший в КНР общественный строй характеризовался преимущественно в марксистских понятиях: «государственный социализм», «начальный этап социализма», «сталинская модель»²². Близость социально-экономического строя в СССР и КНР не вызывала сомнений. «И хотя уже на начальном этапе развития КНР многое стало отличаться от советской практики, следует признать, что построение «реального социализма» в главных, основных чертах выдерживало маршрут, освоенный и развитый в СССР»²³.

Это была высокоцентрализованная, планово-распределительная система, характеризующаяся монопольным положением государственной формы собственности, командно-административными методами управления под полным контролем со стороны компартии. Таким образом, начальная точка реформ большинством исследователей под сомнение не ставилась — это была советская модель социализма с некоторыми непринципиальными отличиями. Поэтому одинаковыми были проблемы и противоречия — жесткое подчинение экономической политики политическим целям, экстенсивный характер развития, почти полное игнорирование факторов эффективности производства, расточительный подход к трудозатратам и т.д.²⁴ Все это предопределило, что рано или поздно Китай, как и СССР, должен был встать перед необходимостью коренных социально-экономических преобразований, перехода «к рынку от практически идентичной административно-командной системы»²⁵.

Вторым обязательным элементом анализа было выделение этапов реформы. При проведении реформы в Китае обозначилось два направления теоретического поиска, нашедших выражение в концепциях «начального этапа социализма» и «строительства социализма с китайской спецификой», которые развивались параллельно. «При этом первая привлекала внимание к несовершенству концепций переходного периода, т.е. к «белым пятнам» марксизма, а вторая — к особенностям развития Китая»²⁶.

Общей начальной точкой трансформации был избран 3-й пленум ЦК КПК (1978 г.) и последовавшее начало экономической реформы, которая «изменила вектор ее исторического развития»²⁷, «фактически заново стали формироваться основные слагаемые стратегии социально-экономического развития Китая»²⁸, начался «переход к новой стратегии социально-экономического и политического развития»²⁹.

В качестве следующего поворотного момента был выделен XII съезд КПК, провозгласивший концепцию строительства социализма с китайской спецификой, и 3-й пленум 1984 г., положивший начало этапу широкомасштабной реформы. Ключевой точкой по единодушному мнению был XIII съезд КПК, продемонстрировавший комплексный подход к изменению модели общественного развития в Китае. Во-первых, это выражалось во внимании к экономическому развитию. Китаю необходимо пройти через длительную начальную стадию развития, на которой предстоит осуществить индустриализацию и модернизацию производства и осуществить всеобщий закон соответствия производственных отношений и производительных сил. Во-вторых, в докладе впервые говорилось о необходимости проведения «реформы политической системы». На XIII съезде китайские реформы по постановке проблем и решений в наибольшей степени приближались к советскому опыту «перестройки», но с другими результатами. XIII съезд выглядел ее прямым, но более успешным продолжением. Еще одной критической точкой стал 1992 г., положивший начало курсу на создание в Китае социалистической рыночной экономики.

Смысл экономической реформы в Китае вслед за китайскими официальными документами отечественные китайеды видели в обеспечении условий для наращивания производительных сил, быстрого и устойчивого роста производства и повышения жизненного уровня населения. При этом высказывалось мнение, что в 1980-е гг. Китай не отказался от социализма, но «подходы к реализации идей социализма изменились существенно», прежде всего, за счет использования различных форм хозяйственной деятельности, ранее не вписывавшихся в традиционные представления о социализме³⁰. Целью преобразований экономической системы было создание «социально ориентированной и государственно регулируемой рыночной экономики»³¹. При этом резонно указывалось, что социалистическая рыночная экономика может быть как «промежуточной ступенью на пути к социализму», так и «промежуточной ступенью к капиталистическому рынку»³².

Принципиальный вопрос, на который необходимо было дать ответ, чтобы оценить перспективы развития Китая: является ли модель развития Китая специфическим путем или она может претендовать на специфичность целей? Основанием для такой постановки вопросы служило «обновление в целом представлений о социализме в совре-

менном мире»³³. Для этого нужно было определить, что «в создаваемой новой общественно-экономической модели будет соответствовать смысловому определению «рыночная экономика», и что сохранит за собой понятие «социалистическая», насколько они будут «органически сочетаться» друг с другом³⁴. Одним из центральных при ответе на этот вопрос было отношение к политической реформе.

Мнения по этому вопросу были полярные. Часть ученых считала, что одну из ведущих ролей играет противоречие между традиционной идеологической монополией и политическим авторитаризмом КПК и увеличением частнообъективных и смешанных структур в народном хозяйстве КНР³⁵. Указывалось, что на практике идет медленная, не всегда отчетливо выраженная деидеологизация не только экономической, но и в какой-то мере общественно-культурной жизни, эта тенденция и логика экономического развития со временем может привести «к существенным сдвигам в ряде опор политической конституции КНР»³⁶. Политическая реформа «сильно запаздывала», что создавало трудности по мере углубления экономической реформы³⁷. В то время как «политическая модернизация представляла бы собой важнейшую основу успеха в деле превращения государства в богатое и сильное, основу модернизации экономики страны»³⁸.

Но существовала и другая точка зрения. Политический строй адекватен социокультурным условиям Китая, «в случае быстрой политической демократизации материкового Китая его ожидает хаос, дезинтеграция и даже гражданская война и развал»³⁹. Причина успехов Китая в том, что китайское руководство отодвинуло политическую реформу на отдаленное будущее⁴⁰. Сохранение основ прежней политической системы обеспечило стабильные общественно-политические условия проведения экономических преобразований, а неудачи России объясняются приверженностью «курсу на первоочередности политических реформ»⁴¹. Более того, сохранить Китаю удалось в результате «балансирования политической централизации и экономической децентрализации и культивирования духа высокого национального патриотизма»⁴².

Другим принципиальным моментом была конечная точка преобразований, относительно которой мнения расходились также достаточно серьезно. Китаю отказывалось в праве на создание некоего «уникального для мировой практики и притом якобы вполне стабильного типа «рыночного социализма», это называлось не критичным компилятивным восприятием «китайского политико-пропагандистского шаблона», призванным «завуалировать реальное положение вещей и вероятное развитие событий в этой стране». В Китае будут развиваться все основные базисные процессы, характерные «для любой современной рыночно-переходной экономики». Современный Китай не опровергает, «а лишь в национально-специфической форме подтверждает такого рода всеобщие истины»⁴³. Государство в Китае «не может вовсе повернуть вспять объективный исторический процесс становления института частной собственности и формирования демократической, многосубъектной структуры имущественных отношений»⁴⁴.

В то же время указывалось, что в Китае «в сущности, на практике произошел отказ от принципиальных марксистских постулатов, они остались лишь в идеологии, пропаганде»⁴⁵, а «идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединилась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма». «Социализм с китайской спецификой по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиком марксизма-ленинизма». Но не важно, как она будет называться, если она даст более обеспеченную и достойную человека жизнь. Она существенно приближается к теориям «смешанной экономики», «конвергенции», «институционализма»⁴⁶.

Только оценка с точки зрения развития китайской цивилизации в целом могла окончательно примирить внутренние противоречия складывавшейся системы, где экономика не соответствует надстройке, и представить ее как вполне жизнеспособную модель развития не китайского государства в западном понимании, а китайской цивилизации. Предлагаются принципиально новые методологические принципы, например,

«классификация стран на капиталистические и социалистические, особенно применительно к странам Азии, вообще неприемлема»⁴⁷. Модернизация носит цивилизационный, социокультурный характер, ее нельзя сводить к чисто техническим параметрам⁴⁸.

Уже к середине 1990-х гг. связь традиционного Китая и современности постепенно получает всеобщее признание, а китайская специфика перестает быть только характеристикой социализма, завоевывает самостоятельное место и приобретает характер сущности китайского типа развития.

Утверждение о том, что реформы «азиатских драконов» не могли служить для Китая аналогом потому, что проходили в странах несравненно меньших по масштабам, а главное, потому, что «это были страны иной системы, с иной политической и идеологической платформой»,⁴⁹ теряет популярность и сторонников. Связь и схожесть преобразований в Китае со странами «конфуцианского культурного ареала» — Тайванем, Южной Кореей, Сингапуром становится общепризнанной⁵⁰.

Появляются работы, которые выходят за традиционные социально-экономические представления при описании *современного* Китая. Китай оставался в них цивилизационной целостностью, переживающей лишь один из этапов своего развития, характеризующийся возросшей ролью социально-экономических факторов. «Реформы и открытость в КНР — это никоим образом не перерыв или рубеж в истории Нового Китая и, тем более, не огромные реформы или изменения в социальной структуре Китая: в общем и целом это всего-навсего этап накоплений в сфере индустриализации и некий преемственный этап в развитии индустриализации; с точки зрения духовности, эта преемственность исторического плана является еще более тесной»⁵¹. Китайский опыт развития в течение последних двух десятилетий XX в. заставил поставить вопросы о «критериях прогресса в АТР», а модернизацию на Востоке описывать как процесс «взаимного влияния восточного и европейского типов цивилизации»⁵². «Основой модернизации традиционного общества может стать не просто заимствование западных ценностей, но и синтез принципов западной технократической культуры с восточными духовными традициями, при сохранении национальной культурной идентичности и цивилизационной самобытности»⁵³.

1. Об оценках китайских реформ в России см., например: *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 86; *Ганшин Г.А.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. М., 1997, С. 7 (ИБ ИДВ; № 3). О западных оценках китайской модели развития в первой половине 1990-х см.: *Бергер Я.М.* Китайская модель развития и «Большой Китай» Китай на пути к рынку: Модель развития, демография, образование. М.: ИНИОН, 1996. С. 12–61.
2. *Бутенко А.В.* Вместо предисловия // *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 5.
3. *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991, С. 12, 13.
4. *Сидихменов В.Я.* Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994 гг.). М., 1996. С. 134–135 (ИБ ИДВ РАН; № 12).
5. Там же. С. 137 (ИБ ИДВ РАН; № 12). Такая периодизация не была общепризнанной: и после 1956 г. Китай был «обществом переходного периода». *Пивоварова Э.П.* Строительство социализма с китайской спецификой: Поиск пути. М., 1992. С. 292.
6. *Сидихменов В.Я.* Указ. соч. С. 139.
7. Там же. С. 165.
8. Там же. С. 140.
9. Там же. С. 164.
10. См., например, утверждение: «Все страны Азии в прошлом являлись зависимыми, лишенными своей государственности» (*Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 29).
11. *Бутенко А.* Вместо предисловия // *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 10.

12. Тригубенко М.Е. Азиатский «синдром» социализма. М.: Наука, 1991. С. 12.
13. Там же. С. 15, 16, 30, 32, 36.
14. Там же. С. 31, 34.
15. Там же. С. 27.
16. Там же. С. 36, 80.
17. Там же. С. 13.
18. Ганшин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. М., 1997. С. 105. (ИБ ИДВ № 3). «Китай раньше начал хозяйственные реформы»; Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 5.
19. Тригубенко М.Е. Указ. соч. С. 16.
20. Там же. С. 17.
21. Там же. С. 23–24.
22. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 12. Китай заимствовал сталинскую модель социализма: *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 49.
23. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 12. В 1950-е КНР выбрала советскую модель развития.
24. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 17.
25. Кондрашова Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. С. 133; Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. М., 1994. С. 232, 234, 243.
26. Виноградов А.В. Социализм или китайская специфика // Китай, китайская цивилизация и мир: Тез. докл. IV Межд. науч. конф. М., 1993. С. 100.
27. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 4.
28. Пивоварова Э.П. Странительство социализма с китайской спецификой: Поиск пути. М., 1992. С. 19.
29. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. М., 1994. С. 239.
30. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 310, 54.
31. Пивоварова Э.П. Указ. соч. С. 252.
32. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 106.
33. Пивоварова Э.П. Указ. соч. С. 71.
34. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 208.
35. Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 31.
36. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 8.
37. Пивоварова Э.П. Указ. соч. С. 309; Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 13, 31.
38. Галенович Ю.М. К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце 20 в. М., 1999. С. 123 ИБ ИДВ РАН № 7.
39. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 209.
40. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 95.
41. Портяков В.Я. Указ. соч. С. 194.
42. Кондрашова Л., Корнейчук Н. Указ. соч. С. 5.
43. Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 279–280.
44. Там же. С. 261.
45. Буров В.Г. Указ. соч. С. 202.
46. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: Итоги теоретического и практического поиска. М., 1999. С. 255. Образно эту ситуацию смены идеологических ориентиров выразил В. Буров.: Дэн Сяопин поступает по принципу «То, что хорошо для Китая, хорошо и для марксизма», а Мао Цзэдун занимал противоположную позицию «то, что хорошо для марксизма, хорошо и для Китая» (Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 203).
47. Буров В.Г. Указ. соч. С. 210.
48. Там же. С. 4–5.
49. Ганшин Г.А. Указ. соч. С. 105,
50. См., например: Буров В.Г. Указ. соч. С. 194, 205.; Портяков В.Я. Указ. соч. С. 106, 210; Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 12.
51. Галенович Ю.М. Указ. соч. С. 45.
52. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. М., 1994. С. 10, 25.
53. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 11–12.

Политика Японии в юго-западной части Тихого океана (50-е — 80-е годы XX века)

© 2013

Н. Пузыня

Автор исследует различные аспекты политики Японии в отношении государств юго-западной части Тихого океана на протяжении сорока лет XX века. Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что именно в период 1950-х — 1980-х гг. были заложены основы для дальнейшего укрепления и развития отношений Японии со странами Южно-Тихоокеанского субрегиона.

Ключевые слова: Япония, Южно-Тихоокеанский субрегион, международные отношения, внешняя политика, внешняя торговля, региональное сотрудничество.

Характерной особенностью формирования современного миропорядка, отмечаемой многими исследователями, является неуклонное возрастание значения Азиатско-Тихоокеанского региона¹ в глобальной системе международных отношений. Исчезновение биполярной системы международных отношений в начале 90-х гг. XX в. открыло беспрецедентные возможности для осуществления самостоятельной внешней политики отдельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который в биполярном мире оставался субъектом не только геополитического, но и идеологического противостояния. С распадом биполярного мира в регионе начала формироваться структура, которую можно охарактеризовать как многополярную систему. Одним из основных показателей этого сложного процесса, наряду с некоторым ограничением доминирующего положения США, резким уменьшением веса России по сравнению с распавшимся СССР, и быстрым повышением экономических и военных возможностей Китая, стало выдвижение Японии на более активные наступательные позиции во внешней политике, а целью — обретение страной политического влияния, в большей мере соответствующего ее вкладу в мировую экономику.

Внешняя политика Японии является важным фактором региональных международных отношений. 50-е—80-е гг. XX в. стали периодом, на протяжении которого происходило формирование основных черт современной политики Японии в АТР и его Южно-Тихоокеанском субрегионе². Именно в начале 1950-х гг. внешняя политика Японии начала приобретать свои основные отличительные особенности — прочный союз с США и взаимодействие с развитыми капиталистическими странами. Вступивший в силу в апреле 1952 г. Сан-Францисский мирный договор позволил японскому руководству открыть новую страницу в истории внешней политики Страны восходящего солнца.

Первые десятилетия после Второй мировой войны можно условно разделить на 1950-е гг. — время становления и развития внешнеполитического курса, и 1960-е гг., когда внешнеполитическая деятельность Японии значительно активизировалась и расширилась. Первые японские представительства были основаны в США. Вслед за этим аналогичные учреждения открылись в некоторых странах Европы, Азии, Латинской Америки. Японские представительства не имели официального дипломатического статуса и на первых порах выполняли функции по обеспечению внешнеэкономических связей. Но уже тогда японское правительство рассматривало их предназначение шире, видя в них прообраз будущих посольств и консульских учреждений³.

В отношениях Японии с Австралией и Новой Зеландией 50-е—60-е гг. XX в. явились особым периодом. Именно тогда наблюдался стремительный рост взаимного интереса Японии и Австралии. Лидер австралийской либеральной партии Роберт Гордон Мензис главной целью внешней политики страны считал борьбу против коммунизма и национально-освободительного движения. Поэтому, идя на уступки США, в обмен на гарантии безопасности, Р. Мензис провозгласил политику «любви к Японии» и предложил рассматривать ее, прежде всего, как торгового партнера и союзника в борьбе с коммунизмом⁴. В 1953 г. учреждается посольство Японии в Австралии⁵. Посольство Австралии в Стране восходящего солнца начало работу на год раньше.

Состоялись первые визиты премьер-министров. В 1957 г. Р.Г. Мензис посетил Японию, а в конце того же года Нобусукэ Киси — Австралию. Это свидетельствовало о положительной динамике в двусторонних отношениях⁶. Австралийские эксперты отмечали, что к концу 1950-х гг. взаимные визиты на высшем уровне, проявления дружбы и взаимной доброй воли помогли сгладить остроту недавнего вооруженного противостояния между двумя странами⁷.

Следствием политического урегулирования было стремительное развитие между ними экономических отношений. После заключения в июле 1957 г. трехлетнего японо-австралийского торгового соглашения особенно быстро развивались их торговые связи⁸. По этому соглашению стороны предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования в вопросах таможенных и иных формальностей, касавшихся лицензирования экспорта и импорта. К началу 1960-х гг. доля Японии в австралийском экспорте поднялась до 17,6%, а в импорте — до 6,8%⁹.

По признанию новозеландских специалистов в области отношений с Японией, это было время, когда «враждебность и опасения, основанные на опыте военного времени, достаточно быстро уступили дорогу более спокойному подходу», и «была создана серьезная основа для взаимного интереса, которая продолжала укрепляться и принимать новые формы»¹⁰.

Первые в истории японо-новозеландских отношений визиты премьер-министров пришлось на 1950-е гг. (Сидни Холланд — премьер-министр Новой Зеландии посетил Японию 30 мая—6 июня 1956 г.; Нобусукэ Киси — премьер-министр Японии, находясь в Новой Зеландии с официальным визитом 1—3 декабря 1957 г.), что, несомненно, отражало существенный прогресс в двусторонних связях. Обмен визитами на высшем уровне в тот период завершился в 1959 г., когда Японию 19—27 февраля посетил премьер-министр Новой Зеландии Уолтер Нэш. «На политическом уровне Новая Зеландия и Япония сформировали к концу десятилетия уважительные отношения, предвещавшие хорошее будущее»¹¹.

В сентябре 1958 г. Япония заключила с Новой Зеландией торговое соглашение, на основании которого стороны взаимно предоставили друг другу статус наиболее благоприятствуемой нации. К концу 1950-х гг. в Японии имелось представительство новозеландского торгового комиссара. На японский рынок активно продвигались товары традиционного новозеландского экспорта: шерсть, говядина и др. В 1958 г. доля Японии в новозеландском экспорте составляла 2,2%¹², достигнув 11 млн новозеландских долл.¹³ В

феврале 1959 г. во время визита в Японию премьер-министра Новой Зеландии У. Нэша было достигнуто принципиальное решение о заключении конвенции, отменявшей двойное налогообложение. Поднимался вопрос о японских инвестициях в экономику Новой Зеландии. Развивались японо-новозеландские отношения между бизнесменами, экспертами, спортивными организациями, в области культуры и туризма.

При этом характерной особенностью экономического сотрудничества Японии с развитыми южно-тихоокеанскими государствами являлся взаимодополняющий характер их экономик, что способствовало его развитию и становлению в качестве существенного элемента системы международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Заняв достаточно заметное место, к концу 1950-х гг. оно еще более возросло.

На 60-е гг. XX в. в Японии пришелся период высоких темпов экономического роста. По росту объемов промышленного производства и ВВП она обогнала многие ведущие страны мира и заняла второе место после США. Среднегодовой прирост ВВП Японии составлял в 1961–1970 гг. в неизменных ценах 11,1%¹⁴. Япония превращалась в одного из крупнейших в мире экспортеров промышленной продукции и импортеров сырья и продовольствия. Общая сумма экспорта японских товаров возросла с 4,1 млрд долл. США в 1960 г. до 24 млрд долл. в 1971 г.¹⁵, что при отсутствии сколько-нибудь значимых запасов природных ресурсов вынуждало резко увеличивать импорт сырья и топлива. Рост уровня жизни населения стимулировал расширение импорта продовольствия, прежде всего продукции животноводства.

В политической жизни Японии центральное место заняли международные проблемы, укрепление сотрудничества, в первую очередь, торгово-экономического, со странами АТР в целом, так и в АТР.

Активизация сотрудничества в японо-австралийских и японо-новозеландских отношениях отмечалась в тот период на всех направлениях. В политической сфере японо-австралийских связей продолжалась установившаяся со второй половины 1950-х гг. практика визитов на уровне премьер-министров. В Австралии побывали премьер-министры Японии Хаято Икэда (1963 г.) и Эйсаку Сато (1967 г.), а в Японии — премьер-министр Австралии Джон Грей Гортон (1970 г.). По итогам визита премьер-министра Икэды в Канберру в сентябре 1963 г. было подписано важное коммюнике, в котором стороны впервые декларировали обоюдную ответственность за положение дел в Азии и бассейне Тихого океана. Признавалась взаимозависимость между Японией и Австралией в экономической и политической областях¹⁶.

Углубление политических связей объективно дополнялось заинтересованностью в развитии экономических контактов. Торговля с Японией, так же как и ее инвестиционный потенциал, делали Страну восходящего солнца важной для внешней политики Австралии, что, в свою очередь, использовало японское руководство. В сфере торгово-экономического сотрудничества Япония стала крупнейшим импортером австралийской шерсти, сахара, угля, меди. В начале 1960-х гг. Австралия превратилась для Японии в третий по значению рынок сбыта. В марте 1962 г. был создан японо-австралийский комитет делового сотрудничества, а 5 августа 1963 г. было подписано новое торговое соглашение, которое предусматривало отказ Австралии от применения статьи 35 ГАТТ в отношении Японии. В 1965 г. японский экспорт в Австралию составлял 3,7% от общего объема экспорта Японии. Австралия заняла второе место среди экспортных рынков Японии¹⁷. К середине 1960-х гг. в ней выросло количество компаний с японским капиталом, а объем японских инвестиций в австралийскую экономику за 1960–1965 гг. достиг 60 млн австралийских долларов¹⁸. Объем японского экспорта в 1961–1970 гг. возрастал ежегодно в среднем на 17,1%¹⁹. К концу десятилетия стоимость и номенклатура товарооборота существенно увеличились. В 1970–71 финансовом году экспорт Японии в Австралию составил 4,3 млрд, а импорт — 4,15 млрд австралийских долларов²⁰.

Не оставалась без внимания японского руководства и Новая Зеландия. С визитами в этой стране побывали премьер-министры Японии Икэда (1963 г.) и Сато (1967 г.). В 1967 г. было учреждено консульство Японии в Окленде²¹. Частым гостем в японской столице стал новозеландский премьер-министр Кейт Холиок. Он наносил визиты в Японию в 1960, 1965, 1968 и 1970 гг. В сфере экономического сотрудничества и торговли Новая Зеландия в марте 1962 г. пошла на полное изменение правил ГАТТ в отношении Японии, предоставив ей режим наибольшего благоприятствования. В январе 1963 г. была заключена конвенция о ликвидации двойного налогообложения. В 1961 г. объем двусторонней торговли составил 46 млн новозеландских долларов²². В 1966 г. Япония стала третьим по величине экспортным рынком Новой Зеландии. Доля Японии в новозеландском экспорте составила 7% или около 57 млн долл.²³ В конце 1960-х гг. начинается сотрудничество в области инвестирования наиболее привлекательных проектов новозеландской промышленности, примером которого явилось строительство алюминиевого комбината вблизи города Блафф на новозеландском острове Южный, в финансировании которого с японской стороны участвовали компании «Сёва Дэнко» и «Сумитомо Кэмикл».

Начало 1970-х гг. в истории японской внешней политики явилось непростым временем. В результате быстрого экономического взлета в послевоенные годы по уровню экономического потенциала Япония вошла в тройку мировых лидеров. Перед руководством страны встала задача адаптироваться к новым реальностям, прежде всего, устранив противоречие между резко возросшей экономической мощью и незначительным политическим влиянием в мире. В своей программной речи перед парламентариями, в январе 1970 г. премьер-министр Эйсаку Сато заявил: «Мы вступили в поворотный период в истории Японии... Для нас уже прошла эпоха подражания и следования за другими. Наступило время, когда мы сами должны определить свои цели, вместо того чтобы ориентироваться на другие государства. Чтобы 70-е годы стали великим десятилетием, необходимо, прежде всего, сформулировать новые основополагающие принципы»²⁴.

Это потребовало пересмотра старых внешнеполитических концепций и формирования новых, отвечавших изменениям в расстановке сил на мировой арене. Первым из японского руководства о формировании многополюсного мира заговорил в 1972 г. в парламенте страны министр иностранных дел Такэо Фукуда. Характеризуя особенности сложившейся обстановки в мире, он указывал: «Послевоенный миропорядок переживает сейчас одну из величайших трансформаций. Она заключается в переходе от противоречий между Востоком и Западом к многополюсности»²⁵.

Внешняя политика Японии в тот период характеризовалась значительным увеличением объемов международных связей, расширением сферы глобальных интересов. На 1 апреля 1971 г. она имела за рубежом 175 дипломатических учреждений, в том числе 118 посольств. В Японии были аккредитованы 86 иностранных посольств²⁶. «Страна восходящего солнца» принимала самое активное участие в работе различных международных организаций. Однако по влиянию на процессы, происходившие в мире, Япония еще значительно уступала другим великим державам. Особое внимание уделялось экономическим возможностям усиления позиций Японии в мире, прежде всего, в АТР и в его наиболее развитой части — государствах Южно-Тихоокеанского бассейна и Австралии и Новой Зеландии.

При этом, если до 1970-х гг. основным объектом экономической экспансии Японии были районы Юго-Восточной Азии, то в 1970-е гг. проявилась тенденция усилить экономическое проникновение во все без исключения районы мира. В 1970 г. директор Центра экономических исследований Японии Сабуро Окита, впоследствии ставший министром иностранных дел, заявлял, что «Япония чрезмерно сконцентрировала свое внимание на ЮВА... и следует расширять связи с другими регионами мира»²⁷.

Объяснялось это, в частности, ростом антияпонских настроений в странах Юго-Восточной Азии. Они отчетливо проявились в массовых антияпонских выступлениях и

демонстрациях во время визита премьер-министра Японии Какуэ Танака в Малайзию, Индонезию, Таиланд, Сингапур и на Филиппины в январе 1974 г.

В связи с этим расширению политических, экономических и культурных связей Японии с Австралией, Новой Зеландией и молодыми государствами Океании во внешней политике Японии 1970–1980-х гг. отводилось весомое место.

Австралия занимала особое место во внешнеполитических связях Японии. Обе страны претендовали на весьма важную роль в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона. К началу 1970-х гг. сложились основные направления японо-австралийских отношений, которые, несмотря на возникавшие трудности и разногласия, сохранились в течение двух последующих десятилетий и дополнились четко выраженной линией на сближение.

Важнейшим направлением сотрудничества являлось расширение и углубление политических отношений на всех уровнях. Испытанной формой японо-австралийского межгосударственного диалога оставались визиты на высшем уровне. В ходе таких визитов решались неотложные вопросы двусторонних отношений. Например, в ноябре 1974 г. во время визита в Австралию премьер-министра Японии К.Танаки, были затронуты проблемы долговременного экономического сотрудничества между Японией и Австралией в сфере производства, которая являлась одной из самых важных областей совместного приложения усилий.

Активизировались контакты между министерствами и ведомствами правительств двух государств. Так в 1970 г. в Канберре был создан специальный японо-австралийский межведомственный комитет, а в 1971 г. по предложению японского правительства — министерский комитет, который проводил ежегодные совещания министров Японии и Австралии. Политическому сближению способствовали контакты по линии парламентов. В начале 1970-х гг. началась разработка документа об общих принципах отношений между Японией и Австралией, ставшего впоследствии базой японо-австралийских отношений на долгие годы.

Документ получил название «Основной договор о дружбе и сотрудничестве» и был подписан японским премьер-министром Такэо Мики и австралийским премьер-министром Малколмом Фрейзером в июне 1976 г., во время визита австралийского руководителя в Японию. Договор заложил основу для развития дальнейшего сотрудничества в политической, экономической, социальной, культурной и других областях²⁸.

Значение договора не ограничивалось несколькими десятилетиями XX в. Благодаря наличию такого важного для взаимодействия двух государств документа, в конце XX — начале XXI вв. политические контакты между Японией и Австралией стали еще более интенсивными. Состоялись более десяти визитов на высшем уровне, десятки встреч между правительственными и парламентскими делегациями. 13 марта 2007 г. японский премьер Абэ и его австралийский коллега Говард подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности. Подобный пакт Япония ранее имела лишь с США, а для Австралии такой документ вообще уникален²⁹. Подчеркивая историческую важность договора, который заложил основы для развития двусторонних связей на длительный период, австралийский премьер-министр Говард отмечал, что «для Австралии сегодня нет более важного партнера в Азии, чем Япония»³⁰.

Начало 1970-х гг. одновременно стало временем активизации японо-новозеландских отношений. Особенно результативно развивались политические контакты, более всего отражающие состояние отношений между двумя странами. Они формировались под непосредственным влиянием обстановки в мире и в АТР.

Важнейшим событием для взаимоотношений двух стран явился визит в Новую Зеландию премьер-министра Японии К. Танаки, состоявшийся с 28 по 31 октября 1974 г. Этот первый визит японского премьер-министра с 1967 г. и стал вехой в развитии японо-новозеландских отношений.

В ходе его обсуждался широкий круг вопросов, касавшихся двусторонних связей в политической, экономической и культурной областях³¹. Стороны констатировали совпадение мнений по многим проблемам международной жизни, состояния дел в АТР. Было подчеркнуто, что обе страны занимают твердые позиции, поддерживая движения за нераспространение ядерного оружия, запрещение ядерных испытаний. В коммюнике, подписанном по итогам визита, говорилось: «Оба премьер-министра подтвердили решимость своих правительств не становиться государствами, обладающими ядерным оружием»³².

При формировании двусторонних связей важнейшими моментами были определены: проведение регулярных консультаций на высшем уровне и стремление решать все возникающие проблемы рационально и доброжелательно³³. Основной темой переговоров стали вопросы экономических взаимоотношений, однако достаточное внимание было уделено всему спектру двусторонних связей. Р. Малдун нанес ответный визит в Японию в качестве премьер-министра Новой Зеландии в апреле 1976 г.

Сближение позиций Японии и Новой Зеландии по многим политическим проблемам в указанный период было обусловлено стремлением обеих стран адаптироваться к новой обстановке в АТР, создавшейся в результате осуществления Соединенными Штатами «доктрины Никсона» Это усилило решимость Японии к проведению самостоятельного курса, достижению лидирующей роли в Азии и бассейне Тихого океана. Активизировались и попытки новозеландского руководства влиять на положение в южной части Тихого океана. Японская сторона придавала большое значение роли Новой Зеландии в поддержании взаимодействия между развитыми тихоокеанскими государствами и странами Азии.

В качестве одного из действенных инструментов решения возникающих проблем в двусторонних отношениях Япония использовала политические консультации по линии министерств иностранных дел. Регулярные ежегодные переговоры и консультации между внешнеполитическими ведомствами Японии и Новой Зеландии начались с 1967 г.³⁴ Новозеландская сторона неоднократно подчеркивала, что присутствие Японии в Южно-Тихоокеанском субрегионе является важным условием стабильного и поступательного развития молодых независимых государств южной части Тихого океана³⁵.

Как отмечалось выше, экономические связи между Японией и Австралией являлись доминирующими в их отношениях, при очевидной тенденции к их постоянному росту. Япония превратилась в главного торгового партнера Австралии, а Австралия — четвертого по значению партнера Японии (после США, Саудовской Аравии и Индонезии). В 1978–79 финансовом году стоимость австралийского экспорта в Японию составляла 4,11 млрд австралийских долл. (почти 1/3 от всего экспорта). Импорт из Японии равнялся 2,43 млрд австралийских долл. (около 1/5 от всего импорта). В 1979–80 финансовом году — соответственно 6,98 млрд и 3,39 млрд австралийских долл. Объем торговли с Японией составил в том же финансовом году 22% от общего объема торговли Австралии³⁶.

Австралийско-японская торговля по объему занимала 7-е место в мире. А с 1960 по 1976 гг. объем торговли между Японией и Австралией увеличился в 12 раз (с 500 млн до 6 млрд долл.). В 1975–76 финансовом году на Японию приходилось 32,6% всего австралийского экспорта и 19,5% — импорта. По оценкам японской печати, в 1978 г. Япония превратилась в самого крупного торгового партнера Австралии. Она являлась также крупнейшим импортером австралийского сырья и продовольствия, опередив в этом отношении США и Новую Зеландию, и вторым после США экспортером промышленной продукции в Австралию³⁷. Торговля с Австралией занимала важное место и в японском внешнеторговом балансе: в 1978 г. на Австралию приходилось 6,7% импорта и 2,7% экспорта Японии³⁸. В 1980 г. Австралия была первой среди торговых партнеров Японии по экспорту и пятой по импорту.

К середине 1970-х гг. Австралия стала одним из крупнейших поставщиков алюминия и алюминиевого сырья (бокситов и глинозема), цветных металлов (цинка, титана, циркония) для японской промышленности; вторым по значению поставщиком в Японию сельскохозяйственной продукции (шерсти, мяса, пшеницы, сахара).

Япония стремилась расширить непосредственное участие в австралийских проектах разработки природных ресурсов, чтобы обеспечить постоянные поставки сырья для японской промышленности.

Однако намерение лейбористского правительства Г. Уитлема обеспечить максимально полное участие австралийского бизнеса в разработке энергетических ресурсов вызывало в Японии недовольство, а широкие ограничения на импорт в Австралию японских потребительских товаров, в частности, автомобилей, электроприборов, текстиля ущемляли интересы японских предпринимателей. Австралийская сторона была также недовольна политикой Японии, часто требовавшей проведения повторных переговоров о поставках и ценах. В связи с обострившимися японо-австралийскими экономическими противоречиями в феврале 1976 г. с визитом в Токио отправился Д. Антони, министр внешней торговли и национальных ресурсов коалиционного австралийского правительства. Он заверил японских руководителей, что правительство М. Фрейзера не будет вмешиваться в переговоры австралийских предпринимателей с японскими партнерами о сырье, как это делало лейбористское правительство Г. Уитлема, и что Австралия по-прежнему будет способствовать обеспечению Японии сырьем, в том числе ураном и сжиженным природным газом.

Следует отметить, что в начале 1970-х гг. Япония медлила с прямыми капиталовложениями в Австралию, предпочитая долгосрочные контракты и кредиты, а также ограниченные по объему инвестиции в разработку природных ресурсов для обеспечения непрерывного поступления сырья в Японию. Это было в значительной мере связано с тем, что в конце 1972 г. австралийское правительство приняло меры по ограничению притока капитала в форме краткосрочных кредитов, чтобы предотвратить дальнейший рост иностранных дочерних компаний и филиалов в Австралии.

В 1979 г. были преодолены разногласия по поводу квот, введенных ранее Японией на закупку австралийского мяса, и условий доступа японских рыбаков в 200-мильную исключительную экономическую зону Австралии. В октябре 1979 г. было заключено соглашение, регулировавшее порядок ловли японскими рыбаками тунца в австралийских водах.

Начало 1970-х гг. стало временем активизации и японо-новозеландских отношений, прежде всего в торгово-экономической сфере. Объем новозеландского экспорта в Японию в 1970 г. вырос, по сравнению с 1960 г., более чем втрое, а объем импорта за тот же период увеличился почти на 200 процентов³⁹. В 1962 г. в Токио было открыто представительство новозеландского Совета производителей молочной продукции, а в 1964 г. — представительство Совета производителей мясной продукции. Экспортеры шерсти из Новой Зеландии изучали японский рынок, используя токийский офис международного секретариата производителей шерсти. Национальный банк и Банк Новой Зеландии открыли свои филиалы в Токио в 1969 г., за ними в японской столице начало работать представительство авиакомпании Новой Зеландии.

К середине 1970-х гг. во внешней торговле Новой Зеландии Япония твердо закрепила на третьем месте среди импортеров. Объем взаимной торговли составил около 800 млн долл. США. Главными товарами новозеландского экспорта являлись баранина, пиломатериалы и шерсть, составлявшие 39,3% от общего объема⁴⁰. Япония поставляла 51% стали из общего объема импортируемого Новой Зеландией, 43% автомобилей, большое количество сельскохозяйственной техники⁴¹.

Однако затем в японо-новозеландских торгово-экономических отношениях наступило обострение, в основе которого находилось несколько причин. Важнейшая из

них — внутривластная стратегия японского руководства удовлетворять потребности населения в мясных и молочных продуктах в первую очередь за счет повышения продуктивности собственного скотоводства. Особенность японской экономики состояла в том, что среди развитых капиталистических стран Япония находилась на последнем месте по самообеспечению продовольствием. Это было связано с рядом объективных обстоятельств: небольшой площадью сельскохозяйственных угодий, оттоком сельского населения в города после аграрной реформы 1960-х гг. В результате с 1975 г. Япония стала самым крупным среди развитых рыночных стран импортером сельскохозяйственной продукции. Ежегодно для нужд страны закупалось около 25 млн т сельскохозяйственных товаров. На японский рынок со своей продукцией наравне с Новой Зеландией устремились США, страны ЕЭС, которые пытались выработать единую стратегию по этой проблеме с целью уменьшить дисбаланс во внешнеторговых связях с Японией. Японское правительство, несмотря на многолетнее давление со стороны своих партнеров, отказывалось либерализовать торговлю сельскохозяйственными товарами. Как выразился президент Совета по сельскохозяйственной политике при канцелярии японского премьер-министра С. Кавано: «зависимость от продовольствия может использоваться в дипломатии как стратегическое оружие»⁴².

1977 г. стал кризисным в торговых отношениях между Японией и Новой Зеландией. Все попытки новозеландского руководства претворить в жизнь концепцию «тотальных экономических связей», которую последовательно предлагали японским руководителям премьер-министры У. Роулинг и Р. Малдун, не увенчались успехом. Хотя в первой половине 1970-х гг. наблюдалась обнадеживающая тенденция к улучшению ситуации, ее не удалось закрепить в последующие годы. В 1973–74 финансовом году Япония закупила в Новой Зеландии масла на 10,8 млн долл., а в следующем только на 1,5 млн долл. В 1975–76 гг. Япония была вторым экспортным рынком Новой Зеландии — 308,6 млн новозеландских долларов⁴³. Как указывал, выступая в парламенте страны, министр иностранных дел Б. Тэлбойз, «остается истиной, что мы построили с Японией отношения, которые по масштабам, содержанию и многообразию не уступают отношениям ни с одной другой страной»⁴⁴.

Однако политика японского правительства, проводимая в интересах стабилизации собственного сельского хозяйства, создавала все большую напряженность в японо-новозеландских внешнеэкономических отношениях. Сущность этой политики заключалась в том, что правительство Японии сохраняло на ввозимые в страну масло, молочный порошок и говядину такие высокие цены, чтобы искусственно привести в соответствие потребительский спрос и сельскохозяйственное производство внутри страны. Новозеландские товары — говядина и молочные продукты — расценивались как остаточное снабжение, призванное помогать регулированию стабилизационной системы, что было абсолютно неприемлемо для новозеландских экспортеров.

Новозеландские руководители понимали, что как страна, имеющая одну из наиболее динамичных и наиболее мощных экономик в мире, Япония очень влиятельна в АТР, столь значимом для Новой Зеландии. Поэтому самым главным, по мнению Б. Тэлбойза, была стабильность торгово-экономических отношений с Японией. Однако, именно по самым ключевым экспортным позициям сохранялась непредсказуемость и неупорядоченность, несмотря на то, что торговый баланс в течение многих лет был в пользу Новой Зеландии. Для стабилизации торговых отношений новозеландская сторона не настаивала на таком положении, хотя и приветствовала его⁴⁵. В апреле 1977 г. Новую Зеландию в качестве гостя правительства посетил президент Федерации организаций-производителей говядины Японии С. Яманака. Он был принят премьер-министром страны, министром иностранных дел, министром сельского и рыбного хозяйства, встречался с производителями мяса, но о достижении конкретных договоренностей не сообщалось⁴⁶.

В 1980-е гг. внешнеполитические связи между Японией и Австралией значительно расширились и окрепли. Это объяснялось не только экономическими факторами, которые, естественно, содействовали оживлению политических отношений, но и изменившимся положением обеих стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Японию с ее возросшим экономическим потенциалом уже не удовлетворяла роль активного союзника США⁴⁷. «Страна восходящего солнца» попыталась начать проводить самостоятельный курс, особенно в отношении со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Австралия претендовала на ведущую роль в юго-западной части Тихого океана и также проявляла повышенный интерес к странам Юго-Восточной Азии. К тому времени она стала весомым политическим фактором, влиявшим на расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И Япония, и Австралия были заинтересованы в осуществлении совместных политических акций в АТР, особенно с учетом тесного торгово-экономического сотрудничества между ними.

В совместном заявлении премьер-министра Австралии Фрейзера и премьер-министра Японии М. Охиры, сделанном во время пребывания последнего в Канберре в январе 1980 г., отмечалось, что обе страны «должны еще больше активизировать свои усилия в деле установления возможно более тесных контактов по широкому кругу вопросов, включая консультации на высшем правительственном уровне». Лидерами двух стран были определены основные направления совместных внешнеполитических действий Австралии и Японии: союз с Соединенными Штатами и тесные связи с западными державами в области политики, экономики и торговли; поддержание мира, стабильности и экономического развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе; внимание к развитию плодотворных контактов с Китаем, Южной Кореей и странами АСЕАН; развитие всестороннего и полномасштабного сотрудничества с государствами Тихоокеанского бассейна⁴⁸.

С начала 1980-х гг. центр тяжести в японо-австралийских экономических отношениях был перенесен на энергетические проблемы. Возросшая зависимость Японии от импорта энергетического сырья явилась мощным стимулом к развитию энергетических ресурсов Австралии. Особый интерес Япония проявляла к таким видам австралийского энергетического сырья, как уголь, сжиженный природный газ и уран⁴⁹. Дальнейшее увеличение австралийского экспорта в Японию осуществлялось в основном за счет именно этих видов сырья.

Во время пребывания премьер-министра Японии М. Охиры в Канберре в январе 1980 г., а также на совещаниях японо-австралийского правительственного комитета в Токио в январе 1981 г. и в Канберре в июне 1982 г. энергетической проблеме было уделено особое внимание. В заявлениях сторон отмечалось, что политика, проводимая Австралией и Японией в области энергетики, взаимовыгодна, обеспечивает базу для расширения торговли и научно-технического сотрудничества. Предполагалось три направления совместной деятельности: разработка месторождений газа на континентальном шельфе Западной Австралии, разведка нефти в Квинсленде и добыча урановой руды на Северной территории. Был подготовлен ряд проектов, для осуществления которых требовались серьезные финансовые вливания⁵⁰.

Австралийское правительство добивалось расширения японских капиталовложений в горнорудную промышленность, а также в предприятия, связанные с переработкой сырья непосредственно в стране. В обмен на это Японии гарантировались бесперебойные поставки австралийского энергетического сырья⁵¹.

Япония, размеры капиталовложений которой в Австралии были намного меньше капиталовложений США и Великобритании, стала проявлять повышенный интерес к инвестиционной деятельности на пятом континенте. С 1974 г. начался прирост иностранного капитала, в том числе и японского, обеспечив Японии третье место после США и Великобритании. Японские инвестиции в Австралии сосредоточились главным образом в

добывающей и обрабатывающей промышленности. Японские компании часто действовали вместе с местными, а также иностранными компаниями и, как правило, являлись их младшими партнерами.

Увеличение японских инвестиций было связано с осуществлением крупномасштабных проектов по освоению богатых залежей полезных ископаемых Австралии и способствовало претворению в жизнь концепции, предусматривавшей установление «особых отношений» между Австралией и Японией в области экономики. создание японо-австралийского добывающего комплекса. Эта концепция находила все большую поддержку австралийских и японских экономистов, представителей деловых и официальных кругов обеих стран.

Удельный вес японских капиталовложений в общей сумме прямых иностранных инвестиций в Австралии составил около 25%. Причем 80% японского капитала было вложено в добывающую промышленность Австралии, главным образом в добычу железной руды, коксующегося угля, промышленной соли, медной и никелевой руды, нефти, природного газа. Около 80% японских инвестиций направлялось в совместные австрало-японские предприятия, в которых японским компаниям формально принадлежало менее 50% акций. Фактически же их влияние было более значительно⁵².

Японские капиталовложения, несмотря на их относительно небольшой удельный вес по сравнению с инвестициями США и Англии, имели для австралийской экономики большое значение, так как, прежде всего, «способствовали экспорту австралийского сырья и создавали базу для дальнейшего укрепления австралийско-японских связей»⁵³.

Таким образом, несмотря на наличие экономических противоречий между Японией и Австралией, существовала реальная перспектива для всестороннего расширения японо-австралийских отношений. Как отмечалось в японской печати, Япония и Австралия являлись естественными торговыми партнерами. Более того, для промышленности Японии Австралия с ее огромными ресурсами была жизненно важным источником сырья. Японские монополии особенно активно действовали в горнодобывающей промышленности Австралии, что объяснялось не только их стремлением обеспечить бесперебойные поставки минерального сырья в Японию, но и намерением установить контроль над австралийскими месторождениями этого сырья, чтобы «активно влиять на его цены»⁵⁴.

О расширявшемся в 1970–1980-х гг. экономическом сотрудничестве между Австралией и Японией свидетельствовало большое количество двусторонних соглашений о консультациях и экономическом сотрудничестве в различных областях. Они предусматривали проведение совещаний, заседаний японо-австралийского правительственного комитета, визиты на разных уровнях, всесторонние консультации. Связи между предпринимателями обеих стран поддерживались посредством ряда бизнес-институтов, таких, как Австрало-японский комитет делового сотрудничества⁵⁵.

Важным фактором экономического развития любой страны являются иностранные инвестиции. Понимая это, новозеландское руководство также стремилось привлечь инвестиции из Японии. В 1960-е гг. японские капиталовложения были крайне незначительными, хотя соглашение о ликвидации двойного обложения доходов было подписано в январе 1963 г. В 1970-е гг. основной отраслью, привлекавшей внимание японских бизнесменов, стала металлургия, которая как отдельная отрасль экономики сформировалась, по существу, только к концу 1960-х гг.

Первенцем новозеландской металлургической промышленности являлся сталеплавильный комбинат, построенный в Гленбруке. Именно в этом районе находились месторождения железистых песков Уайкато Норт Хед, запасы которых оценивались в 150 млн т. Это сырье начали применять на комбинате после того, как ученые разработали технологию получения стали с использованием новозеландского угля. Компания «Нью Зиленд стил», которой принадлежал комбинат, помимо выпуска стали и стального проката

та начала заниматься разработкой и продажей в Японию титаномагнетитовых песков Тахароа, с прогнозируемыми запасами в 300 млн т⁵⁶.

Рождение цветной металлургии состоялось в 1971 г., когда было завершено строительство и получена первая продукция алюминиевого комбината в Тиван Пойнт, недалеко от г. Блафф на Южном острове. Он использовал привозное сырье — бокситы из Квинсленда (Австралия) — и относительно дешевую электроэнергию, производимую новозеландским энергетическим комплексом в Манапури. Акции предприятия распределены 50% на 50% между австралийской компанией «Комалко» и японскими «Сёва алюминий индастриз» и «Сумитомо кэмикл компани». Было достигнуто соглашение, по которому потребляемая комбинатом электроэнергия — 10% всей вырабатываемой электроэнергии в стране — оплачивалась по ставкам в 4 раза меньше, чем отпускные цены национальным потребителям. При этом цена должна была оставаться неизменной до 1999 г. Со своей стороны «Комалко» обязалась поставлять по льготным ценам партии алюминия. Этот комбинат стал крупнейшим производителем алюминия в южном полушарии. Полная производственная мощность его планировалась в объеме 210 тыс. т металла в год⁵⁷.

Отраслевая география и формы вложения японских инвестиций постепенно расширялись. К концу 1970-х гг. общий объем японских инвестиций в экономику Новой Зеландии составил 120 млн долл.⁵⁸ Но в объеме японских капиталов, вкладывавшихся в экономику других стран, это было менее 1%⁵⁹, что открывало большие возможности для расширения сотрудничества в этой важной сфере двусторонних торгово-экономических отношений.

Успешно развивались культурные и научные связи Японии с Австралией и Новой Зеландией. Уже в начале 1970-х гг. был разработан целый ряд культурных программ. В 1974 г. было подписано японо-австралийское соглашение в области культуры, по которому на реализацию культурных программ австралийским правительством ежегодно выделялось 250 тыс. австралийских долл.⁶⁰

В Токийском университете читался курс по изучению Австралии. Австралийское правительство организовало преподавание английского языка для японских студентов, обучавшихся в Австралии; японские ученые приглашались для работы в австралийских университетах и научно-исследовательских центрах; японским художникам и специалистам ремесленных производств выделялись субсидии для посещения Австралии.

Важная роль в развитии культурных связей между двумя странами отводилась учрежденному в 1976 г. Австрало-японскому фонду, главная цель которого — «установление тесных отношений между народами Австралии и Японии и содействие их взаимопониманию». Фонд субсидировал исследовательские проекты и культурный обмен, содействовал распространению информации об обеих странах⁶¹. Во время визита М. Охкры в Австралию в январе 1980 г. австралийское правительство удвоило бюджет фонда, который составил 1 млн австралийских долларов ежегодно⁶².

В начале 1970-х гг. Министерство образования Японии совместно с Японским фондом, основанным в 1972 г., и Программой обменов «Новая Зеландия — Япония» приступили к подготовке специалистов в разных отраслях знаний. В 1980-е гг. в различных университетах Новой Зеландии началось изучение японской истории, политики, экономики, архитектуры, искусства и музыки, японского языка и менеджмента. Наряду с этим совершенствовались учебные программы, учреждались совместные исследовательские проекты, создавались учебные библиотеки.

В 1974 г. была начата «Программа обменов между Новой Зеландией и Японией», контролируемая Советом учителей Новой Зеландии. В начале 1980-х гг. наблюдалось резкое повышение интереса к изучению японского языка в новозеландских школах. В 1987 г. японский язык изучался в 20% новозеландских средних школ. Япон-

ские университеты и колледжи отправляли студентов в Новую Зеландию для изучения английского языка.

Ректоры новозеландских университетов стремились наладить контакты с японскими университетами и научно-исследовательскими институтами. Так, в ноябре 1983 г. с аналогичной целью Японию посетили руководители новозеландских университетов Отаго и Вайкато⁶³. При этом, стремясь соблюдать соответствующий баланс между объемами исследований, посвященных Японии, Китаю, Корее и странам Юго-Восточной Азии, руководители новозеландских высших учебных заведений отмечали приоритетность работ, связанных с Японией. В середине 1990-х гг. между Ассоциацией университетов Японии и Советом ректоров университетов Новой Зеландии была подписана программа обменов на длительный период⁶⁴.

Во время визита в Окленд в 1985 г. премьер-министр Японии Накасонэ предложил создать в Новой Зеландии центр изучения Японии. Эта идея была реализована в 1987 г., когда на базе университета Мэссэй учредили Новозеландский центр исследований Японии, главной целью которого являлось изучение и развитие отношений между Новой Зеландией и Японией в сферах экономики, торговли, политики, науки, культуры, языка и т.д. Задачей центра являлась также подготовка преподавателей японского языка, оказание консультативных услуг бизнесменам и средствам массовой информации, поддержка городов, установивших побратимские связи с городами в Японии.

За этим центром последовал целый ряд различных исследовательских центров и институтов при ведущих университетах Новой Зеландии. В университете Окленда был основан Азиатский институт Новой Зеландии, который включал в себя Центр изучения Японии. Университет Виктория создал Институт политических исследований, интересы ученых которого непосредственно связаны с японской тематикой, и Центр стратегических исследований, в котором проходили стажировку молодые специалисты из Японии. Аналогичные структуры были созданы в университетах Вайкато и Отаго. Таким образом, в каждом университете появился научный центр, осуществлявший изучение различных сторон японской действительности, устанавливавший связи с подобными исследовательскими заведениями в Японии и третьих странах.

Официальный Токно признавал право Австралии и Новой Зеландии на углубление отношений с островными государствами южной части Тихого океана и влияние на их развитие в силу геополитических и исторических причин. Развитые южно-тихоокеанские государства, в свою очередь, приветствовали расширение вовлечения Японии в дела Южно-Тихоокеанского субрегиона. Правительства стран-партнеров понимали важность островов Океании, лежащих на пересечении основных трансокеанских морских и воздушных коммуникаций, которые обеспечивали интенсивное развитие торгово-экономических связей США и Канады с Японией, Австралией и Новой Зеландией.

Неслучайно именно на 1970-е гг. пришлось установление дипломатических отношений «Страны восходящего солнца» с такими государствами региона, как Папуа-Новая Гвинея, Фиджи, Самоа, Тонга и др. Активизация японской дипломатии в странах юго-западной части Тихого океана находилась в русле общих усилий правящих кругов Японии. Предстояло обеспечить постоянное влияние в районах размещения японских инвестиций, достижение экономической безопасности страны, учитывая нестабильность в регионах, традиционно служивших источниками сырья и энергоносителей. Таким образом, Япония постепенно начала занимать важное место в системе внешнеполитических и внешнеэкономических связей государств Океании.

С начала 1970-х гг. наблюдался стабильный рост объемов торгово-экономических связей Японии с островными странами, причем довольно высокими темпами. Японские монополии были заинтересованы в привлечении возможности использования природных ресурсов островных государств, а также колоссальных запасов океана. Их интересы в этом районе были связаны с добычей таких полезных ископаемых, как медь, никель, фосфаты;

выловом и переработкой рыбы. Японские инвестиции направлялись в лесоперерабатывающую промышленность, в сферу туризма, в развитие рыболовства.

Особую экономическую активность Япония проявляла в Папуа-Новой Гвинее. В торговле с этой страной она занимала второе место как импортер, после Австралии. Около 17% экспорта Папуа-Новой Гвинеи направлялось в Японию. А закупаемая японская продукция составляла около 20% от импортируемого Папуа-Новой Гвинеей количества товаров⁶⁵. Пристальное внимание японских монополий привлекали минеральные богатства. В кратчайшие сроки Япония превратилась в крупнейшего импортера медных концентратов из этой страны. Такие компании, как «Мицуи» и «Мицубиси» закупали основную массу руды и концентратов, добывавшихся на острове Бугенвиль. Японские компании участвовали в строительстве электростанции на реке Пулари. Выработанную на этой станции электроэнергию планировалось использовать для выплавки алюминия из австралийских бокситов для Японии.

Японские рыболовные компании вели интенсивный промысел рыбы в юго-западной части Тихого океана. В ряде государств Океании при участии Японии шло строительство холодильников, перерабатывающих и консервных фабрик.

Многие острова были связаны с Японией авиационными маршрутами, которые обслуживали японские авиакомпании. Увеличивалось число японских туристов, совершавших поездки на острова Океании. В связи с этим компания «Мицубиси» проявляла интерес к строительству отелей, в частности на территории Папуа-Новой Гвинеи.

Во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. Япония в целях упрочения своих позиций в странах Океании проводила политику выделения государственной помощи. Основной ее формой являлись займы. В рамках программ по предоставлению помощи в Океании работали японские эксперты, оказывавшие содействие в реализации технических проектов. На Фиджи, например, осуществлялась программа изучения возможностей развития аквакультуры, в Тонга создавалась медицинская лаборатория. Еще одной из форм официальной помощи Японии странам Океании являлось выделение средств на закупку продовольствия. В 1982 г. на эти цели японской стороной было выделено Самоа 100 млн иен.

Одним из направлений помощи, оказываемой Японией странам Океании, являлось содействие в подготовке кадров. Так, в 1981 г. в Японии проходило обучение 68 студентов из государств Океании, или 1,8% всех иностранных студентов, обучавшихся в японских учебных заведениях⁶⁶.

Японская сторона выделяла деньги и безвозмездно, например, для ликвидации последствий стихийных бедствий. После того, как в марте 1983 г. на Фиджи обрушился циклон, нанеший стране серьезный материальный ущерб, японское правительство выделило 10 тыс. долл. для устранения его последствий.

Активизацию японской внешней политики в юго-западной части Тихого океана приветствовали Австралия и Новая Зеландия. Такая позиция региональных лидеров была обусловлена стремлением, с одной стороны, сохранить океанийские государства в сфере своего влияния, а с другой — усилить позиции западных держав в этом районе. Именно поэтому премьер-министр Новой Зеландии Р. Маллун во время своего визита в Японию 15–21 апреля 1981 г. призывал ее увеличить помощь странам Океании⁶⁷. Касаясь обстановки в южной части Тихого океана, лидер Новой Зеландии отметил также важность участия Японии в деятельности Южно-Тихоокеанского форума как действенного инструмента в деле совершенствования сотрудничества со странами этой части АТР⁶⁸.

Новый политический курс в Южно-Тихоокеанском субрегионе был определен японским руководством в 1980-х гг. В 1985 г. японский премьер-министр Я. Накасонэ в ходе поездки побывал не только в Австралии и Новой Зеландии, но и в Папуа-Новой Гвинее, Фиджи и других островных государствах. Это свидетельствовало о пересмысле-

лении японскими правящими кругами места этой части бассейна Тихого океана во внешнеполитических приоритетах.

Японское правительство в определенной степени координировало свою политику в Океании с политикой других дружественных государств. Однако с другими развитыми западными странами в Океании у Японии существовала и конкуренция, которая порой принимала острые формы. Больше всего это проявлялось в области освоения морских ресурсов в южной части Тихого океана. При этом японская дипломатия, активизируя свою деятельность в странах Океании, была вынуждена считаться с тем, что население некоторых из них еще помнило годы Второй мировой войны, когда японские оккупанты хозяйничали на островах Тихого океана.

Тем не менее, независимые государства Океании объективно усматривали в развитии отношений с Японией не только возможность для преодоления своей экономической отсталости, подготовки квалифицированных кадров, получения дополнительных финансовых ресурсов, но и основу для достижения некоторой дистанцированности и независимости от Австралии, Новой Зеландии и США.

Процесс дальнейшей активизации политики Японии в южной части Тихого океана проявился в «доктрине Куранари», выдвинутой в начале 1987 г. В январе 1987 г. в ходе продолжительного визита министра иностранных дел Японии Куранари Тадаси в пять стран Океании в своей речи в столице Фиджи — городе Сува — он провозгласил новую тихоокеанскую доктрину Японии, заявив, что Тихий океан останется «океаном мира, как и предполагает его название»⁶⁹. В ней определялись долговременные цели японской внешней политики: уважение независимости государств региона, действия по стабилизации положения на юге АТР, содействие двустороннему и многостороннему экономическому сотрудничеству. Определялось, что «стратегические инвестиции в бассейне Тихого океана необходимы для того, чтобы этот район занял лидирующие позиции в мировой экономике»⁷⁰. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. экономические связи и влияние Японии в государствах южной части Тихого океана еще более возросли. По-прежнему основными сферами интересов оставались добыча минеральных ресурсов, туризм, а также рыболовство в контролируемых этими странами морских экономических зонах.

Так, на Фиджи японские компании предприняли строительство курорта, стоимость которого оценивалась в 350–400 млн долл. В Папуа-Новой Гвинее японские фирмы проявляли большой интерес к освоению месторождений нефти, увеличивали инвестиции в добычу золота и меди. Кроме того, из Папуа-Новой Гвинее в Японию экспортировалась древесина⁷¹.

В целом следует отметить, что руководство островных стран южной части Тихого океана позитивно относилось к развитию экономических связей с Японией. В первую очередь приветствовались инвестиции, которые способствовали росту экономики, укреплению их хозяйственной независимости от бывших метрополий. К концу 1990-х гг. объем торговли Японии с Папуа-Новой Гвинеей достигал 800 млн долл., Соломоновыми островами — около 75 млн долл., Кирибати — около 10 млн долл.⁷²

В то же время существовало обоснованное опасение попасть в чрезмерную экономическую зависимость от Японии. Среди проблем в отношениях с Японией отмечались: тревога по поводу негативного влияния деятельности японских компаний на состояние окружающей среды; перспективы восстановления рыбных ресурсов после их интенсивной эксплуатации японскими рыболовными компаниями; опасения в связи с планами Токио перевозить через Тихий океан плутоний из Европы для японских атомных электростанций.

Таким образом, именно в 1950-е — 1980-е гг. политика Японии, направленная на укрепление взаимодействия со странами Южно-Тихоокеанского субрегиона в двустороннем формате, на региональном уровне и в международных организациях стала харак-

теризоваться большей самостоятельностью в определении целей и приоритетов, включать элементы не только экономического, но и политического, культурного и научного характера, сочетать не только двустороннюю и блоковую, но и многостороннюю направленность, что отражало происходившие в регионе и в мире интеграционные процессы глобализации и интернационализации. Сотрудничество Японии с Австралией и Новой Зеландией на уровне региональных структур и в международных организациях носило взаимовыгодный характер и способствовало улучшению двусторонних связей во всех областях, росту авторитета каждой из участниц международных отношений.

Несмотря на наличие ряда претензий и трений в экономической сфере, в целом отношения между Японией и островными странами южной части Тихого океана в рассмотренный период времени можно охарактеризовать как взаимовыгодное партнерство. Более того, на фоне многих серьезных конфликтов в контактах Японии с другими странами, связи ее с указанной группой государств являлись, пожалуй, наиболее благополучными в масштабе АТР. Неудивительно, что позитивное влияние взаимодействия Японии со странами Океании на всю систему экономических и политических отношений в регионе на протяжении нескольких десятилетий постепенно усиливалось.

1. О дискуссии по проблеме трактовки термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» см. статью: Пузыня Н.Н. О проблеме деления мира на регионы и субрегионы в регионоведении (на примере АТР и его субрегионов)//Актуальные проблемы права, экономики и управления: Сборник статей международной научно-практической конференции. — Иркутск, 2011. — Вып. VII, Т. II. — С. 181–183.
2. В официальном документе Министерства иностранных дел Японии — Гайко сэйсё. Вага гайко-но кинкё. [Синяя книга по внешней политике. Современное состояние внешней политики Японии] (далее — Вага гайко-но кинкё) — за 1991 год на страницах 25–26 говорилось: «После второй мировой войны японская внешняя политика прошла два этапа. Первый с 1945 года и до начала 70-х годов... 1970–80-е годы — двадцатилетие, когда наступил второй этап в послевоенной японской внешней политике. Япония стала одной из индустриально развитых стран с передовой демократией, стремилась соответствовать возросшей роли и ответственности». См. также: Саркисов К.О. Интерпретация некоторых узловых событий послевоенной истории Японии//Размышления о японской истории/Отв. ред. А.Е.Жуков. — М., 1996. — С. 108–116.
3. Levi W. Australia's Outlook on Asia. — Sydney, 1958. — P. 142.
4. Levi W. Australia's Outlook on Asia. — Sydney, 1958. — P. 142.
5. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/index.html> — P. 1. — (February 17, 2005).
6. Ibid. — P. 2. — (February 17, 2005).
7. Australia in World Affairs 1956–1960/Edited by G. Greenwood and N. Harper. — Melbourne, 1963. — P. 267.
8. Agreement on Commerce between the Commonwealth of Australia and Japan, HAKONE, 6th July, 1957. — <http://www.info.dfat.gov.au/.../bdb77e0bb29fd0a1ca256d96001116f8?Navigate&To=Prev> — 25k (January 16, 2008).
9. Official Yearbook of the Commonwealth of Australia. — 1966. — № 52. — P. 416.
10. New Zealand Foreign Affairs Review (далее NZFAR). — Wellington, 1975. — Vol. 25, № 5. — P. 39.
11. Japan and New Zealand: 150 years/Ed. by Roger Peren. — Wellington, 1999. — P. 136.
12. Малаховский К.В. История Новой Зеландии. — М., 1981. — С. 211.
13. Мартынов А.И., Русакова О.К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии: история и современность. — М., 1981. — С. 130.
14. Кокусай хикаку токэй, 1971. [Статистика международных сравнений, 1971]. — Токио, 1971. — С. 14.
15. Кэйдай токэй нэмпо, 1972. [Ежегодник экономической статистики, 1972]. — Токио, 1973. — С. 257, 281.
16. Watt A. The Evolution of Australian Foreign Policy. 1938–1965. — London, 1967. — P. 219.
17. Official Yearbook of the Commonwealth of Australia. — 1966. — № 52. — P. 416.

18. Millar T.V. Australia's Defence. — Melbourne, 1965. — P. 78.
19. Кокусай хикаку токэй, 1971. [Статистика международных сравнений, 1971]. — Токио, 1971. — С. 3–4.
20. Цусе хакусэ. Какурон. 1973. [Белая книга по внешней торговле. Обзор рынков. 1973]. — Токио, 1973. — С. 712.
21. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/NewZealand/index.html/Japan-New Zealand Relations>. — P. 1. (February 17, 2005).
22. NZFAR. — 1977. — Vol. 27, № 1. — P. 17.
23. New Zealand Official Yearbook. — 1968. — P. 644–654.
24. Вага гайко-но кинкё. — Токио, 1970. — № 14. — С. 350.
25. Вага гайко-но кинкё. — Токио, 1972. — № 16. — С. 418.
26. Современная Япония. Справочное издание/Отв. ред. И.А. Латышев. — Изд. 2-е. — М., 1972. — С. 458.
27. Кириченко В.П. Япония — Латинская Америка: дзайбацу наступают//Проблемы Дальнего Востока. — 1980. — № 1. — С. 78.
28. Australian Foreign Affairs Record. (далее AFAR). — 1980. — Vol. 51, № 4. — P. 93.
29. См. об этом: Николаев В.П. Противоракетная оборона и новый треугольник безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Австралия-США-Япония//Международный аналитический вестник. — 2009. — № 11. — С. 13–17.
30. <http://www.au.emb-japan.go.jp/> — 21k (02 июн. 2006).
31. NZFAR. — 1974. — Vol. 24, № 11. — P. 5.
32. Ibid. P. 7–14.
33. Асахи симбун. — 1974. — 05 ноября.
34. Japan and New Zealand: 150 years/Ed. by Roger Perren. — Wellington, 1999. — P. 186.
35. NZFAR. — 1988. — Vol. 38, № 1. — P. 31–32.
36. AFAR. — 1980. — Vol. 51, № 4. — P. 94.
37. Василевская И.И. К вопросу о политике Японии в странах Тихоокеанского бассейна в 70-е годы// Страны южных морей (История, экономика, этнография, география)/Отв. ред. К.В. Малаховский. — М., Наука, 1980. — С. 108.
38. AFAR. — 1980. — Vol. 51, № 4. — P. 94.
39. Подсчитано по: Japan and New Zealand: 150 years/ Ed. by R. Perren. — Wellington, 1999. — P. 180.
40. New Zealand Official Yearbook, 1977. — P. 516.
41. NZFAR. — 1977. — Vol. 27, № 4. — P. 23.
42. Алиев Р.Ш.-А. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов (теория и практика). — М., 1986. — С. 225.
43. NZFAR. — 1977. — Vol. 27, № 1. — P. 17–18.
44. NZFAR. — 1977. — Vol. 27, № 3. — P. 9.
45. Ibid.
46. NZFAR. — 1977. — Vol. 27, № 2. — P. 33.
47. См. например: Кузнецов С.И Японские авторы о проблемах безопасности и сотрудничества Японии с европейскими членами НАТО//Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Тезисы докладов регион. конф. — Иркутск, 1986. — С. 11–12.
48. AFAR. — 1980. — Vol. 51, № 4. — P. 96.
49. AFAR. — 1980. — Vol. 51, № 4. — P. 94.
50. Australian Financial Review. — 1979. — October, 15.
51. Подр. см.: Челинцева Н.П. Развитие австрало-японских отношений в 70-х — начале 80-х годов// Новые тенденции во внутреннем развитии и международных отношениях стран Тихоокеанского бассейна/Отв. ред. К.В.Малаховский. — М., Наука, 1985. — С.68–85.
52. Иванов В.И. Иностраный капитал в Австралии после второй мировой войны. — М., 1976. — С.23.
53. Подр. см.: Иванов В.И. Интеграционные процессы в австрало-японских отношениях//Дальний Восток. История, экономика. — С. 95–96.
54. Иванов В.И. Иностраный капитал в Австралии после второй мировой войны. — М., 1976. — С.23.
55. AFAR. — 1980. — Vol. 51, № 4. — P. 95.

56. Рубцов Б.Б. Новая Зеландия. — М., 1987. — С. 84–85.
57. Богомолов В.А. Экономика и политика Новой Зеландии/В.А. Богомолов. — М.: Мысль, 1978. — С. 78.
58. Подсчитано по: Вага гайко-но кинкё, 1972–1981.
59. Japan and New Zealand: 150 years. — P. 160.
60. AFAR. — 1980. — Vol. 51. № 4. — P. 96.
61. Ibid. P. 98.
62. Ibid. P. 99.
63. Вага гайко-но кинкё. — Токио, 1984. — № 28. — С. 136.
64. Japan and New Zealand: 150 years. — P. 193.
65. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Canberra, 1974, № 60. — P. 1078–1079.
66. Подробнее см.: Независимые государства Океании. (Особенности становления и развития)/Отв. ред. К.В. Малаховский и В.П. Николаев. — М., Наука, 1984. — С. 165–181.
67. Асахи симбун. — 1981. — 16 апреля (утренний выпуск).
68. Асахи симбун. — 1981. — 16 апреля (вечерний выпуск).
69. Japan Times. — 1987. — January, 18.
70. Ёмиури симбун. — 1987. — 19 февраля.
71. Кистанов В.О. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — С. 228.
72. [http:// www.mofa.go.jp/](http://www.mofa.go.jp/) Diplomatic Bluebook — (02 июня 2006 года)

Научная жизнь

О научной конференции в ИДВ РАН «Три года правления Демократической партии Японии: итоги и перспективы»

14 декабря 2012 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла 5-я ежегодная Общероссийская научная конференция «Три года правления Демократической партии Японии: итоги и перспективы», на которой был рассмотрен широкий спектр вопросов в области политики, экономики, общества и культуры Японии. Организаторы конференции — ИДВ РАН и Ассоциация японоведов.

Конференция подвела итоги деятельности Демократической партии Японии (ДПЯ), которая с сентября 2009 г. была правящей партией. Фактически сразу после ее завершения — 16 декабря 2012 г. — в Японии прошли выборы в нижнюю палату парламента страны, в результате которых, как и предполагали эксперты, ДПЯ потеряла свой правящий статус. Она уступила Либерально-демократической партии (ЛДП), которая возвратилась к управлению государством под руководством 58-летнего лидера ЛДП и премьер-министра страны Синдзо Абэ, уже побывавшего в должности премьер-министра в 2006–2007 гг.

На открытии конференции с приветственным словом выступил директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко, который отметил ее актуальность, особенно в контексте решения задачи «преодоления проклятия, которое лежит на российско-японских отношениях».

На конференции прозвучало 14 выступлений, сопровождавшихся вопросами и ответами, и завершившихся общей дискуссией.

Д.В. Стрельцов (МГИМО(У) МИД России) выступил по теме «Демократическая партия Японии: особенности организационной структуры и идеологии», рассказав о ряде специфических особенностей ДПЯ по сравнению с другими партиями и, в частности, с ЛДП. Так, в отличие от ЛДП, в ДПЯ отсутствуют фракции, хотя в среде депутатского корпуса имеется множество внутрипартийных групп, которые отличаются по своему происхождению от разных партий-прародительниц. Как отметил Стрельцов, внутрипартийные группы выполняют в ДПЯ роль политических «клубов». ДПЯ в своей кадровой политике для сохранения единства партии пытается соблюдать принцип «баланса сил» между отдельными группами. Другая важная специфика — максимальное дистанцирование от политических решений, способных усугубить противоречия и вызывать раскол в рядах партии.

В целом больших различий в программе ДПЯ по сравнению с ЛДП не наблюдалось. Единственное, в чем демократы подчеркивали свою «особость» по отношению к

либерал-демократам — это подход к решению социальных проблем, по которому ДПЯ старалась демонстрировать свою социал-демократическую сущность. Если ЛДП придерживается теории минимизации социальных обязательств государства, то ДПЯ выступает в поддержку идеи «государства социального благоденствия», опробованной в странах Северной Европы.

В.О. Кистанов (ИДВ РАН) в выступлении «Внешняя политика Японии в период правления ДПЯ: проблемы и тенденции» отметил, что в последние годы внешняя политика Японии отличалась пассивностью и неспособностью быстро и эффективно решать задачи, стоящие перед страной на международной арене. Во многом это объясняется кризисными явлениями, которые переживает японская экономика в течение последних двух десятилетий, получивших название «потерянных», многочисленными социальными проблемами, а также затянувшейся нестабильностью внутриполитической жизни. Эти факторы сделали японскую политическую жизнь ориентированной больше «вовнутрь», чем «вовне».

Большие надежды в решении накопившихся сложных проблем связывались в Японии с приходом к власти в сентябре 2009 г. ДПЯ. Однако за три с лишним года партия не только не смогла активизировать дипломатию и вывести внешнюю политику на новый качественный уровень, но и допустила ряд серьезных внешнеполитических промахов в отношениях с такими важными партнерами на международной арене, как США, Китай, Южная Корея и Россия. А неудачи на «внешнем фронте» бумерангом ударили по руководству ДПЯ. Это, в частности, выразилось в том, что Юкио Хатояма, ставший первым премьер-министром от ДПЯ, вынужден был внезапно уйти в отставку в июне 2010 г. в связи с неспособностью решить проблему американской военной базы Футэма на Окинаве. Великое бедствие на Востоке Японии, связанное с землетрясением, цунами и аварией на АЭС «Фукусима-1», произошедшее 11 марта 2011 г., также не могло не сказаться на внешней политике страны.

Пересмотренный накануне выборов в нижнюю палату японского парламента «манифест» (программа) ДПЯ не дает четкого представления о том, какую внешнюю политику намерены проводить демократы в случае сохранения ею позиции правящей партии в стране. ЛДП накануне выборов имела высокие шансы снова встать у руля власти в Японии и проводить более эффективный внешнеполитический курс, в том числе в территориальных конфликтах с соседними странами.

В.А. Гринюк (ИДВ РАН) обозначил еще одну нерешенную демократами внешнеполитическую проблему, связанную с историей японо-корейских отношений, в выступлении «Линия правительств ДПЯ в отношении с КНДР и Республикой Корея противоречия сохраняются». После победы ДПЯ в 2009 г. в Японии возникли ожидания того, что правительство демократов добьется прорыва в деле нормализации связей с КНДР и решит проблемы в отношении с Республикой Корея (РК). Однако непримиримый подход официального Токио к КНДР не изменился: правительство Японии регулярно продлевает введенные прежде санкции в отношении Пхеньяна.

В отношениях между Токио и Сеулом действуют разнонаправленные факторы. С одной стороны, поддерживаются регулярные контакты на высшем уровне, а с другой — премьер-министру Японии и президенту РК во время саммитов приходится решать как вопросы нормально развивающегося двустороннего экономического сотрудничества, так и укорененные в историческом прошлом проблемы: сексуального рабства, компенсаций корейским рабочим и работницам за принудительный труд на Японию во время войны на Тихом океане. Не снижается накал спора между Японией и РК по поводу островов Токто (по-японски — Такэсима).

По мнению Гринюка, подход ДПЯ к проблеме исторической ответственности Японии остается непоследовательным. Если премьер-министр Японии Наото Кап в заявлении, посвященном 100-летию аннексии Кореи, признал, что «осуществлявшееся против воли корейцев колониальное правление лишило их собственного государства и куль-

туры и нанесло глубокую рану национальной гордости», то Ёсихико Нода, незадолго до занятия поста премьер-министра, высказался в том духе, что японские главные военные преступники, осужденные на Токийском процессе, уже не являются таковыми. Историческая память выступает как важный фактор отношений Японии с КНДР и РК и оказывает влияние на состояние национальной безопасности всех трех государств.

В.В. Кузьминков (ИДВ РАН) выступил на тему: «Российско-японские политические отношения в период правления ДПЯ». Приход к власти ДПЯ во главе с Юкио Хатоямой породил у ряда политиков и экспертов надежды на улучшение российско-японских отношений. Эти надежды, в первую очередь, были связаны с ожиданиями, что Ю. Хатояма продолжит «семейную традицию» своего деда Итиро Хатоямы, который будучи премьер-министром Японии способствовал восстановлению дипломатических отношений между СССР и Японией, подписав Совместную советско-японскую декларацию 1956 г.

Однако этим надеждам не суждено было оправдаться. На протяжении практически всего периода правления демократов российско-японские отношения омрачили политические скандалы, делались необдуманные заявления. Среди причин обострения двусторонних отношений в политической сфере можно назвать негативное наследие от либерал-демократов; отсутствие у демократического правительства собственной схемы развития отношений с Россией; жесткие популистские заявления, имевшие своей целью повышение личного авторитета некоторых политиков в ущерб двусторонним отношениям.

Тем не менее, в последние год-полтора между Россией и Японией были достигнуты некоторые договоренности. Началом нового этапа двусторонних отношений можно считать март 2011 г., когда Россия предложила пострадавшей от стихийного бедствия Японии небывалый по размаху пакет энергетического сотрудничества, который японская сторона оценила по достоинству. Риторика между Москвой и Токио заметно смягчилась. Из заявлений официального Токио пропало выражение «незаконная оккупация». Но, по мнению Кузьминкова, российско-японские отношения в политической сфере еще трудно назвать подлинно партнерскими во многом из-за отсутствия у японской стороны гибкой, соответствующей объективной реальности позиции по территориальному вопросу.

В.Н. Павлятенко (ИДВ РАН) затронул ряд вопросов безопасности в выступлении «Некоторые аспекты оборонной политики Японии в новых геополитических условиях АТР». Изменения в геополитической ситуации в АТР стали основным «движителем» объективного процесса пересмотра военной политики Японии с точки зрения поиска современных подходов и выработки новых форм реализации оборонной политики. Конкретным результатом стала разработка принципиально новой концепции функционирования Сил самообороны, получившей название «Динамичная оборонная мощь» (*До-тэкибоэйреку* — Dynamic Defense Force). Главная идея концепции — определение новой роли и постановка новых задач перед Силами самообороны в новых геополитических условиях, основанных на ее новых «динамических характеристиках», которые должны быть обусловлены новой оперативной значимостью принципов выработки этой концепции. Целью новой концепции является не то, как наращивать силу, а то, как ее эффективно применять. По мнению Павлятенко, на современном этапе это является качественно новым моментом в развитии Сил самообороны Японии.

О.Г. Парамонов (МГИМО(У) МИД России) выступил по теме «Японо-американский диалог в военно-политической сфере (2009–2012 гг.)». Одним из ключевых элементов политической программы ДПЯ, предложенной японским избирателям в 2009 г., являлась задача постепенной диверсификации японской политики в области безопасности, в том числе, за счет выстраивания более сбалансированных отношений между Вашингтоном и Токио в военно-политической сфере. При этом предполагалось добиться существенных изменений в традиционно подчиненном положении Японии в рамках японо-американского диалога по вопросам безопасности.

После смены власти в Японии в 2009 г. в отношениях между Вашингтоном и Токио возникла проблема преемственности курса на укрепление японо-американского Союза безопасности и использование его возможностей для повышения роли Японии в глобальной и региональной политике. На этапе практической реализации своих предвыборных обещаний новое руководство страны столкнулось с серьезными проблемами. Например, заявленное в начале 2010 г. намерение японской стороны пересмотреть в подписанное в 2006 г. соглашение об оптимизации структуры американского военного присутствия в Японии привело к возникновению в японо-американских отношениях кризисной ситуации. Последовавшее затем резкое ухудшение региональной среды безопасности в США, связанное, в том числе, с серией инцидентов в акваториях островов Сэнкаку, убедило руководство ДПЯ в том, что вопросы безопасности страны имеют приоритетное значение вне зависимости от предвыборных обещаний, а также в необходимости пересмотра собственной политики, основанной на критике вклада ЛДП в укрепление Союза безопасности.

С.Б. Маркарьян (ИВ РАН) представила анализ аграрного сектора Японии в выступлении «Аграрный сектор: есть ли перспективы реформирования?». Сельское хозяйство Японии несколько последних десятилетий является, в известной мере, ахиллесовой пятой ее экономики. Это обусловлено, в частности, тем, что по производительности труда и эффективности производства аграрный сектор значительно уступает другим сферам экономики, а также аналогичным секторам развитых стран и, что самое главное, — уровню их развития в странах-импортерах продовольствия.

Основные проблемы аграрного сектора — недостаточный уровень производства, нехватка рабочей силы, особенно молодой, низкий уровень сельскохозяйственных доходов и конкурентоспособности на внешнем рынке. Основная причина низкой эффективности сельскохозяйственного производства — незначительные размеры хозяйствования. За это во многом ответственна аграрная политика правительства, которая ограничивала размеры земельных наделов и не способствовала развитию конкуренции. Меры по изменению создавшейся ситуации осуществлялись весьма медленно и часто непоследовательно, тогда как, по мнению Маркарьян, требовались институциональные реформы аграрного сектора. В настоящее время положение усугубляется стремлением Японии присоединиться к переговорам о вступлении в Транстихоокеанское экономическое партнерство, что без проведения серьезных реформ чревато негативными последствиями для аграрного сектора страны.

К.Э. Туаева (ИДВ РАН) в выступлении «Экономическая дипломатия Японии в период правления ДПЯ: новая тактика достижения внешнеполитических целей» отметила, что за годы правления ДПЯ внешняя политика Японии претерпела острые кризисы практически по всем стратегическим векторам, начиная с союзника США и заканчивая «высшающимся» соседом Китаем. Подведение предварительных итогов внешней политики страны за период пребывания у власти ДПЯ не может быть полным без результатов, достигнутых экономической дипломатией, которая была поставлена на рельсы внешней политики именно ДПЯ, получив оформление во внешнеполитических документах в весьма сложном для страны 2011 г., отмеченном Великим бедствием на Востоке Японии.

В фокусе внимания экономической дипломатии Японии остается практика действия торговли и инвестициям, защита интересов национального бизнеса за рубежом и сотрудничество в целях развития. Одновременно происходит переоценка приоритетов, в частности, поддержка японских компаний за рубежом сосредоточивается на содействии продвижению проектов, связанных со строительством инфраструктурных объектов. Дипломатические представительства Японии наделяются новыми функциями. Осуществляется структурная реформа некоторых государственных институтов, в том числе Японского банка международного сотрудничества. К новому направлению экономической дипломатии Японии можно отнести находящиеся в тесной связке формирование

благоприятного имиджа страны и развитие туризма. Растущую значимость приобретает обеспечение энергетической и продовольственной безопасности страны.

Д.Н. Сенина (ИДВ РАН) отметила нетрадиционные финансовые меры в выступлении «Изменения в денежно-кредитной политике Банка Японии в 2012 г.». В феврале 2012 г. Банк Японии установил новый целевой ориентир инфляционных ожиданий в 1%, что говорит о том, что Банк решил продолжать экспериментировать с новыми нетрадиционными мерами и финансовыми инструментами, активно проявившими себя в мировой экономике в период финансового кризиса. Этот ориентир был установлен с целью стимулирования внутреннего потребительского спроса увеличения нормы внутренних инвестиций в японских корпорациях. 2012 г. стал практически экспериментальным для Банка Японии, поскольку регулятор наметил купировать последствия экономической рецессии и дефляцию в стране за счет наращивания потенциала внутренних факторов роста.

Банк Японии продолжает придерживаться мнения, что в Японии присутствует медленное, но устойчивое восстановление экономики, а экспорт демонстрирует признаки оживления. К концу 2012 г. ни аналитики, ни чиновники не могли привести данные о целесообразности и эффективности постановки нового целевого ориентира инфляционных ожиданий в 1%. Возможно, один год не является достаточным сроком для подведения итогов и оценки действий Банка Японии, предполагает Сенина.

И.П. Лебедева (ИВ РАН) в выступлении «Политика правительства по преодолению последствий мартовской катастрофы 2011 г.» отметила, что природная и техногенная катастрофа, обрушившаяся на Японию 11 марта 2011 г., нанесла огромный урон экономике страны. По данным японского правительства, общий ущерб от землетрясения и цунами составил 16,9 трлн иен (порядка 220 млрд долл.). Особенно сильно пострадала обрабатывающая промышленность: в результате катастрофы оказались выведены из строя сотни предприятий, производивших детали и компоненты для автомобильной и электронной промышленности. Огромный ущерб был нанесен экономике страны и в результате аварии на АЭС «Фукусима-1»: правительство оценивает его в сумму более 130 млрд долл. — таков объем его претензий к оператору АЭС «Фукусима-1» компании ТЕРСО. Беспрецедентное по масштабам бедствие, постигшее Японию, потребовало от правительства принятия и беспрецедентных мер по ликвидации его последствий.

На ликвидацию ущерба потребуется не менее 10 лет. Основная часть всех работ должна быть осуществлена в течение первых пяти лет, которые названы «периодом концентрированных действий». В целом на реализацию программы восстановления правительство предполагает выделить 23 трлн иен, в том числе 19 трлн иен — в течение первых пяти лет. Однако, уже в 2011 фин. г. потребовалось принять три дополнительных бюджета общим объемом около 18 трлн иен, а в целом за 2011–2012 фин. гг. расходы центрального правительства составят 21 трлн иен. Таким образом, на ликвидацию последствий катастрофы потребуются гораздо более значительные средства, чем рассчитывало правительство.

Е.Л. Катасонова (ИВ РАН) представила спектр мнений известных японцев о Великом бедствии на Востоке Японии в выступлении «Трагедия на АЭС “Фукусима-1” глазами деятелей культуры». Кто-то из журналистов весьма образно назвал трагедию на АЭС «Фукусима-1» в Японии «землетрясением с ядерным зарядом». И как всякое национальное потрясение трагедия 2011 г. привела к переоценке многих ценностей, породила критические взгляды на пороки и проблемы общества и т.д., в том числе и среди художественной элиты. Обращает на себя внимание самое громкое и скандальное событие — слова когда-то культового писателя, а ныне политика и бывшего губернатора Токио Синтаро Исихары, который назвал постигшее Японию бедствие «божественной карой» за присущий японцам эгоизм. «Необходимо воспользоваться цунами, чтобы смыть эгоизм, который подобно налету ржавчины, уже долгое время покрывает сознание япон-

ского народа». И это сказал баловень судьбы, когда-то олицетворявший новое поколение золотой молодежи — японских «детей солнца» (*тайёдзоку*).

Не менее остро на случившуюся трагедию отозвался прославленный японский писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы Кэндзабуро Оэ, который, несмотря на свой уже преклонный возраст, стал организатором акции протеста против использования в Японии атомной энергии. В этой акции, которая прошла 19 сентября 2011 г. в центре Токио под лозунгом «Прощай, Фукусима!» приняли участие более 60 тыс. чел.

Культура и искусство всегда остро реагируют на всякого рода природные катаклизмы и общественные потрясения, будь то землетрясения, экономический кризис или войны. Как отразится трагедия 11 марта 2011 г. в японской прозе, поэзии, живописи и других видах искусства пока трудно предугадать. Но в том, что это обязательно произойдет, нет никаких сомнений.

А.В. Полищук (ИДВ РАН) в выступлении «Вопрос о будущем атомной энергетики в ходе предстоящих выборов в Японии» дал оценку перспектив развития атомной энергетики Японии. Базовый энергетический план Японии 2007 г. задал курс на развитие атомной энергетики на основе замкнутого топливного цикла.

Наблюдался заметный прогресс гибридных технологий в автомобилестроении — Токийский автосалон 2009 г. прошел под лозунгом «экокара» — все компании старались продемонстрировать свои разработки в этой области. Эти меры сливались в один большой замысел — избавить Японию от нефтяной зависимости в транспорте.

Энергетический план ДПЯ должен был быть принят в 2011–2012 гг., однако 11 марта 2011 г. случилась природная катастрофа, а на АЭС «Фукусима-1» произошла крупнейшая ядерная авария. Выбег мощностей АЭС вызвало дефицит электроэнергии в регионе Токио и веерные отключения. Авария на АЭС «Фукусима-1» вскрыла многие проблемы японского энергетического сектора, но в целом энергосистемы выдержали благодаря излишкам мощностей тепло- и гидрогенерации, а также жестким мерам по экономии электроэнергии. В модные тренды вернулась тема «зеленой» энергетики, включая возобновляемые источники.

Энергетическая политика ДПЯ была туманна и до катастрофы 2011 г. С одной стороны, ее отличали агрессивные цели, с другой — неопределенность в средствах их достижения: правительство демократов максимально долго оттягивало обновление Базового энергетического плана. После аварии никакой четкости в отношении энергетической программы демократы так и не проявили. По мнению Полищука, наиболее реалистичным в настоящее время выглядит «энергетический раздел» предвыборной программы ЛДП, в котором говорится о 10-летнем сроке для создания новой энергосистемы с «наилучшим миксом» источников. Поэтому Японии в ближайшее время не суждено стать безъядерным государством.

О.И. Казаков (ИДВ РАН) затронул тему «Зигзаги климатической политики Японии в 2009–2012 гг.», подняв вопрос об изменении отношения Японии к Киотскому протоколу. С приходом к власти ДПЯ, ее лидер и премьер-министр страны Юкио Хатояма выступил с предложением по сокращению выбросов парниковых газов на 25% к 2020 г., которая была названа «Инициатива Хатоямы». Хатояма провозгласил свою инициативу в декабре 2009 г. в Копенгагене на 15-й Конференции рамочной конвенции ООН по изменению климата (COP15).

Однако Великое бедствие на Востоке Японии, из-за которого были остановлены действовавшие до 11 марта 2011 г. реакторы на японских АЭС, нанесло сокрушительный удар по Инициативе Хатоямы. В целях пополнения нехватки энергии японские электроэнергетические компании перешли на выработку тепловой энергии, что привело к увеличению эмиссии углекислого газа.

С 26 ноября по 7 декабря в г. Доха (Катар) прошла 18-я Конференция рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP18), где была заявлена следующая позиция Японии. С одной стороны, Япония не собирается присоединяться ко второму этапу Киотского протокола, поскольку вряд ли достигнет, как обещала, сокращения эмиссий на 25% к 2020 г., но отказываться от заявленного сокращения на 25% не будет. С другой стороны, Япония постаралась сохранить за собой роль ключевого игрока во время дебатов, поскольку она оказала помощь развивающимся странам на сумму 17 млрд 400 млн долл., что превышает 15 млрд долл., которые она обещала 3 года назад.

По мнению Казакова, Инициатива Хатоямы была одним из тех «популистских» обещаний демократов, на волне которых они победили на выборах в нижнюю палату парламента страны в 2009 г. Вероятно, климатическая политика Японии при новом руководстве страной станет более прагматической.

Г.В. Глеба (СахГУ) выступил с сообщением «Мостовой переход материк — Сахалин и перспективы развития российско-японских отношений на Дальнем Востоке», в котором рассказал о новых перспективах сотрудничества с Японией в случае построения мостового перехода между материковой частью России и островом Сахалин. Предполагается, что это будет железная дорога, которая пойдет на север Хабаровского края и выйдет к мысу Лазарева, омываемому проливом Невельского. Здесь в самом узком месте, разделяющем материк и остров, и планируется построить железнодорожный переход. Пока не решено, будет ли это мост, тоннель или дамба с обводным каналом. Оценочная стоимость проекта — минимум 400 млрд руб. Для загрузки перехода «материк — Сахалин» предполагается транзит азиатских товаров. Обсуждается также возможность создания железнодорожного сообщения между Сахалином и Хоккайдо. Глеба также ответил на ряд вопросов участников, касающихся реакции жителей Сахалина на события 11 марта 2011 г. в Японии, а также представил свое видение общей обстановки в Сахалинской области и в целом на российском Дальнем Востоке.

После выступлений состоялась дискуссия, в которой, в частности, обсуждались влияние смены власти в Японии в результате выборов в нижнюю палату японского парламента на будущее российско-японских отношений, перспективы атомной энергетики Японии, другие актуальные темы. Подвели итоги конференции руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН В.О. Кистанов и председатель Ассоциации японоведов Д.В. Стрельцов.

В конференции приняли участие представители разных научных и учебных учреждений России из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа и Сахалина; присутствовали представители Посольства Японии в России и средств массовой информации как с российской, так и с японской стороны. На конференции было представлено как старшее, так и молодое поколения отечественных ученых, что вносит долю оптимизма в перспективы дальнейшего развития отечественного японоведения, сильно пострадавшего за постсоветский период. В целом для российских японоведов ИДВ РАН стал хорошей профессиональной площадкой для обмена мнениями, знаниями и опытом.

Следующую 6-ю конференцию Ассоциации японоведов, посвященную внешней политике Японии, планируется провести в конце 2013 г. на базе МГИМО(У) МИД России.

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2012 году

В первом полугодии 2012 г. в Институте Дальнего Востока РАН продолжили работу диссертационный совет Д. 002.217.01, принимающий к защите диссертации по специальности 08.00.14 — мировая экономика (экономические науки), и диссертационный совет Д. 002.217.02, принимающий к защите диссертации по двум специальностям: 07.00.03 — всеобщая история (нового и новейшего периода) по историческим наукам и 23.00.04 — политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития по политическим наукам.

За отчетный период было защищено 6 диссертаций — 1 на соискание ученой степени доктора экономических наук, 4 — кандидата экономических наук и 1 — кандидата исторических наук.

Оба диссертационных совета прекратили свою деятельность 31 мая 2012 г. в связи с необходимостью приведения советов по защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствие с требованиями «Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденного приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2011 г. № 2817 (в части увеличения минимальной численности диссертационного совета до 19 членов).

Мазырин Владимир Моисеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, автор свыше 80 опубликованных работ общим объемом около 100 п.л., в том числе трех авторских монографий, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему: «Трансформация вьетнамской экономики в 1986–2010 гг.: проблемы и пути их решения».

Данная диссертация посвящена актуальным и недостаточно разработанным в теоретическом и практическом плане проблемам перевода экономики административно-командного типа на рыночные рельсы, ее либерализации, подключения к мирохозяйственным связям, анализу конкретных механизмов ускорения экономического роста и преодоления отсталости на примере опыта Вьетнама.

В работе дана всесторонняя характеристика новой экономической политики СРВ, в том числе по формам индустриализации, развития традиционных отраслей и аграрных преобразований, финансово-денежной системы, реорганизации госсектора и собственности государства, перестройки и активизации внешнеэкономической деятельности. Выявлены главные механизмы макроэкономического управления, которые сочетают плановые и рыночные рычаги, показано изменение роли государства в хозяйственных процессах от прямого участия к косвенному регулированию. Обоснован вывод о формировании в СРВ современной экономики, запуске рыночных механизмов ее развития и регулирования, завершении начальной фазы индустриализации и специализации в мировом хозяйстве. На основе сравнения динамики, параметров экономики Вьетнама и других стран Восточной Азии показано, что он находится на пути перехода из группы малых в категорию средних экономик по мировым критериям, потенциально готов войти в разряд крупных и по праву считается быстро растущим рынком.

Автор считает, что в пределах двух десятилетий в стране произойдет смена векторов и механизмов хозяйственного роста, переход к инновационному этапу развития — «экономики знаний».

На примере функционирования смешанной экономической системы в СРВ показана возможность эффективного сочетания преимуществ социализма и капитализма (в духе теории конвергенции) и движения по «третьему» пути развития, актуальная в обстановке глубокого кризиса мирового хозяйства. Выявлено, что концепция развития Вьетнама является разновидностью восточно-азиатской модели.

Во вьетнамском опыте выделены элементы, пригодные для применения в стратегии модернизации и в совершенствовании рыночной системы в России: активная интеграция в мировое хозяйство при последовательном отстаивании национальных интересов, опора на традиционные институты и преимущества, социальная ориентация экономики, развитие мелкого и среднего бизнеса наряду с мощными государственными корпорациями в качестве главных «моторов» роста.

Афонасьева Алина Владиславовна, младший научный сотрудник ИДВ РАН (в 2011 г. окончила аспирантуру при ИДВ РАН), автор 10 научных публикаций, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Экономическая деятельность зарубежных китайцев и резмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.)». (Научный руководитель — к.э.н. Е.С. Баженова).

В представленной диссертации разработана новая научная проблема вовлечения эмигрантов и их потомков в процесс модернизации КНР. В работе впервые дан комплексный системный анализ хозяйственной деятельности зарубежных китайцев («хуацяо») и вернувшихся в страну высококвалифицированных китайских специалистов (резмигрантов — «хайгуй»). Показано исключительно важное значение этой деятельности для экономического развития КНР в период реформ: накопление капитала, развитие науки и образования, инноваций, рискованных инвестиций, передача управленческого опыта, содействие экспорту инвестиций, товаров и рабочей силы за рубеж (стратегия «выхода вовне»), благотворительная деятельность и др.

Установлено, что «хуацяо» являются абсолютными лидерами по объему прямых иностранных инвестиций и числу проектов с участием ПИИ (более 60% их общего количества), что способствовало широкомасштабному развитию обрабатывающей промышленности экспортного профиля. На долю резмигрантов в научно-техническом прогрессе КНР в период реформ приходится 60–80% профессорского состава в вузах и ведущих ученых, 70–80% ведущих инновационных компаний страны (как подлинно инновационных, так и копий успешных западных инновационных компаний). Показаны основные каналы привлечения специалистов высокого уровня из числа зарубежных китайцев и их деятельность по секторам экономики (70% из них заняты в частном секторе).

Изучен и оценен вклад зарубежных китайцев в развитие мест своего рождения в КНР («цяосян») на примере провинций Гуандун и Фуцзянь, выходцами из которых являются почти 90% «хуацяо». Выявлено, что с 2008 г. происходят изменения в территориальном размещении и отраслевых предпочтениях компаний «хуацяо»: начинается их миграция из приморских в центральные и западные районы страны либо переход от ориентирования на трудоемкое производство экспортной продукции на высокотехнологичное производство.

Разработаны рекомендации по использованию китайского опыта в РФ, в частности, по возвращению в страну квалифицированных специалистов из российской диаспоры через научные программы, гранты, технопарки, ярмарки вакансий, форумы и конференции и др.

Чжан Сюэцзюнь (гр-н КНР), окончил аспирантуру при ИДВ РАН в 2011 г., автор 12 научных публикаций, защитил диссертацию на соискание ученой степени канди-

дата экономических наук на тему: «Иностранные инвестиции в нефтехимической промышленности КНР». (Научный руководитель — к.э.н. З.А. Муромцева).

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем разработана совокупность теоретических и практических вопросов, связанных с проблемами иностранных инвестиций в китайскую экономику, особенно в такую важную отрасль народного хозяйства, как нефтехимическая промышленность. Иностранные инвестиции фактически стали базой зарождения и развития нефтехимической промышленности Китая, определяющей в современном мире зрелость и перспективы индустриального прогресса страны.

В работе впервые проведен комплексный анализ становления нефтехимической промышленности КНР и использования для этого иностранного капитала с учетом динамики, форм и качества иностранных инвестиций как в реформенный, так и дореформенный периоды. Показаны преимущества экономического и стратегического характера при использовании прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые повышают уровень инновационного развития экономики, оптимизируют производственную структуру, превращают достижения науки и техники в основную производительную силу.

Изучена роль иностранных инвестиций в развитии нефтехимической промышленности на примере восточных районов КНР, которые являются наиболее экономически развитыми в стране. поглощают основную массу ПИИ (около 80%) и оказывают влияние на развитие всей экономики Китая. Проанализирована деятельность транснациональных корпораций (ТНК) в процессе влияния и поглощения предприятий в нефтехимической отрасли КНР и сделан вывод, что деятельность этой отрасли в целом продвигается к повсеместному внедрению опыта таких зарубежных систем, как IPD — использование преимуществ собственных структур комплексной разработки и производства изделий, чтобы снизить их себестоимость и обеспечить максимальное соответствие запросам потребителей, и ISC — создание интегрированной цепочки поставок от разработки продукта, закупки сырья, производства, складского хранения и логистики до реализации товара, чтобы уменьшить временные затраты. Автором рассчитан индекс транснационализации Китая в 2000-е гг., колебания которого в пределах 9–12% свидетельствуют об относительно невысоком уровне зависимости китайской экономики от иностранного капитала, что обусловлено повышением внимания китайского руководства к качеству привлекаемых иностранных инвестиций, а не только к их количеству.

Чжао Синь (гр-ка КНР), старший преподаватель кафедры китаеведения Амурского государственного университета (в 2010 г. окончила аспирантуру при Амурском государственном университете), автор 15 научных публикаций, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Внешняя торговля Китая с Россией: изменения в динамике и структуре после вступления Китая в ВТО». (Научный руководитель — к. геогр. н., доцент Л.А. Понкратова).

В диссертационном исследовании Чжао Синь осуществлен комплексный системный анализ состояния китайско-российских торгово-экономических отношений после вступления Китая в ВТО, проведена периодизация развития двусторонних торговых отношений, дана количественная оценка структурных сдвигов в экспорте и импорте, показаны узкие места в торгово-экономическом сотрудничестве между двумя странами, выявлены особенности и перспективы китайско-российского торгового сотрудничества на период до 2015 г.

На основе анализа внешнеэкономической политики КНР на современном этапе, систематизации основных инструментов государственного регулирования внешней торговли (в части тарифных и нетарифных мер) после вступления в ВТО и применения современных методик расчетов показана динамика роста товарооборота между Китаем и Россией, раскрыты особенности сдвигов в товарной структуре внешней торговли. Автором установлена высокая степень включенности КНР и РФ во взаимную торговлю. При

этом отмечено, что начиная с 2003 г. наблюдается активное усиление степени интеграции России в торговлю Китая за счет более высоких темпов прироста импорта из КНР. Доказана взаимодополняемость в двустороннем экономическом сотрудничестве, прежде всего в товарной структуре экспорта и импорта. Выявлено, что в последнее десятилетие в импорте Китая из России произошли существенные изменения за счет сокращения доли машин и оборудования и увеличения доли минеральных продуктов, а в экспорте — за счет увеличения доли высокотехнологического сектора, что закрепляет сырьевую направленность российского экспорта. Показано ведущее место северо-восточных провинций Китая, и прежде всего провинции Хэйлуцзян, в развитии двустороннего торгово-экономического сотрудничества КНР и РФ.

Изучены и систематизированы внешние и внутренние факторы, способствующие и сдерживающие взаимную торговлю между Китаем и Россией. К стимулирующим факторам отнесены: процесс глобализации, рост региональных интеграционных процессов в АТР, совпадение внешнеполитического курса КНР и РФ и укрепление позиций в мире, общая граница и др.; к сдерживающим — финансово-экономический кризис и неопределенность в развитии мировой экономики, обострение конкуренции на мировых рынках, несовершенство структуры промышленного производства в КНР и РФ, неразвитая транспортная и приграничная структура, ограниченность экспортного потенциала и др.

Автором разработаны четыре сценария развития торгового сотрудничества между КНР и РФ на среднесрочную перспективу (до 2015 г.). Обоснована восходящая тенденция развития двусторонних отношений. В то же время доказано, что ожидаемые результаты роста товарооборота в размере 100 млрд долл. могут быть достигнуты в основном за счет увеличения объема минеральных ресурсов в импорте Китая из России, что не отвечает стратегическим интересам РФ.

Щербаков Денис Аркадьевич, помощник ректора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», (в 2008 г. окончил аспирантуру при ИДВ РАН), автор 6 научных публикаций, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Проблемы и тенденции российско-японского инвестиционного сотрудничества (2000–2010 гг.)». (Научный руководитель — д.и.н., к.э.н. В.О. Кистанов).

Актуальность диссертации Щербакова Д.А. определяется выбором предмета исследования. Нарастание объемов двустороннего и многостороннего инвестиционного сотрудничества России со странами мира, включая Японию, обусловлено потребностью в модернизации российской экономики, ее перевода на инновационные рельсы, повышения международной конкурентоспособности российской промышленности. Целесообразность развития взаимовыгодного инвестиционного сотрудничества России и Японии подкрепляется как исторической общностью связей, так и комплексом геоэкономических факторов, включая фактор взаимодополняемости экономик.

В работе осуществлен комплексный анализ современного состояния, проблем и тенденций инвестиционного сотрудничества России с Японией, изучен опыт государственной политики Японии в сфере привлечения и регулирования иностранных инвестиций и выработаны предложения по использованию японского опыта для улучшения инвестиционного климата в РФ. Выявлены причины крайне низкого уровня российских инвестиций на японском рынке. Показано, что высокие затраты на факторы производства, высокий уровень корпоративного налогообложения, недостаток информации о преимуществах инвестиций в страну, а также обременительные японские законы и государственное регулирование сужают возможность российских компаний осуществлять предпринимательскую деятельность на территории Японии. Автором подробно изучены законодательная база правового регулирования инвестиционной деятельности в Японии и даны практические рекомендации российским компаниям по ее использованию.

Проанализированы структура и динамика инвестиций японских компаний в Россию, показано их отраслевое и территориальное размещение. Выявлены и конкретизированы наиболее привлекательные для японских инвесторов отрасли российской экономики и показаны новые пути развития инвестиционных связей в области энергетики, сфере автомобилестроения и производства автозапчастей, в области транспорта, логистики и связи, защиты окружающей среды и др. Выявлены основные проблемы, препятствующие привлечению прямых и портфельных японских инвестиций в регионы РФ: несогласованность политики и действий различных государственных структур, участвующих в инвестиционном процессе в большинстве регионов РФ, низкий уровень капитализации и незначительные объемы сделок на российском фондовом рынке. Показана целесообразность использования для улучшения инвестиционного климата регионов РФ и создания благоприятного имиджа России среди иностранных партнеров, опыта функционирования Японской организации по развитию внешней торговли (JETRO), играющей ключевую роль в повышении инвестиционной привлекательности экономики страны.

Сизова Александра Александровна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Консульская служба России в Монголии (1861–1917): специфика и роль в российско-китайско-монгольских отношениях» (Научный руководитель — д.и.н., проф. С.Г. Лузянин).

Исследование А.А. Сизовой посвящено изучению важного инструмента осуществления внешней политики Российской империи — консульской службе. Изучение создания сети консульских учреждений в Монголии в конце XIX — начале XX вв., а также их деятельность представляет значительный научный и практический интерес, т.к. приходится на период воссоздания монгольской государственности. Это позволяет создать модель реализации внешнеполитических интересов России в аналогичных «непризнанных» или находящихся в стадии становления современных государственных образованиях.

А.А. Сизова не только излагает историю формирования и функционирования российских консульских учреждений в Монголии, но и убедительно показывает важнейшую роль, которую играло российское консульство в российско-китайско-монгольских отношениях в указанный период, а также в международных процессах на Дальнем Востоке в целом.

Интересным представляется рассмотрение деятельности консульских представительств России за рубежом не только как проводников государственной политики, но и как институтов, игравших в определенных исторических условиях самостоятельную роль в выработке и проведении внешней политики, организации и развитии экономических и культурных контактов.

В работе убедительно показано, что формирование консульской сети в Монголии в рассматриваемый период и ее изменения, в первую очередь были обусловлены политическими интересами России и напрямую зависели от политики царского правительства на Дальнем Востоке. Хозяйственные контакты не играли решающей роли, что отличало развитие сети консульств в Монголии и Китае от ситуации в Европе.

Немаловажно также, что в своей работе А.А. Сизова уделила внимание миротворческой и культурной деятельности российских консульств в Монголии. Несмотря на тяжелые условия работы, российские дипломаты стремились не только выполнять поставленные задачи, но и предпринимали шаги по распространению в Монголии светского образования, принимали меры по улучшению медицинского обслуживания, занимались научным изучением страны. Все это способствовало формированию положительного и привлекательного образа России среди местного населения.

Рецензии

Куликова Г.В. Россия — Китай: Народная дипломатия. Ответственные редакторы: академик С.Л. Тихвинский и академик М.Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2012. 512 с.

В последние год—полтора в лексикон наших СМИ, блогосферы, Госдумы, правительства стали возвращаться забытые слова и словосочетания типа «план», «пятилетка», «замполиты» в армии, «фестиваль молодежи и студентов», возникают (не без протестов внутри страны и из-за границы) инициативы по реализации привычных некогда систем жизнеобеспечения: таких как народный контроль, народные дружины и народная дипломатия, производственные советы на предприятиях и пионерские отряды в школах, даже сдача норм ГТО. Вопреки страхам г-жи Клинтон насчет «ползучей советизации» на пространных СНГ, природа этого феномена — не столько в ностальгии, сколько в прагматизме (в попытках подлатать прорехи, возникшие в «лихие» 1990-е с их поветрием «выплескивания младенцев вместе с мыльной водой», из-за чего исчезли процветавшие некогда отрасли производства и науки). К счастью, чаша сия миновала востоковедение, синологию и связанное с ними общей пуповиной Общество российско-китайской дружбы (ОРКД) — хотя и над ними нависал «дамоклов меч».

«...В целом народная дипломатия погружилась в глубокий кризис. Знаменитый Дам дружбы, бывший более 70 лет штаб-квартирой народной дипломатии сначала ВОКС, а затем ССОД с его почти 90 обществами дружбы, были распоряжением господина М.М. Касьянова, тогдашнего главы Правительства РФ, изгнаны и лишены базы для своей деятельности, — отметил в предисловии к рецензируемой книге директор ИДВ РАН, председатель ОРКД академик М.Л. Титаренко... — Ряд бывших руководителей ССОД и Росзарубежцентра равнодушно бросили общества дружбы на произвол судьбы и занялись собственными делами или коммерцией. Некоторые из них, чтобы особо подстроиться под новые чиновничьи вкусы, объявили общества дружбы «совковым пережитком...»

Такая участь не постигла, впрочем, ОРКД, обретшее, по словам Титаренко, *«новое место деятельности в ИДВ РАН, в специально созданном для него Китайском зале — Культурно-информационном центре ИДВ РАН»¹*.

Фактически, лишенные в «лихие годы» и финансовой, и политической, и моральной поддержки государства, Институт Дальнего Востока и Общество российско-китайской дружбы не просто выжили и сберегли свои уникальные научные кадры, но и успешно развивались, превзойдя по ряду позиций уровень советских времен. «Загадки» этого феномена и раскрывает книга Г.В. Куликовой *«Россия — Китай: Народная дипломатия»*, выход которой в свет был приурочен к юбилею Общества российско-китайской дружбы, послужив «изюминкой» посвященных ему торжеств.

55 лет назад, 29 октября 1957 г. в Большом зале Московской государственной консерватории состоялось учредительное собрание Общества советско-китайской дружбы (ОСКД), первого в Советском Союзе общества дружбы с народом зарубежной страны. Среди государственных и партийных деятелей, ученых, известных всему миру артистов, писателей участвовала в этом форуме и студентка Галина Куликова, с тех дней навек связавшая с Обществом дружбы свою судьбу.

Ее одноклассники по Институту международных отношений защищали кандидатские и докторские диссертации, завоевывали славу газетными, телевизионными репортажами, либо восходили по ступеням дипломатии вплоть до рангов Чрезвычайного и Полномочного Посла, а Галина Куликова (с 3-го курса получавшая Государственную стипендию и с отличием окончившая институт) тем временем все свои помыслы, энергию, организаторский талант отдавала народной дипломатии. Исполняя, если можно так выразиться, функции «менеджера дружбы», день за днем встречала, сопровождала, провожала китайские делегации, организовывала про-

«Все услышанное и увиденное не могло не произвести впечатление на китайских дипломатов, — пишет Куликова. — Позже в Пекине, в частном порядке, мне неоднократно доводилось слышать, что советская общественность в 1978 г. первой протянула руку навстречу китайским партнерам. Однако прошли еще многие годы, прежде чем дружеская рука из Москвы дотянулась до Пекина». Чуть ниже в книге описан драматичный, по своему курьезный эпизод из истории нашей народной дипломатии, случившийся год спустя (опять, по совпадению, 17-го февраля).

...Посольство КНР незадолго перед тем намекнуло по неофициальным каналам, что Китайское народное общество дружбы с заграницей могло бы принять ответственного секретаря Центрального правления ОСКД и организовать для нее ознакомительную поездку по Китаю при условии, что в Пекин она прибудет как гостя советского посольства. Представляю, с каким волнением Куликова и сопровождавший ее член Правления ОСКД профессор А.В. Меликсетов усаживались, нагруженные подарками, в самолет! 8 часов полета, и они, пренеполненные радостных ожиданий, сходят по трапу самолета в аэропорту «Шоуду». И, как ушат ледяной воды: от встречающего их сотрудника посольства СССР узнают, что должны сразу же, тем же самолетом... лететь обратно, в Москву!

Не ведали, что в те самые часы, пока пересекали на нем просторы Евразии, китайские войска внезапно, без объявления войны вторглись во Вьетнам. Отзыв этой делегации стал, видимо, первым дипломатическим демаршем Москвы в ответ на вероломную агрессию³. Галина Вениаминовна успела прокатиться — благодаря любезности пекинского И.С. Щербак-ова — по милым ее сердцу пекинским улицам, наспех отведала яств китайской кухни в ресторане для иностранцев и тем же самолетом отбыла в Москву (словно бы предвосхитив демонстративный жест Е. Примакова, ровно 20 лет спустя развернувшего на Москву свой самолет, летевший в США).

Вернулась и, как ни в чем не бывало, продолжила терпеливо, кропотливо и настойчиво трудиться над восстановлением «мостов дружбы». И из Пекина вскоре последовали новые ответные дружественные жесты.

Народная дипломатия стала индикатором процесса нормализации отношений двух стран. Возобновление связей между обществами дружбы, как и по другим линиям двусторонних отношений, в конце концов свершилось (при нашей инициативе): просто и естественно, без взаимных попреков. И такие события «времен противостояния», как осады хунвэйбинами

советского посольства в Пекине, кровопролитие на Даманском, попытки формирования тогдашними пекинскими властями «всемирного антисоветского фронта», стали со временем — благодаря активнейшей двусторонней деятельности народной дипломатии — восприниматься как страшный, неправдоподобный сон.

...Наряду с уважением к революционным традициям Китая, к подвигам советских людей и китайцев в общей борьбе с фашизмом, исключительно важный «козырь» в деле укрепления дружбы наших народов — их великая культура, что убедительно показано в этой книге. В ней 27 глав, и почти в каждой речь, в большей или меньшей степени, идет о культуре и ее компонентах (искусстве, науке, образовании и пр.). Судите по заголовкам: *«Они учились в Советском Союзе»* (глава 8), *«Культура сближает народы»* (глава 10), *«Российский медведь и китайская панда: два Национальных года»* (глава 13), *«Литература — духовный мост между народами России и Китая»* (глава 15), *«Ученые-китаеведы — основной актив Общества Российско-китайской дружбы»* (глава 17), *«Год русского языка в Китае»* (глава 22), *«Год китайского языка в России»* (глава 24)... Но и в тех главах, тема которых — о политике или экономике, без деятелей культуры, искусства, науки, образования не обходится. Так, в главе 20-й, озаглавленной *«Мероприятия юбилейного года в Китае»* (имелось в виду 60-я годовщина провозглашения КНР, 60-летие дипломатических отношений наших стран и 60-летие Общества китайско-российской дружбы) Г.В. Куликова рассказывает о визитах кинематографистов, живописцев, музыкантов, о Фестивале российского кино в Пекине и Шанхае, об открытии Китайско-русского центра культуры и искусств в Тяньцзинь и т.д.

Заголовок заключительной, 27-й главы говорит сам за себя: *«Вместе отмечаем 10-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой»*. Здесь, разумеется, доминирует политикан, фигурируют имена высших руководителей двух держав, но и без упоминаний о деятелях культуры, разумеется, не обошлось. Не случайно, именно в 2011 г. в Пекине открылся Российский культурный центр...

Читая эту книгу, начинаешь постигать тот удивительный феномен — почему на описанном выше диспуте в Пекине немало молодых китайцев (хотя, разумеется, не все) предпочтению отдали Павке Корчагину перед Биллом Гейтсом. И почему «корчагинец» Сюэ Фань (инвалид, пересиливший, по прочтении книги Николая Островского тяжкий недуг)

свыше полувека лелеет в сердце любовь к нашей культуре.

...С ним мне довелось познакомиться в Пекине, в гостях у Галины Вениаминовны, которая, будучи заместителем председателя ОРКД, работала (в ранге Советника посольства РФ) представителем Росзарубежцентра. Своего офиса у него тогда еще не было, и свою двухкомнатную квартиру на посольской территории она частенько использовала для встреч с активистами Общества китайско-российской дружбы, прославившись своими пирожками, борщом из «экзотического» для китайцев овоща — свеклы. Мне досталось место подле «главного гостя». Сюз Фаня, и по ходу беседы между гостями выяснилось, что он переводит песни, оказывается, не только с русского. И что даже работая над репертуаром «Бонни-М» или «битлов» творческой радости не испытывает. «Почему?» «Пустые тексты, — объяснил. — Знай себе, твердят «Полюби меня, полюби меня», «поцелуй меня, поцелуй меня». Любая русская народная или советская песня, любой романс — это новеллы с глубоким содержанием, живыми чувствами...»

Вот какова она, наша «мягкая сила»: в кладовых русской и советской культуры — мудрой, гуманной...

Преимущества «мягкой силы», народной дипломатии, осуществляемых по «модели» ОРКД и ОКРД, показаны в книге Г.В. Куликовой объективно и убедительно. Если в понимании некоторых западных политологов «мягкая сила» сродни промыванию мозгов и психологической войне, то в исполнении ОРКД и ОКРД это — бескорыстный и равноправный, подлинно взаимовыгодный обмен высокими

духовными ценностями, и рецензируемая книга сама — достойный в этом отношении пример.

...Остается добавить, что этот труд Г.В. Куликовой был тепло принят как российской, так и китайской общественностью. Веб-сайт газеты «Жэньминь жибао» взял у Галины Вениаминовны обстоятельное интервью (которое было перепечатано и популярным в странах СНГ порталом «ЦентрАзия»), презентации книги прошли как в Китае, так и в России. Поступают первые читательские отклики из Пекина. «*Читаю с большим интересом и не перестаю восторгаться Вашей книгой и Вами лично. Ваша «Народная дипломатия» дышит глубокими человеческими чувствами к нашей стране, нашему народу, к Вашим китайским друзьям, а их много-много...*», — написала автору воспитанница Ивановского детдома Роза Юй Бинь.

На презентации, состоявшейся в Китайском зале ИДВ РАН. Почетный председатель Общества Российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский и еще ряд выступавших высказали мнение, что данный труд Г.В. Куликовой стоило бы расценить «как заявку на присвоение ей ученой степени». Директор Института Дальнего Востока РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы академик М.Л. Тигаренко, коснувшись в своем выступлении причин выживаемости ИДВ РАН и ОРКД после распада СССР, особо выделил роль «человеческого фактора»: эти успехи обусловлены, по его оценке, «*проявленными в коллективе чувством долга, величайшей ответственностью, глубоким пониманием значимости российско-китайского взаимопонимания и сотрудничества для нашей страны. Все эти слова имеют самое прямое отношение к автору книги.*»

© 2013

А. Крушинский,
заведующий отделом журнала «Проблемы Дальнего Востока»

1. См.: Куликова, Г.В. «Россия — Китай: Народная дипломатия». М.: ИД «Форум», 2012. С. 7–8
2. Там же. С. 171—172
3. Благодаря своевременно предпринятым решительным мерам СССР и самоотверженному сопротивлению вьетнамских войск, новой крупномасштабной войны в Юго-Восточной Азии удалось избежать: 20 марта начался вывод китайских войск с захваченных ими приграничных территорий.

«Все услышанное и увиденное не могло не произвести впечатления на китайских дипломатов, — пишет Куликова. — Позже в Пекине, в частном порядке, мне неоднократно доводилось слышать, что советская общественность в 1978 г. первой протянула руку навстречу китайским партнерам. Однако прошли еще многие годы, прежде чем дружеская рука из Москвы дотянулась до Пекина». Чуть ниже в книге описан драматичный, по своему курьезный эпизод из истории нашей народной дипломатии, случившийся год спустя (опять, по совпадению, 17-го февраля).

...Посольство КНР незадолго перед тем наметнуло по неофициальным каналам, что Китайское народное общество дружбы с заграницей могло бы принять ответственного секретаря Центрального правления ОСКД и организовать для нее ознакомительную поездку по Китаю при условии, что в Пекин она прибудет как гостя советского посольства. Представляю, с каким волнением Куликова и сопровождавший ее член Правления ОСКД профессор А.В. Меликсетов усаживались, нагруженные подарками, в самолет! 8 часов полета, и они, пренеполненные радостных ожиданий, сходят по трапу самолета в аэропорту «Шоуду». И, как ушат ледяной воды: от встречающего их сотрудника посольства СССР узнают, что должны сразу же, тем же самолетом... лететь обратно, в Москву!

Не ведали, что в те самые часы, пока пересекали на нем просторы Евразии, китайские войска внезапно, без объявления войны вторглись во Вьетнам. Отзыв этой делегации стал, видимо, первым дипломатическим демаршем Москвы в ответ на вероломную агрессию³. Галина Вениаминовна успела прокатиться — благодаря любезности посла И.С. Щербаква — по милым ее сердцу пекинским улицам, наспех отведала яств китайской кухни в ресторане для иностранцев и тем же самолетом отбыла в Москву (словно бы прелвосхитив демонстративный жест Е. Примакова, ровно 20 лет спустя развернувшего на Москву свой самолет, летевший в США).

Вернулась и, как ни в чем не бывало, продолжила терпеливо, кропотливо и настойчиво трудиться над восстановлением «мостов дружбы». И из Пекина вскоре последовали новые ответные дружественные жесты.

Народная дипломатия стала индикатором процесса нормализации отношений двух стран. Возобновление связей между обществами дружбы, как и по другим линиям двусторонних отношений, в конце концов свершилось (при нашей инициативе): просто и естественно, без взаимных попреков. И такие события «времен противостояния», как осады хунвэйбинами

советского посольства в Пекине, кровопролитие на Даманском, попытки формирования тогдашними пекинскими властями «всемирного антисоветского фронта», стали со временем — благодаря активнейшей двусторонней деятельности народной дипломатии — восприниматься как страшный, неправдоподобный сон.

...Наряду с уважением к революционным традициям Китая, к подвигам советских людей и китайцев в общей борьбе с фашизмом, исключительно важный «kozyрь» в деле укрепления дружбы наших народов — их великая культура, что убедительно показано в этой книге. В ней 27 глав, и почти в каждой речь, в большей или меньшей степени, идет о культуре и ее компонентах (искусстве, науке, образовании и пр.). Судите по заголовкам: «Они учились в Советском Союзе» (глава 8), «Культура сближает народы» (глава 10), «Российский медведь и китайская панда: два Национальных года» (глава 13), «Литература — духовный мост между народами России и Китая» (глава 15), «Ученые-китаеведы — основной актив Общества Российско-китайской дружбы» (глава 17), «Год русского языка в Китае» (глава 22), «Год китайского языка в России» (глава 24)... Но и в тех главах, тема которых — о политике или экономике, без деятелей культуры, искусства, науки, образования не обходится. Так, в главе 20-й, озаглавленной «Мероприятия юбилейного года в Китае» (имелись в виду 60-я годовщина провозглашения КНР, 60-летие дипломатических отношений наших стран и 60-летие Общества китайско-российской дружбы) Г.В. Куликова рассказывает о визитах кинематографистов, живописцев, музыкантов, о Фестивале российского кино в Пекине и Шанхае, об открытии Китайско-русского центра культуры и искусств в Тяньцзине и т.д.

Заголовок заключительной, 27-й главы говорит сам за себя: «Вместе отмечаем 10-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой». Здесь, разумеется, доминирует политика, фигурируют имена высших руководителей двух держав, но и без упоминаний о деятелях культуры, разумеется, не обошлось. Не случайно, именно в 2011 г. в Пекине открылся Российский культурный центр...

Читая эту книгу, начинаешь постигать тот удивительный феномен — почему на описанном выше диспуте в Пекине немало молодых китайцев (хотя, разумеется, не все) предпочтение отдали Павке Корчагину перед Биллом Гейтсом. И почему «корчагинец» Сюэ Фань (инвалид, переселившийся, по прочтении книги Николая Островского тяжкий недуг)

свыше полувека лелеет в сердце любовь к нашей культуре.

...С ним мне довелось познакомиться в Пекине, в гостях у Галины Вениаминовны, которая, будучи заместителем председателя ОРКД, работала (в ранге Советника посольства РФ) представителем Росзарубежцентра. Своего офиса у него тогда еще не было, и свою двухкомнатную квартиру на посольской территории она частенько использовала для встреч с активистами Общества китайско-русской дружбы, прославившись своими пирожками, борщом из «экзотического» для китайцев овоща — свеклы. Мне досталось место подле «главного гостя», Сюэ Фаня, и по ходу беседы между тостами выяснилось, что он переводит песни, оказывается, не только с русского. И что даже работая над репертуаром «Бонни-М» или «битлов» творческой радости не испытывает. «Почему?» «Пустые тексты, — объяснил. — Знай себе, твердят «Полюби меня, полюби меня», «поцелуй меня, поцелуй меня». Любая русская народная или советская песня, любой романс — это новеллы с глубоким содержанием, живыми чувствами...»

Вот какова она, наша «мягкая сила»: в кладовых русской и советской культуры — мудрой, гуманной...

Преимущества «мягкой силы», народной дипломатии, осуществляемых по «модели» ОРКД и ОКРД, показаны в книге Г.В. Куликовой объективно и убедительно. Если в понимании некоторых западных политологов «мягкая сила» сродни промыванию мозгов и психологической войне, то в исполнении ОРКД и ОКРД это — бескорыстный и равноправный, подлинно взаимовыгодный обмен высокими

духовными ценностями, и рецензируемая книга сама — достойный в этом отношении пример.

...Остается добавить, что этот труд Г.В. Куликовой был тепло принят как российской, так и китайской общественностью. Веб-сайт газеты «Жэньминь жибао» взял у Галины Вениаминовны обстоятельное интервью (которое было перепечатано и популярным в странах СНГ порталом «ЦентрАзия»), презентации книги прошли как в Китае, так и в России. Поступают первые читательские отклики из Пекина. «*читаю с большим интересом и не перестаю восторгаться Вашей книгой и Вами лично. Ваша «Народная дипломатия» дышит глубокими человеческими чувствами к нашей стране, нашему народу, к Вашим китайским друзьям, а их много-много...*», — написала автору воспитанница Ивановского детдома Роза Юй Бинь.

На презентации, состоявшейся в Китайском зале ИДВ РАН. Почетный председатель Общества Российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский и еще ряд выступавших высказали мнение, что данный труд Г.В. Куликовой стоило бы расценить «как заявку на присвоение ей ученой степени». Директор Института Дальнего Востока РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы академик М.Л. Титаренко, коснувшись в своем выступлении причин выживаемости ИДВ РАН и ОРКД после распада СССР, особо выделил роль «человеческого фактора»: эти успехи обусловлены, по его оценке, «*проявленными в коллективе чувствам долга, величайшей ответственностью, глубоким пониманием значимости российско-китайского взаимопонимания и сотрудничества для нашей страны. Все эти слова имеют самое прямое отношение к автору книги*».

© 2013

А. Крушинский,
заведующий отделом журнала «Проблемы Дальнего Востока»

1. См.: Куликова, Г.В. «Россия — Китай: Народная дипломатия». М.: ИД «Форум», 2012. С. 7–8
2. Там же. С. 171—172
3. Благодаря своевременно предпринятым решительным мерам СССР и самоотверженному сопротивлению вьетнамских войск, новой крупномасштабной войны в Юго-Восточной Азии удалось избежать: 20 марта начался вывод китайских войск с захваченных ими приграничных территорий.

Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Международные отношения. 2011. 264 с.

«В бурном море не обойтись без кормчего» — гласит китайская мудрость, приписываемая маршалу Линь Бяо, но, видимо, имеющая гораздо более давние народные корни. Для современного этапа функционирования мировой экономики, начатого кризисом 2008–2009 гг., характерно ослабление относительных, а частично и абсолютных позиций США, Европейского союза, Японии при одновременном усилении веса и позиций группы развивающихся государств, прежде всего расположенных в Азии. Рецензируемая монография докторов экономических наук М.А. Потапова, А.И. Салицкого и А.В. Шахматова вполне способна играть роль надежного руководства в деле понимания и анализа сложной совокупности факторов, причин и обстоятельств резкого ускорения процесса «возвышения Азии» в последнее десятилетие. Данная монография является учебником, охватывающим часть вузовского курса по специальности «мировая экономика». В этом качестве монография заслуживает высокой оценки как солидное пособие с логичной структурой, широкой фактологической базой, четким и убедительным изложением материала.

Высокое качество работы явилось результатом последовательного многократного приложения усилий. В 2006 г. данный авторский коллектив издал свою первую работу «Возрождение Азии: горизонты модернизации». В рецензии на нее мне довелось указать на ряд недостатков монографии (например, отсутствие четкого определения понятия «Азия»¹), которые были исправлены в 2008 г. в первом издании работы под нынешним названием «Экономика современной Азии»². Кроме того, заключительная глава работы 2006 г. «Внешнеэкономические аспекты развития» была существенно дополнена новым материалом и преобразована в две — соответственно, «Страны Азии в мировой экономике» и «Региональное экономическое сотрудничество в Азии».

Таким образом, в нынешнем виде работа состоит из шести основных глав — помимо двух вышеупомянутых, это исторический очерк экономики Азии с особым акцентом на демографические и аграрные аспекты; модели

развития (с охватом анализа промышленности и сферы услуг); проблемы накопления как фактора экономического роста и анализ роли государства в экономике стран Азии. Неформальный характер носят «Введение» и «Заключенные» работы. Полезны и прилагаемые к монографии «Глоссарий», списки таблиц, рисунков, сокращений, а также библиография.

Различия между текстами первого и второго изданий монографии М.А. Потапова, А.И. Салицкого и А.В. Шахматова обусловлены в первую очередь самым ходом событий в мировом хозяйстве в последнюю треть первого десятилетия XXI в. Соответственно, пополнились данными за более поздние годы основные таблицы монографии. Вместе с тем, внесли свою лепту и определенные подвижки в общетеоретических представлениях в мире и в России о факторах экономического роста, прямо связанные с реальной практикой современного развития Китая и отчасти Индии³. В главе 3 параграф «Накопление, занятость и потребление» (изд. 1-е) был преобразован в «Технологии, занятость и потребление». А в главе 5 «Страны Азии в мировой экономике» параграф из издания 2008 г., посвященный азиатскому финансовому кризису 1997–1998 гг., был заменен на более общий раздел «Кризисы и антикризисные меры».

Глава 1 второго издания монографии пополнилась полезными таблицами «Урожайность зерновых и внесение минеральных удобрений в странах Азии в первом десятилетии XXI в.» (С. 41) и «Удельный расход энергоресурсов и выброс CO₂ в 2008 г.» (С. 50).

В главе 2 привлекает внимание попытка вычлнить ряд конкретных моделей развития азиатских стран. Авторы выделяют в отдельные категории страны — нефтьэкспортеры, торгово-промышленные анклавы (Гонконг, Сингапур и с оговорками Дубай и Макао), «японский путь» и повторившее его в основных чертах развитие группы «новых индустриальных стран». Целый ряд самостоятельных моделей был порожден индустриализацией крупных аграрных стран. Можно согласиться с выводом монографии, что «индустриализация Азии во второй половине XX в. стала яркой

страницей экономической истории мира» (С. 77). Справедливо и финальное заключение главы 3: «Несмотря на переход ряда стран Азии к активной сервисизации экономики, индустриализация в этой части света продолжается» (С. 92). Представляется, что именно этот фактор сыграл определяющую роль в формировании устойчиво более высокой динамики экономического роста в Азии по сравнению с США и Европой в последние полтора десятилетия.

Глава 3 открывается анализом нормы накопления и инвестиций в экономический рост. Пополнены данными за 2006–2010 гг. важные для понимания существа дела таблицы о годовых темпах прироста ВВП, норме накопления и норме сбережений в 20 странах Азии (плюс Австралия и Россия). Введена новая таблица о капиталоемкости роста в Азии. Что касается вывода авторов «о более высокой результативности капиталовложений в целом» в Азии по сравнению с развитыми странами (С. 101), то формально он правилен, поскольку подтверждается данными о требуемом удельном приросте инвестиций в расчете на прирост единицы ВВП. Однако, на наш взгляд, ограничиться здесь простой констатацией недостаточно. Явно требуется хотя бы самое общее объяснение причин этого феномена, среди которых — различия в структуре экономики, более высокие оплата труда и социальные отчисления в развитых государствах.

Соглашаясь с критикой авторами «слишком высоких показателей нормы накопления» в связи с их способностью «вызвать недостаток потребительского спроса в экономике, проблемы с реализацией продукции» (С. 105) полагаю, вместе с тем, необходимым особо подчеркнуть и такой принципиально важный момент, как создание в ряде стран избыточных производственных мощностей. В Китае данный фактор в последние годы выступает весомой материальной основой его активной экспансии на зарубежных рынках приобретения энергоносителей и сырья и сбыта готовой продукции.

Разделы главы 3 о концентрации капитала и научно-техническом прогрессе дают неплохое представление о процессах, происходящих в этих сферах в азиатских государствах. В то же время, на мой взгляд, эти разделы нуждаются в большем обновлении, чем это было сделано во втором издании монографии по сравнению с первым. В частности, не нашла отражения задача превратить КНР в государство инновационного типа, поставленная в 2006 г. в Программе научно-технического развития Китая до 2020 г. Видимо, здесь жела-

тельна более активная работа с первичными китайскими источниками и многочисленными прогнозами развития мировой экономики, появившимися в последние годы.

В главе 4 рассмотрен широкий комплекс сложных на практике и остающихся дискуссионными в теории проблем, связанных с эволюцией роли государства в экономике стран Азии. В их числе либерализация управления народным хозяйством в целом, масштабы приватизации, функции планирования и промышленной политики на различных этапах развития, взаимоотношения государства, рынка и монополий, борьба с инфляцией, политика валютного курса. Текстуальное изложение материала подкреплено весьма информативными статистическими данными, среди которых хотел бы выделить таблицы о росте потребительских цен (С. 143) и об изменении валютного курса (С. 154) стран и территорий Азии в 2000–2009 гг. Авторы осторожно прогнозируют сохранение тенденции усиления государственно-перераспределения в Азии, видя в этом важный фактор экономического роста (С. 159).

Обновленная глава 5 пополнилась полезными таблицами о доле отдельных стран и групп государств в мировом экспорте и импорте товаров (С. 171) и об изменении мировых цен на сырье за период 2000–2010 гг. (С. 172). Можно приветствовать и предпринятую авторами попытку проанализировать, какие типы стран больше других страдают от китайской экспортной экспансии. Она созвучна мировым тенденциям: с 2010 г. исследовательские структуры журнала «Economist» начали рассчитывать и анализировать «индекс китаезависимости», правда, в основном не для стран, а для транснациональных корпораций, ведущих операции с Китаем.

На фоне достаточно обстоятельных разделов о прямых иностранных инвестициях и экспорте капиталов и услуг описание влияния кризиса 2008–2009 гг. на страны Азии и их антикризисных мер (С. 193–194) выглядит излишне лапидарным.

Добротный материал главы 6 вполне можно рассматривать как базовое справочное пособие по теме регионального экономического сотрудничества в Азии. Вместе с тем, процессы в этой сфере идут столь динамично, что возник своего рода парадокс — наиболее заметно обновленная глава оказалась одновременно и наиболее отставшей от современной событийной канвы. Это, впрочем, не влияет на справедливость ряда сделанных авторами выводов. Один из важнейших для нас состоит в

том, что «российская экономика... не встроена в производственно-финансовую схему сотрудничества в регионе. Ее роль ограничивается топливно-сырьевыми поставками в обмен на готовую продукцию... Такое состояние взаимодействия России, Китая и США в Восточной Азии может вполне устраивать Китай, с оговорками — США и не может устраивать Россию» (С. 207). Будем надеяться, что саммит АТЭС во Владивостоке дал старт радикальному изменению данной ситуации.

Авторы завершают монографию выводом, что в результате активного участия в процессе экономической регионализации «азиатские государства существенно укрепили коллективные и индивидуальные позиции в мировой экономике, повысили возможности противостоять кризисам» (С. 235). С этим, безусловно, нужно согласиться.

Вместе с тем, вопрос о том, насколько динамичным будет экономический рост в Азии в долгосрочной перспективе, остается открытым. Не секрет, что до недавнего времени большинство азиатских государств, особенно такие развивающиеся страны-гиганты, как Китай и Индия, продвигались вперед, что называется, налегке, обременяя себя социальными расходами по минимуму. Так, в Китае доля расходов на социальную защиту населения в

2008 г. составила 4,7% ВВП, тогда как в странах ОЭСР — 15,2%⁴. Далее так продолжаться не может. Серьезные дополнительные затраты, неизбежно снижающие темпы экономического роста, требуются и на защиту окружающей среды. На мой взгляд, экономическое лидерство Азии в мире в обозримом будущем не является уже предрешенным. В данном контексте заслуживают внимания прогнозы Азиатского банка развития в докладе «Реализация века Азии» (2011 г.), согласно которым среднегодовые темпы прироста ВВП в Азии в период 2011–2020 гг. составят 5,8%, а в 2021–2030 гг. — 5,2% по сравнению с 4% и 3,9% по миру в целом. Доля стран Азии в приросте валового мирового продукта вырастет с 55,7% в 2010-е гг. до 59,3% в 2020-е гг. При этом, однако, доля Азии в мировом валовом продукте достигнет, соответственно, 33,5% в 2020 г. и 38,9% в 2030 г. (в т.ч. Китай 20%, Индия 10%, АСЕАН 5%), то есть лидером мировой экономики Азия в целом по-прежнему еще не будет⁵. Так что Европу и Америку явно рано списывать во второй эшелон.

Полагаю, что разворачивающийся в мировом хозяйстве новый тур конкуренции ведущих центров силы за лидерство найдет всестороннее отражение в следующих работах М.А. Потапова, А.И. Салицкого и А.В. Шахматова.

© 2013

В. Портяков,

доктор экономических наук, профессор

1. См.: Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 180–182.
2. В частности, во «Введении» была дана четкая характеристика историко-географического понятия «Азия». Было подчеркнуто, что в работе рассматривается экономика зарубежной Азии (Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии. М., Междунар. отношения, 2008. С. 5–6).
3. Один из авторов рецензируемой монографии А.И. Салицкий в соавторстве с В.В. Тацнем попытался суммировать свои представления о подвижках в теории экономического роста в статье «Мировая экономика: время переоценок?» (Восток. 2011. № 5. С. 72–83). Ее основные положения стали предметом развернутой дискуссии. См.: Восток. 2012. № 1. С. 82–108, 2012; № 2, с. 87–124. А.И. Салицкий и В.В. Тацкий подвели итоги дискуссии в статье «Зарождение биполярности или солидариство?» (Восток. 2012. № 3. С. 87–97).
4. Портяков В.Я. Превращение Китая в мощнейшую державу мира и прогноз возможных геополитических последствий // Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эры: К юбилею академика О.Т. Богомолова. М., 2012. С. 283.
5. ADB report: Realizing the Asian Century, 2011. Цит. по: Чжан Юньмин. Жухэ линцзе Чжунго дэ цзюэци цзи ци ни [Как понимать возвышение Китая и его значение] // Чжунго вайцзюэ [Дипломатия Китая]. Пекин, 2012. № 7. С. 5.

Юбилей ученого

Юбилей Людмилы Ивановны Кондрашовой (Молодцовой)

Юбилей с внушительными круглыми цифрами — это не только праздники, но и грустные сожаления самих юбиляров о прошедшей молодости. Особенно болезненно относятся к напоминаниям о возрасте женщины. Но есть среди них и такие, которые не хотят числиться пенсионерами и продолжают трудиться с полной отдачей сил и юношеским задором.

Именно к такой плеяде синологов-ветеранов относится Людмила Ивановна Кондрашова, для которой изучение Китая — не просто профессия, по призвание и страсть. Ее принадлежность к этой когорте ученых-фанатиков сопряжена с неуголимой любознательностью, исследовательской дотошностью и информационной ненасытностью, с вечной неудовлетворенностью достигнутым, с желанием «объять необъятное».

Трудно сказать, откуда появилась у нее «китайская страсть». Наверное, это связано с романтикой эпохи, пробуждением Азии, появлением у СССР великого «младшего брата» — Китая. Окончив школу с золотой медалью и располагая выбором между всеми московскими вузами, она подала заявление о приеме в Московский институт востоковедения, единственный, где медалисты были обязаны сдавать вступительный экзамен по языку. Ее студенческая жизнь растянулась на целых 9 лет — три года в МИВ, который закрыли по решению Хрущева, три года на географическом факультете МГУ, потом еще три года в Пекинском университете, где пришлось начинать опять с третьего курса, поскольку специальность «экономическая география» в Китае была только недавно создана.

Зато ее трудовая деятельность оказалась более однообразной — всего две записи в трудовой книжке — Институт мировой социалистической системы АН СССР, переименованный позднее в Институт международных экономических и политических исследований РАН, где она проработала 40 лет, а с 2000 г. — Институт Дальнего Востока, который стал ее «вторым домом».

За свою долгую трудовую деятельность Людмила Ивановна прошла все ступеньки научной карьеры — от научно-технического и младшего научного сотрудника до

главного, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, завоевала заслуженный научный авторитет. Если с ИМЭСС связаны ее воспоминания о своей молодости и «молодости» КНР, то с ИДВ — широкие возможности плодотворных научных контактов. В своих мемуарных записках «Я — синолог» она так высказывается о своей привязанности к ИДВ: «С этим Институтом у меня всегда были тесные отношения, я участвовала почти во всех их конференциях, часто обменивалась мнениями с уважаемыми мною учеными, Круг моих интересов был очень широк, и ИДВ в этом отношении подходил как нельзя лучше».

Уже на студенческой скамье она сделала почин в научном творчестве, выступив в 1957 г. со статьей о гидроэнергетических ресурсах КНР в журнале «География в школе». В 1970-е гг. она занималась экономикой КНР, собирая в буквальном смысле по крупицам отдельные статистические оценки. После того, как в Китае серьезно занялись статистикой, расчеты сотрудников ИЭМСС оказались весьма близки к реальности, что было отмечено и в зарубежной синологии. По ее авторским монографиям 1970-х — 1980-х гг. можно сейчас изучать историю индустриализации КНР. В публикациях 90-х гг. и начала XXI века преобладающей стала тематика экономической стратегии, рыночных преобразований, о чем можно судить по заголовкам монографий и статей: «Китай углубляет реформу» (1993). «Китайский вариант рыночной трансформации» (1996), «КНР и региональная экономическая политика» (1998), «30 лет экономической реформы в КНР» (2008). Раритетом стала изданная небольшим тиражом, фундаментальная работа «Китай ищет свой путь» (2006), в которой подняты серьезные теоретические проблемы. Обращение к теоретическим сюжетам стало особенно характерным для ее работ последних лет: «Приватизация с китайской спецификой. Проблема классификации форм собственности» (2004), «Влияние китайской общественной мысли на выбор модели государственного и общественного устройства» (2008), «Китай на пути к национальной модели демократии» (2009). Участие в крупных международных форумах ознаменовалось публикациями таких докладов, как «Будущее социализма» (2010), «Нравственное государство как цель общественного развития» (2011), «Прогнозы экономического развития КНР» (2013). Ее описания различных аспектов китайской перестройки — это не потоки комплиментов китайским лидерам и не политизированная критика китайских проблем, а трезвый анализ и естественная симпатия к китайским труженикам, истинным создателям «китайского чуда». Ее многочисленным статьям в научной периодике свойственны оригинальность изложения, ясность стилистики, обоснованность выводов. Признание заслуг коллег как своего, так и более молодого поколения, проявилось, в частности, в увлечении теориями синергетики, институциональных матриц, социально-экономических моделей. Участвуя в многочисленных научных конференциях, она находит общий язык с экономистами и социологами, с историками и философами. Несколько лет назад она удивила филологов своим стихотворным переводом знаменитого трактата «Дао-Дэ цзин», написав к нему содержательное введение и заключение.

Будучи географом по образованию и имея широкие возможности посещения Китая, она объездила буквально всю страну, побывав в Синьцзяне и в Тибете, и Яньтае и на Хайнани, не говоря уже о Пекине, Ухане и Шанхае. Всюду у нее остались хорошие друзья, сохраняющие дружеские чувства к России. Она была очевидцем таких китайских событий, как «большой скачок» и «культурная революция», студенческое движение 1989 г. и празднование 100-летия Синьхайской революции.

Поздравляя Людмилу Ивановну с ее юбилеем, пожелаем ей здоровья и сил для продолжения плодотворной научной деятельности.

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Стихи китайских поэтов в переводе Л.И. Кондрашовой

Чжан Вэньшоу

Мне не сдержать потока
горьких слез
И чувствую, как постепенно
покидают силы.
Гляжу на бледную луну,
подругу грез,
И в мыслях уношусь туда,
где милый.

У Цзэтянь (624–705)

Есть красный цвет любви
и серый цвет разлуки.
Никто предостеречь меня
заранее не мог
От слез, что вызваны
невыносимой мукой.
Линяет на глазах
мой шелковый платок.

Чжан Хун

Расстались мы
с прилетом лебедей.
Теперь уже зима
стучится в дом.
Давным-давно нет от тебя
вестей
Не холодно ль тебе
в краю чужом?

Го Чжэнь (656–713)

Весною разлилась река
и затопила рощу.
Бамбуковые кущи в мутных водах
тонут.
Любовь — одно мучение.
Наверно, проще
Закрывать глаза и с головою
в омут.

Лю Фаипин

За окнами зажглась
вечерняя заря.
Жду сумерек, что слезы горя
скроют.
Коль рядом нет любимого,
весна пришла зазря
В цветущий сад
и выходить не стоит.

Ли Дуань (примерно 779 г.)

Луну и звезды
погасил рассвет.
Горит еще светильник.
хоть не нужен вроде.
Смотрю на дверь,
но милого все нет.
Не тешит гомон птиц,
а лишь тоску наводит.

Чжу Циньюй (797 -?)

У новобрачных в комнате всю ночь
не гасли свечи.
А утром все домашние придут
на них взглянуть.
Красавица, прижавшись к милому,
тихонько шепчет:
«Позволишь ли жене своей
подкраситься чуть-чуть?»

Чао Цай

Пришла пора цветения и гроз
Весна надежду страждущим вернула.
Ах, если б ветер к милому унес,
Я б струями дождя к нему прильнула!

Тан Хуэйсю

Так истомилась я в разлуке
от сердечных мук,
Что слабый голос мой
не трудно заглушить,
Но провожая птиц на север,
верю, что супруг
Услышит в журавлином клике
крик моей души.

Се Тяо (464–499)

Прекрасных дней любви
мне больше не вернуть.
Мои желанья мечутся,
как у ткача челнок.
То бесшабашно рвусь мечтою на восток,
А то меня страшит
ночной безлюдный путь.

Contents

THEORY AND METHODOLOGY

M. Titarenko. The Phenomenon of Chinese Socialism (Reflections on the Discussion of Chinese Socialism and the Outcome of the XVIII Congress of CPC)

RESULTS OF THE XVIII CONGRESS OF CPC

A. Ostrovsky. The XVIII Congress of CPC: How to Build in China a Society of "Little Prosperity" ("Xiaokang")

P. Kamennov. Issues of Military Policy in China at the XVIII Congress of CPC

I. Ushakov. The XVIII Congress of CPC and Environmental Imperative of China

V. Portyakov. Prospects of Further Rise of China and Its Possible Geopolitical Impact

POLITICS

A. Davydov. China – USA – Russia: If a Change of Power Involves Power of Change?

V. Vorobyev. South China Sea: China and the Others

Yu. Morozov. Afghanistan after 2014: Stability for SCO States or New Tensions in Central Asia?

D. Streltsov. New Change of Power in Japan

ECONOMY

L. Eder, I. Filimonova. Features of the Development of Pipeline Transport in China

RUSSIAN SINOLOGY

A. Vinogradov. Studies of Chinese Development Models in Russia in the 1990's

HISTORY

N. Puzynya. Japan's Policy in the South-Western Pacific (1950's–1980's)

SCIENTIFIC EVENTS

O. Kazakov. Scientific Conference "Three Years of Ruling of the Democratic Party of Japan: Results and Prospects" in IFES RAS

V. Chuvankova, E. Lapshina. Dissertations in IFES RAS in 2012

BOOK REVIEW

Krushinsky, Kulikova G.V. Russia — China. People's Diplomacy

V. Portyakov, Potapov M.A., Salitsky A.I., Shakhmatov A.V. Economies of Modern Asia

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Lyudmila Ivanovna Kondrashova

Contents

Summary

Summary

M. Titarenko. The Phenomenon of Chinese Socialism (Reflections on the Discussion of Chinese Socialism and the Outcome of the XVIII Congress of CPC)

Ideas about the nature, characteristics and prospects of Chinese socialism are analyzed. Consistent development and enrichment of the concept of socialism with Chinese characteristics in relation to the cultural and civilizational identity of China. its socio-economic and political system had been revealed. The content of the scientific development concept and its practical application were introduced. The utmost importance of theory and practice of building socialism in China for the future national revival and implementation of human dreams about society of justice and general welfare is testified.

Key words: socialism, Chinese characteristics, Signification of Marxism, V.I. Lenin, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Hu Jintao, Xi Jinping, multiformity, people's democratic dictatorship, CPC, liberation of consciousness, three representations, scientific concept of development, harmony, national revival.

A. Ostrovsky. The XVIII Congress of CPC: How to Build in China a Society of "Little Prosperity" ("Xiaokang")

Based on analysis of the CPC XVIII Congress documents and China development plans for 2011–2015 a conclusion was made that the 12-th Five-Year Plan period is crucial for the realization of ambitious plans to build by 2020 a society of "little prosperity" ("xiaokang"). To solve this problem a provision had been made of doubling GDP by 2020.

Key words: the XVIII Congress of CPC, 12-th Five-Year Plan period, a society of "xiaokang", GDP.

P. Kamennov. Issues of Military Policy in China at the XVIII Congress of CPC

The article deals with the main aspects of military policy and military build-up in China in the context of decisions of the XVIII Congress of CPC: upgrading military capabilities, formation of powerful armed forces adequate to the growing international status of China, ensuring absolute control over the army by the CCP, carrying out the strategy of "active defense", military diplomacy.

Key words: military policy, military build-up, absolute control over the army by the CCP, the modernization program, the strategy of "active defense", military-industrial complex, military diplomacy.

I. Ushakov. The XVIII Congress of CPC and Environmental Imperative of China

The article examines the state of the environment in China and the reasons that led the leadership to put environmental problems in a central place at the XVIII Congress of CPC. The balance of emphasis in Congress environmental documents was considered.

Key words: the XVIII Congress of CPC, ecological civilization, environmental diplomacy, functional zoning.

V. Portyakov. Prospects of Further Rise of China and its Possible Geopolitical Impact

Various economic growth forecasts for China by 2020 and 2030 were considered. The possible geopolitical consequences of continued rise of the PRC, including its likely impact on the relations between China and the Russian Federation, are analyzed.

Key words: China, economic growth, foreign policy program of the XVIII Congress, the prognosis, the rivalry with the US, Sino-Russian relations.

A. Davydov. China — USA — Russia: If a Change of Power Involves Power of Change?

An attempt was made on the basis of summarizing the main features of the political situation in China, the US and Russia to disclose trends in foreign policy of the three countries and prospects for the development of relations between them.

Key words: Russia, China, the US, the relationship, economic situation, domestic and foreign policies, changes in governments.

V. Vorobyev. South China Sea: China and the Others

Situation in the South China Sea has recently grown into a risk zone inside the Pacific Rim. Nevertheless, no one has crossed the "red line" so far.

The core of the matter seems not to be limited only to territorial disputes between China and several South East Asian countries — ASEAN Member-States. By some of its aspects the South China Sea issue has already gone far beyond purely regional frameworks.

Key words: the South China Sea, South East Asian countries, territorial disputes, freedom of navigation, USA, Russia, China.

Yu. Morozov. Afghanistan after 2014: Stability for SCO States or New Tensions in Central Asia?

The paper analyzes the results of foreign military presence in Afghanistan and the problems of military withdrawal, US strategy toward Afghanistan and situation scenarios after 2014, the positions of Russia and China in relation to the situation. Joint international action to stabilize the situation in Afghanistan and the region as a whole are proposed.

Key words: Afghanistan, Central Asia, security, Russia, China, NATO, the SCO.

D. Streltsov. New Change of Power in Japan

The article reviews the results of the early parliamentary elections in Japan. It examines principal electoral programs of political parties and provides a detailed analysis of the reasons for the crushing defeat of the Democratic Party and the victory of Liberal Democratic Party.

Key words: Japan, election, campaign platform, "the third pole", "floating votes", absenteeism, populism.

L. Eder, I. Filimonova. Features of the Development of Pipeline Transport in China

The authors examine the current state and prospects for the development of pipeline transport in China. They provide its general characteristics, analyze the history of formation, present organizational structure and regional pipeline infrastructure of the PRC.

Key words: Vladivostok, Skovorodino, oil, gas and product pipelines, Rosneft, PetroChina (CNPC), Sinopec, CNOOC.

A. Vinogradov. Studies of Chinese Development Models in Russia in the 1990's

The article deals with the main directions in studies of China development in Russia after the third plenum of the CPC Central Committee in 1978, and the way they evolve. It shows the influence of the reform and socio-political processes in Russia to the assessment of changes in China.

Key words: socialism with Chinese characteristics, modernization, economic reforms in China, the Russian Sinology.

N. Puzynya. Japan's Policy in the South-Western Pacific (1950's–1980's)

The article deals with various aspects of Japan's policy in respect of the South-Western Pacific during forty years of the XX Century. The study leads to the conclusion that in that particular period of 1950's–1980's the foundation for further strengthening and development of Japan's relations with the countries of the South Pacific had been laid.

Key words: Japan, South Pacific, international relations, foreign policy, foreign trade, regional cooperation.

Щека Юрий Владимирович
13.08.1946 — 15.03.2013

Дирекция и общественные организации Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Российский комитет тюркологов при Историко-филологическом отделении Российской академии наук с глубоким прискорбием извещают, что 15 марта 2013 г. на 67-м году жизни после тяжелой болезни скончался известный российский тюрколог, заведующий Кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, член Российского комитета тюркологов Юрий Владимирович Щека.

Ю.В. Щека родился 13 августа 1946 г. в г. Москве. В 1970 г. окончил Институт восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки МГУ) и связал с ним всю свою последующую творческую научную и преподавательскую деятельность. В 1990 г. получил второе образование, закончив физический факультет МГУ. С 1996 г. возглавлял кафедру тюркской филологии ИСАА.

Юрий Владимирович широко известен как крупнейший в российской тюркологии специалист по современному турецкому языку. Его перу принадлежат как интересные научные разработки по теоретической грамматике турецкого языка, так и пользующиеся широкой популярностью учебные пособия, в которых нашла отражение его уникальная методика преподавания турецкого языка в стенах ИСАА.

В 1993 г. Ю.В. Щека защитил докторскую диссертацию на тему «Интонология турецкого языка и проблемы ее общетеоретического обоснования».

Последующие годы научной деятельности Юрий Владимирович посвятил не только общим вопросам теории тюркских и алтайских языков, но и более широкой проблеме их глоттогенеза. На эту тему он опубликовал большую серию статей в разных научных изданиях и неоднократно докладывал результаты своих исследований на научных форумах.

В 2007 г. он издал «Практическую грамматику турецкого языка», основу которой составил курс теоретической грамматики, читавшийся автором студентам ИСАА МГУ.

Созданный Ю.В. Щекоей «Интенсивный курс турецкого языка» является базовым учебником не только в ИСАА, но и во многих учебных заведениях, где его изучают.

Большую известность получили у тюркологов и всех изучающих турецкий язык составленные Ю.В. Щекоей словари, которые выдержали многочисленные издания. Столь же известны и турецко-русские разговорники, подготовленные им для пользователей разных специальностей: от туристов и коммерсантов до дипломатов и политологов.

Ю.В. Щека в течение многих лет являлся членом диссертационных советов по языкознанию в Институте стран Азии и Африки МГУ и Институте языкознания РАН.

Великолепный знаток живого турецкого языка, переводчик-синхронист, широко эрудированный в вопросах литературы, музыки, искусства, скромный и отзывчивый человек Юрий Владимирович пользовался заслуженной любовью и уважением своих коллег, сотен студентов-тюркологов, получивших у него в стенах ИСАА знания по турецкому языку.

Друзья и коллеги Юрия Владимировича из ИДВ РАН и редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» скорбят по поводу безвременной кончины Юрия Владимировича и выражают глубокое соболезнование его родным и близким.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» объявляет о проведении льготной редакционной подписки (при условии получения журналов в редакции) на второе полугодие 2013 г. (№№4, 5, 6).

Стоимость редакционной подписки – 1350 руб.

Подписка заканчивается 13 мая 2012 г.

Оформить подписку можно у заведующей редакцией «ПДВ» Елены Александровны Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935–01–01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131–2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Подписано к печати 27.03.2013 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/8
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 560 экз. Зак. 1083. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124–09–02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2013 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.*

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) *На кит. яз.*

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) *На англ. яз.*

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N. ... С. ...

б) *Из Интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.